

Александр АНДРЕЕВ

НАСТОЯЩАЯ ИСТОРИЯ КАЗАЦКОЙ УКРАИНЫ

Annotation

В книге рассказывается о возникновении и развитии украинского казачества. Первые казацкие отряды на Запорожье XVI века, народные восстания на Украине начала XVII века, блистательный Богдан Хмельницкий, Руина, отчаянный Иван Мазепа, арьергардные бои И. Скоропадского, Д. Апостола, К. Разумовского, ужасное XIX «министерское» столетие – авторы создали достоверную и подробную историю казацкой Украины XV–XX веков, используя для этого множество документов и мемуаров этого удивительного времени. Вслед за иностранными авторами XVII века хочется воскликнуть: «Браво, запорожцы! Браво, украинские казаки! У вас всегда есть порох в пороховницах».

- [Александр Андреев, Максим Андреев](#)
    - [Начало украинского казачества](#)
    - [Украинский казак. Структура Украинского казачьего войска. Регалии. Старшина](#)
    - [Время до Богдана Хмельницкого](#)
    - [Время Богдана Хмельницкого](#)
    - [Время после Богдана Хмельницкого](#)
    - [Время Ивана Мазепы](#)
    - [Время до Кирилла Разумовского. Конец гетманства. Украинское казачество после гетманства](#)
-

Александр Андреев, Максим Андреев
Настоящая история казацкой Украины
Есть еще порох в пороховницах

Начало украинского казачества

Украина сльвет страной чисто поэтической, и это справедливо. Недаром же и польские магнаты на чрезвычайном сейме в Варшаве, в 1659 году, в речи своей королю Казимиру назвали ее плодоносным Египтом, землю обетованною, текущую медом и млеком, плодоносною, всем изобильную, из века сльвущую златым облаком.

Н. Сементовский, историк XIX века.

Издравле исконными жителями украинских земель являлись славянские племена. «Повесть временных лет» – летописный свод, составленный во втором десятилетии XII века в Киеве Нестором и отредактированный Сильвестром, говорит о таком расселении племен славян – по Днепру жили поляне, по Бугу – дулебы, бужане и волыняне, по Днестру – тиверцы и уличи, на юг от Припяти – поляне, на Левобережье Днепра – северяне, в Прикарпатье – белые хорваты. Территории этих племен вошли в состав «знаменитого во всех землях» Киевского государства со столицей в городе Киеве, известном еще с V века. Киевское государство было прославлено многими князьями – Олегом, Ольгой, принявшей православие, Святославом, Владимиром, крестившим страну, Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом. Были установлены прочные связи с Западной Европой, Византией, Средней Азией, народами Кавказа, были разбиты и ушли с исторической арены постоянно совершавшие набеги на украинские земли степняки: хазары, печенеги, половцы. В состав Киевского государства вошли и земли ильменских славян.

В середине XIX века неизвестный историк писал в тогдашних газетах Российской империи:

«Значение Киевской Руси доселе никем еще не было понято. Это древняя, светлая Русь озарена каким-то весельем, праздничным сиянием. Разноименное население окрестностей Киева, греческий торговый путь и другие, проходившие мимо Киева или примыкавшие к нему, непрерывные сношения с Византией и Западной Европой, церковные торжества, соборы,

княжеские съезды, соединенные ополчения, привлечение в Киев множество народа из всех концов России, довольство, роскошь; множество церквей, засвидетельствованное иностранцами; рано пробудившаяся потребность книжного учения, при этом какая-то непринужденность и свобода в отношениях людей различных званий и сословий, наконец, внутреннее единство жизни, всеобщее стремление освятить все отношения религиозным началом, так ярко отразившееся в воззрении нашего древнейшего летописца. Все это вместе указывает на такие условия и зародыши просвещения, которые не все перешли в наследство к Руси Владимирской».

Наиболее значительным после Киевского государства на украинских и славянских землях было Галицкое княжество, находившееся между Южной Русью и Польшей. Через него проходили торговые пути из России в Венгрию, Польшу и Центральную Европу. Большую роль в Княжестве, в его политической жизни сыграли князь Владимир (1144–1152 годы) и его сын Ярослав Осмомысл (1152–1187). В 1199 году Роман Вольнский объединил два княжества – Галицкое и Вольнское. В 1205 году во время похода на Польшу Роман неожиданно умер. Венгры во главе с королем Андреем II заняли Волынь и Галич и поделили его с Польшей. Однако ненадолго. Жители княжества изгнали захватчиков и во главе державы стал знаменитый Даниил Романович Галицкий. В 1240 году власть Галицко-Вольнского князя распространилась и на Киев.

В 1240 году украинские земли подверглись нашествию монголо-татар во главе с внуком Чингизхана Батыем и были совершенно разорены. Историк Н. Березин писал в своей работе «Украина», изданной в Петербурге в начале XX века:

«Из Азии пришли татары. Люди запирались в городах, которые один за другим брались татарами, пока очередь не дошла до Киева. Не устоял и Киев. И как было устоять. Как ни храбро бились в отчаянии горожане, но против несметной силы устоять не могли. Страна полян и северян опустела до того, что когда итальянский путешественник, монах Плано Карпини, проезжал вскоре после погрома этими местами, то он видел одни пустыри, усеянные белеющими костями, черным углем пожарищ, заросшие уже степным бурьяном. Людей почти не было видно. Где жили тысячи и десятки тысяч, там робко копошились

отдельные семьи запуганных, обездоленных людей. Татары остались кочевать в степи неподалеку, и ни у кого не хватало смелости и охоты вернуться на места, где, как встарь при половцах, ежечасно можно было ждать набега, не имея надежды найти защиту в городе или у князя.

До татарского погрома главным центром Русской земли оставался все-таки Киев. Все главные события древнерусской истории разворачивались вокруг него. Неизвестно, что случилось бы, если бы Киев остался прежним людным городом. Может быть, кроме Польши, Литвы и Москвы, еще одним могучим государством было бы больше на земле, и Русь, в конце концов, собралась бы вокруг Киева, а не вокруг Москвы.

Татарское нашествие разорило всю Украину, после него она не оправилась, пока не вошла в состав Литовского княжества, между тем, как московским князьям татары оказали существенную помощь для основания большого деспотического государства».

В 1246 году власть монгольского хана признал и Даниил Галицкий. Галицкое и Волынское княжества постоянно подвергались нападениям поляков, венгров, татаро-монгол. Венгрия еще в XI веке захватила Закарпатскую Украину, где издавна кроме болгар, венгров, жили и люди из Галицкой земли. Само историческое самоназвание «Украина» впервые упоминается в исторических источниках с XII века по отношению к Переяславскому и Галицкому княжествам, а в XIII веке распространилось на большую часть территории страны. Венгрия попыталась продолжить захваты новых украинских земель, но на ее пути встало новое государство – Великое княжество Литовское.

Литовское княжество образовалось в бассейне среднего Немана в XIII веке и при великом литовском князе Гедимине (1316–1341 годы) подчинило себе земли у Западной Двины, верхнего Днепра, верхней Припяти и Западного Буга. При его сыне Ольгерде (1345–1377) Литва покорила Киевщину, Черниговщину, Подолию и Переяславщину. В 1349 году в сражениях за нее с Венгрией Польша захватила Галичину, за девять лет до этого Литва покорила Волынь.

Украинские земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, почти сохранили свою автономию, язык, религию. Литовские князья начали принимать православие. Иное дело было в Галичине, попавшей под власть Польской Короны; польская элита часто

злоупотребляла политикой уничтожения культуры народов, находящихся от нее в зависимости.

В 1385 году первая попытка полного объединения Польши и Великого княжества Литовского в единое государство в результате подписания Кревской унии не была доведена до конца. С этого времени за украинские земли боролись Польша, Литва и Московия – до определенного времени с переменным успехом.

Различные районы Украины были обособлены и разобщены. С развитием торговли между ними установились экономические связи. Киев, Волынь, Чернигов, Галич, Подолия постепенно сливались в единое экономическое пространство, единое целое, дополняя друг друга. Создавалось и их территориальное единство. Украинские города с XV века управлялись по Магдебургскому праву местного самоуправления, закреплявшему права и свободы горожан, – Волынской, Киев, Житомир. Развитие шло благодаря торговым путям, идущим по Украине.

В 1453 году войска Турецкой империи взяли Константинополь, затем захватили Черноморское побережье Кавказа, Молдавию, Буковину, подчинили Крым. С 1498 года начались постоянные походы турок на украинские земли, грабежи и захваты территорий. Турки и крымские татары разорили даже Киев. Население южной Украины, уводимое в рабство, поредело, плохо защищаемое властями.

В 1492–1493 годах в результате русско-польской войны часть украинских земель перешла к Московскому государству, в 1503 году в состав Московского великого княжества вошла Черниговщина.

Украинские земли загоразивали Польскую Корону и Литву от набегов с юга, принимая на себя главные удары. Положение украинского крестьянства, давимого налогами, барщиной, религиозными притеснениями, постоянно ухудшалось. Король не имел реальной силы, фактическая власть была у магнатов – землевладельцев, манипулировавших сеймом. Украинцы стали уходить в степные районы, в низовья Днепра. Свободный человек брал столько земли, сколько мог обработать, хотя и выходил пахать с оружием, опасаясь, и не зря, татарских набегов, – зато в степи не было панов.

Уходили и от власти родительской, от неволи, кар, долгов, проблем, просто искали лучшей доли. Уходили в «низовые места» и уже не возвращались назад. Благодаря условиям опасной жизни эти поселенцы становились хорошими воинами, а поселения их выдвигались в степь дальше и дальше. Н. Березин писал:

«Расположившись на житье в опасной от татар стране, южнорусский народ сам должен был защищать себя. Государство Польское не давало ему защиты. Обороняясь от хищников, люди привыкали к оружию, привыкали соединяться для защиты и нападения в военные союзы или братства, в разные «купы», «роты», «бурсы», с выборным атаманом, с общей казной, со складом оружия и сборными местами, куда надо было являться при наступлении опасности. Члены таких братств назывались разными именами, пока для всех их, в конце концов, не установилось одно общее название – казаки».

Историей украинского казачества занимались многие исследователи и блестящие историки, более трехсот лет выдвигая свои версии возникновения этого блистательного явления.

В 1736–1740 годах в Запорожской Сечи для производства там крепостных работ находился инженер-поручик князь С. И. Мышецкий, написавший одну из первых «Историй о казаках запорожских»:

«Вышел в 948 году из киевских и полтавских земель один человек, именем Семен, на устье Буг-реки, в лиман, на одну косу, которая коса и доньне зовется Семенов рог, для своих промыслов, а именно, для битья диких коз, кабанов и прочей дичины, и будучи на оной косе одно лето, пришел домой, и как проведали тамошнее довольствие ближние его соседи, то продались к нему человек более ста, для оных промыслов, а оного Семена стали у себя иметь атаманом. И жили многое время на оной Буг-реке, и сшили себе кафтаны и штаны из кожи диких коз, и тако произошли в великую славу, что славные стали быть стрельцы и прозвали их козарами.

Как греческий Император, живучи в царе-граде с Турком имел войну и нанимал себе охотного воинского люду, то Его Величеству внушили, что есть-де такие люди, что никакого зверя не пропустили, и где будут, то тут и попадут, а прозываются они козары; жилище свое имеют по Буг-реке. Его Величеству весьма оное понравилось, и послал к ним одного комиссара с денежною казною, и как оный комиссар приехал на Буг-реку и нашел в камышу оных козар и атамана Семена, то оному атаману объявил, что Его Величество соизволил прислать к ним денежную казну, и

приказал объявить: чтобы они со своими людьми поимку чинили над оным неприятелем, около Дуная и прочих тут мест. И оный атаман Семен, взяв деньги, со всеми козарами пошел охотно, и приехав к Украине, к местечкам Лысенке и Медведовке и прочим тут имеющимся городкам, присовокупил еще себе войска, более двух тысяч человек, и пошел к Дунаю и прочим тут имеющимся местам. И под Турком, через помощь Божию, в разных местах поиск учинили. А особенно оны козары действительно в оном случае себя оказали, как-то: отогнанием у Турков табунов лошадей и прочей скотины, также и коммуникацию у Турков весьма отняли, и неукрепленные городки, яко то редуты, разоряли, и людей всех в плен брали, а прочих рубили. И по окончании оной баталии Его Величество своею милостью их жаловал, и назвал их казаками».

Один из историков XIX века, Г. Ф. Миллер, писал в 1847 году в «Рассуждении о запорожцах»:

«По известном Батыевом разорении завладели Киевским Княжеством Литовские князья, а в 1340 году Польский король Казимир I оное в воеводство превратил и всю Малороссию на полки разделил.

Первый гетман был Прецелав Ланскаронский, при котором королем Сигизмундом даны казакам вольности и пожалована им земля выше и ниже порогов по обеим сторонам Днепра, завладенная Казимиром I в 1340 году. Но потом, как поляки стали утеснять малороссиян, некоторые из них выбрали себе пустое место ниже порогов, и там, упражняясь в звериной и рыбной ловле, назвали себя либо от козаров, либо от ловли диких коз казаками, которое название потом приложено не только малороссиянам, но и охотникам полякам, поразившим татарского хана Мелингирея в 1516 году».

Российский автор А. Апостолов писал в своей работе «Запорожье. Страна и народ»:

«Ученые долго спорили о том, что значит слово «казак». Иные производили его от слова «коза», потому, мол, что казаки соперничали с дикими козами ловкостью своих движений; другие

– от слова «коса», оттого, что любимым занятием этих людей была рыбная ловля на песчаных отмелях, косах. Теперь все согласны в том, что слово «казак», или «козак» вовсе не русское, а татарское. Киргизы и теперь называют себя казаками, а у татар все их военное сословие состояло из улан (ханских потомков), мурз (князей, дворян) и простых казаков, не владевших землею. Эти татарские казаки постоянно шлялись по степям, содержали полевую стражу и жили военной добычей! Само слово «казак» или иначе «кайсак» обозначало на их языке «легковьючного наездника», человека вольного, бродягу. Украинцы из Киевщины и Полтавщины тоже выходили в степи, которые доставляли им мед, рыбу, звериные шкуры, меха и богатые пастбища, и всего этого было вволю. Поэтому земледельческий тяжелый труд был тогда многим не по душе, да и трудно было им заниматься правильно, когда никто не был уверен в завтрашнем дне: налетят татары и все разграбят; и степь манила отважных людей прелестью вольной жизни.

Многие украинцы жили тогда полукочевой жизнью: где-нибудь в селе или городе у них были усадьбы, обыкновенно защищенные, так как правильного хозяйства не велось, а сами они зимой работали или на смолокурне, или на винокурне, весной же целыми артелями, под предводительством выборных ватажков, шли в степь поохотиться, порыбачить; выпастить коней на роскошных травах, но тут постоянно сталкивались с татарскими бродягами, и их сильно подмывало навредить как можно больше ненавистному врагу, да кстати и поживиться на его счет. То поймают арканом одинокого татарина, то спалят какой-нибудь улус (становище татарское), то, как змеи, подкрадутся в высокой траве к татарскому чамбулу на ночлеге, – часть погонит в поле пасущихся татарских коней, где их переловят, а другая бросится на растерянных татар, непривычных к пешему бою, и беспощадно изрубят их саблями. Изучив до точности все татарские повадки, все их обычные дороги и переправы, которыми они пользовались для своих опустошительных набегов, украинские выходцы вскоре оченьгодились своим землякам: они извещали их о движении татар, о готовившихся больших набеггах, ставили сторожу (варту) на высоких курганах и залегали в густых камышах возле разных речных бродов и днепровских переправ.

Эта жизнь, полная опасных приключений, среди бесплодной степи, в беспрерывной мелкой войне, наложила на украинских выходцев особый отпечаток. Они стали такими выносливыми, что при случае могли питаться одними кореньями, желудями, рогами и копытами животных, по целым дням не слезать с коня, переплывать широкие реки и даже страшные Днепровские пороги. Смерть, постоянно грозившая им во всех видах, сделала их отважными и беззаботными, а отсутствие всякого стеснения, привычка во всем полагаться на себя, а не ждать помощи от государства, развили в них любовь к свободе и независимый характер. Все эти вооруженные украинские выходцы стали называть себя казаками, потому что во многом были похожи на своих врагов – татарских казаков: они переняли не только все их военные хитрости, но даже костюм и обычай брить голову, оставляя один только длинный чуб. При наступлении зимы небольшая часть казаков устраивала себе на каком-нибудь неприступном Днепровском острове шалаши из хворосту, крытые лошадиными шкурами, и оставались там зимой, держа варту (сторожу). Большая же часть возвращалась домой на Украину; там они продавали на ярмарках привезенные из степи меха, шкуры, мед, рыбу, часто посоленную, за недостатком соли, золою, а также отбитых (угнанных) татарских коней и скот. Их рассказы о своих подвигах и прелестях привольной степной жизни побуждали многих слушателей, мещан и крестьян, и себе попытать счастья – «показаковать в поле», а, раз вкусив этой жизни, они уже не возвращались к прежней и тоже делались казаками. От этого, чем дальше, число казаков все росло и росло.

Так как в Литве и на Украине не было постоянного войска, то каневский и черкасский старосты старались воспользоваться храбростью и опытностью казаков в военном деле для охраны границы от татар и турок, образуя из них правильно вооруженные околицы, роты и сотни; сами поощряли мещан и крестьян поочередно посылать из своей среды в степь варту и всех таких людей освобождали от податей. Татары вскоре почувствовали казацкую силу. В 1527 году хан жалуется польскому королю Сигизмунду: «Приходят к нам каневские и черкасские казаки, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал вашей милости, чтоб вы остановили их, но вы их остановить не хотели. Я шел на Московского князя,

30 человек за болезнью вернулись из моего войска; казаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это? Черкасские и каневские власти тем пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего, Московского князя, под наши улусы и, что только в нашем панстве узнают, дают знать в Москву».

Иногда сами старосты становились во главе казаков и вели их в поход, громили татарские загоны, били турок под Очаковым и брали огромное количество скота и коней. Из таких старост особенно прославился, как казацкие предводители, «знаменитый казак» Евстафий-Остап Дашкович. Этот Дашкович уже в 1538 году предложил королю устроить на каком-нибудь Днепровском острове за порогами замок с 2000-м казацким гарнизоном; но дело почему-то не состоялось. Главными сборными местами для украинских казаков сделались Канев и Черкассы; так что в Москве казаков так и звали «черкасами». Отсюда казачество распространилось по Киевщине, Полтавщине, Черниговщине, и по южной части Подолья. Но наряду с этими малороссийскими или городскими казаками, которые вскоре стали получать жалованье из казны за свою службу, в степи действовали независимые ни от кого казачьи ватаги, или «купы», под предводительством своих выборных гетманов (от немецкого слова «гауптман» – капитан). У них были две главные цели: борьба с татарами и занятие доходными степными промыслами».

Историк А. Кузьмин писал в 1902 году в книге «Запорожская Сечь»:

«Польская шляхта стала перебираться на Украину, где селилась на выпрошенных у короля землях, раздаваемых им в награду за службу; литовские и русские дворяне, желая получить права шляхты и во всеми сравняться с нею, стали переходить в католичество.

Исподволь на Украине стали прививаться польские порядки, в числе их и крепостничество. Не прошло и нескольких десятков лет, как русский народ увидел себя в горчайшей кабале, разница в вере и языке пана и хлопа уничтожила прежнюю близость между ними, они стали чужими.

Пан-католик, живя за счет своих хлопов, не жалел их, как «схизматиков» – еретиков, выжимая из них все соки и звал их не иначе, как «быдлом» – скотом.

Тяжела и горька была жизнь хлопа у пана, особенно в правобережной Украине, а потому много стало убегать их на

восток и на Низ, где они, если только не были перехвачены в дороге, превращались в вольных казаков.

«Казак» по-татарски значит – бродяга, наездник, вольный воин. Это название появилось давно. Так называли вольных жителей левобережной Украины, которые плавали вниз по Днепру за рыбою и затем продавали ее в Киеве и других городах. Эти смельчаки стали набираться старостами из королевских местечек и волостей или сами собирались в шайки и выбирали себе предводителей. Ловля рыбы в низовьях Днепра, в соседстве с татарами, часто оканчивалась кровавыми стычками с ними, а потому эти рыболовы, в то же время должны были быть воинами, отчего стали называться казаками».

Выдающийся российский историк С. М. Соловьев писал:

«Первоначально и преимущественно казак, человек бездомный, изгнанник из общества, человек, которому тесно, тяжело в обществе при известных условиях; казак искал через бегство из общества только личной свободы, он являлся в степь с тем узким, младенческим взглядом на общественные отношения, к какому приучила его прежняя среда частной зависимости. Он бежал в степь для того, чтобы быть вольным казаком, а не мужиком, ибо с понятием труда соединялось понятие мужичества. Вольный казак, молодец, вовсе не хотел работать, или хотел работать как можно меньше, хотел жить за чужой счет, за счет чужого труда.

Все удалые и беспокойные головы, все, имевшие причины враждовать с правительством, стремились в степное Запорожье; здесь-то вспыхивали восстания и разливались по всей Украине, отсюда являлись вожди этих восстаний».

Современные украинские историки В. М. Скляренко, В. В. Сядро, П. В. Харченко о происхождении казачества:

«Вопрос о возникновении казачества по-прежнему занимает одно из главных мест в истории Украины. Споры и дискуссии по этому поводу делятся на протяжении нескольких столетий и не утихают до сих пор. Незначительное количество источников не дает возможности в полной мере ответить на некоторые важные

аспекты этого процесса, вследствие чего и существует огромное количество гипотез и теорий относительно возникновения казачества.

Украинское казачество зародилось на территории Среднего Поднепровья в конце XV века. Среди ученых нет единодушия в вопросе происхождения слова «казак». Считалось, что оно происходит от названия народов, некогда живших вблизи Днепра и Дона (касоги, х(к)азары), или от самоназвания современных киргизов – кайсаки. Существовали и другие этимологические версии происхождения термина «казак»: от турецкого «каз» (т. е. гусь), от монгольского «ко» (броня, защита) и «зах» (рубеж). Некоторые ученые выводили его из татарских глаголов «каз» – «рыть», «кез» – «скитаться», «кач» – «бежать, спасаться»; другие создали невероятную этимологию этого слова от «каз» – «гусь» и «ак» – «белый».

Слово «казак» впервые было упомянуто в латинской рукописи конца XIII века «*Godex cumanicus*» в значении «сторож» или «дежурный». Вслед за этим оно все чаще встречается в тюркоязычных источниках, означая «свободного вооруженного человека».

Современный историк В. К. Губарев писал в своей работе «История Украины» о казачестве:

«Сам термин «казак» – тюркского происхождения. В «Тайной истории монголов» (1240 года) так называется свободный человек, не связанный семейными узами, склонный к завоеваниям. В словаре половецкого языка (1303 года) казаком именуется воин-разведчик, сторожевой. На землях Руси казаками начали называть свободных людей, которые селились в приграничных районах Московского государства, Великого княжества Литовского и Польши. В условиях приграничья, находясь между двумя враждебными социокультурными мирами – миром христианства и миром ислама, – казаки с самого начала были вынуждены объединяться в вооруженные отряды во главе с выборными атаманами, и быть готовы в любой момент дать ответ тем, кто зарился на их независимость. Свои ряды они пополняли за счет крестьян-беглецов, крепостных и каторжников, людей, преследуемых по религиозным или политическим мотивам. Их

товарищество было многонациональным. Так, польский посол Пясочинский, говоря в 1601 году с представителями турецкого правительства, отмечал, что среди казаков были «поляки, украинцы, московитяне, волохи, турки, татары, евреи, и вообще люди всякого языка».

Историк Н. Сементовский писал в своем исследовании «Старина малороссийская, запорожская и донская», вышедшем в 1846 году в Санкт-Петербурге:

«В безграничных степях между Черным, Аральским и Каспийским морями от неизвестных времен появляется народ, носящий имя «казаки». О происхождении и начальной судьбе этого народа нет правдивого сказания ни в летописях, ни в истории. Истинно только то, что казаки в X веке существовали уже в землях русских – Малороссии и далее по Днепру, Дону и Бугу.

Подобно началу истории всех политических обществ и история казаков начинается появлением витязей, дела которых переживают многие столетия, записываются в летописи и служат потом первыми страницами в истории народов».

Исследователь П. Симоновский доказывал в работе «Краткое сочинение о казацком малороссийском народе и военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой – Бешенга, латинской – Безольди, французской – Шевалье и рукописей русских 1765 года», вышедшей в типографии Московского университета в 1847 году:

«Довольно, что имя оное казак, есть древнее и всем вестимое. Сие слово, казак, есть сложено из двух наречий – Каспиум, то есть Каспийское море, и Саки, то есть скифский народ, ибо саками именовали их, по автору Плинию.

Малороссийские казаки, без сомнения, суть древнейшие от донских, око сии в 1579 году, в государство царя Ивана Васильевича, стали быть известны, а оные начали быть еще в 1340 году, когда Польша Чермную Русь себе покорила.

Когда знаменитый князь литовский Гедимин, в 1320 году, татарскому владению над Киевом конец учинил, взял без малейшего сопротивления град Киев и учредил в нем воевод

своих, что обывателей земли той привело в страх и многие из них принуждены были оставить дома свои и искать поселения себе внизу по Днепру, где как скоро поселились, то поляки, литва, татары, будучи теперь их соседями, беспрестанно делали на малороссиян нападения и обиды, отчего они, защищая себя, приобрели от мала до велика привычку к воинскому искусству.

Обыкновенно украинские казаки назывались тогда запорожцами, потому что по той стороне днепровских порогов все жили.

Король польский Сигизмунд I (1507–1548 годы) взял отсюда некоторую часть того военного народа и поселил их в вершине днепровских порогов, для защиты границ от турецких и татарских нападений, когда те казаки размножились так сильно, что в состоянии были, в согласии с братиею своею запорожцами, разбивать на Черном море турок и татар.

Король Стефан Баторий, которому Польша, за многие добрые учреждения, много должна, рассуждая, как нужны и полезны казаки на войне, сделал из них в 1576 году воинский корпус, разделяя его на 6 полков, в каждом полку по тысяче человек, а те полки разбил на сотни, с тем, чтобы каждый казак, принадлежащий к полку, вписан был в сотню и, когда потребуетя, в оной непременно должен быть. Всякий полк и всякая сотня имели себе определенного от короля начальника, который тогда по определению королевскому был без перемены. Над всеми же теми полками король сделал им главней него командира с титулом гетмана, которому для лучшего уважения и почитания, жаловал королевское знамя, бунчук, булаву и печать с изображением казака, стоящего в поле, которою и ныне Малороссия печатается. Тогда же быть определил и войсковым старшинам – обозному, судье, писарю, есаулу».

В 1910 году историк М. А. Караулов-второй писал в «Очерках казачьей старины»:

«Слово «казак», несомненно, не русского происхождения. Слово это давало повод различным ученым и исследователям строить самые разнообразные догадки для выяснения его происхождения и первоначального значения. Некоторые пытались сопоставить его с названием племени касогов, живших

в IX–XI веках в предгорьях Северного Кавказа; и с Казахстаном, Закавказьем, пограничной грузинской областью, упоминаемой византийским императором X века Константином VII Багрянородным; и с хазарами, жившими на низовьях Дона и Волги в VIII–X веках. Производили это слово и от турко-татарского слова «коз» – «гусь», и от монгольского слова «ко» – «броня, латы, защита», и «зах» – межа, граница, рубеж, откуда «козах» должно было означать «защитник границы». Историк Голубовский считает это слово половецким словом «страж». Однако же, несмотря на все старания ученых, вопрос о происхождении слова «казак» остается все еще спорным и неясным. Нетрудно заметить, что в русских исторических памятниках на первых же порах слово «казак» употребляется то в общем смысле «бездомника», «изгнанника», то в более узком значении «одинокого вольного человека», служащего по доброй охоте государству или отдельным его членам.

Казачество является по духу и целям своим прямым продолжением богатырства святорусского, а потому его нужно считать столь же древним, как и самое русское государство. Можно смело сказать, что казачество – это Русь, но не безвольная холопская Русь, стонущая под иноземным игом и бессильно тонущая в междоусобной борьбе, а Русь свободная, победоносная, широко распространяющая свои орлиные крылья по степному простору и смело смотрящая в очи соседям – врагам».

Итоги исторической дискуссии в конце XIX века подвела знаменитая энциклопедия Брокгауза и Ефрона:

«Как один из видов избавления от гнета помещиков развивалось бегство крепостных. Крепостные крестьяне и беднейшее мещанство уходили в восточные, слабо заселенные степные районы, в низовья Днепра, где поступали на службу в пограничные замки, а также занимались охотой, рыболовством. Такие неоседлые люди стали называться казаками. Они фактически становились свободными людьми. Казаки становились организаторами походов против татар, которые были вызваны их постоянными набегами.

Во второй половине XVI века казачество за Днепровскими

порогами создало свой военный центр – Запорожскую Сечь».

Современный украинский историк В. Ф. Остафийчук писал в своей работе «История Украины: современный взгляд», изданной в Киеве в 2008 году:

«В советской историографии утверждалось, что формирование казачества происходило только за счет крестьян, которые бежали от крепостничества. К сожалению, этот классовый подход к рассмотрению вопроса формирования казачества и до сих пор перевешивает в научных трудах и популярных публикациях. Ряд украинских историков, в частности Л. Зализняк и другие, отрицают это «утверждение» и доказывают, что казаки выступили на историческое поле задолго до закрепощения крестьян. Украина была известна позднесредневековой Европе под названием «страна казаков». Вольтер в «Истории Карла XII» писал: «Украина, страна казаков – одна из плодороднейших стран света. Украина всегда желала свободы». Казаки по форме и сути были разновидностью европейского рыцарства. Свое происхождение они ведут от княжеской эпохи и являются наследниками дружинно-рыцарских традиций Киевской Руси. Наверно не случайно церковные иерархи в своем Манифесте 1621 года назвали Запорожское войско наследниками древнекняжеского рыцарства. Булла папы Григория IX говорит о казаках под 1227 годом.

Казачество породило не так крепостное право, как горячее желание возродить свою державу на старинных киеворусских просторах. Именно на этом желании формировалась идеология вооруженного отпора, единения всех, кто делал вклад в это дело, независимо от национальности, социального происхождения. Поэтому в казацких рядах вместе были и крестьяне, и ремесленники, и шляхтичи, и священники, и аристократы, и иностранцы. Казачество пополнялось как выходцами из украинских земель, так и из Беларуси, Московского княжества, Молдавии.

Казаки осваивали незаселенные украинские степи в низовьях Днепра, на которые не распространялась власть ни польских, ни татаро-турецких захватчиков. Вольные поселенцы – казаки, для которых свобода ценилась превыше всего, создавали на новых

местах и новую общую организацию – казачье общество, громаду, в которой каждый получал равные со всеми права пользоваться хозяйственными угодьями и участвовать в самоуправлении, в том числе и в выборах казацких предводителей. Одновременно каждый был обязан с оружием в руках охранять поселения, ходить в военные походы».

Украинские историки В. В. Скляренко, В. В. Садро и П. В. Харченко писали в 2008 году о казачестве – «явлении, которому суждено было стать во времена общего национального и социального упадка украинцев новой и могущественной силой»:

«На исторической арене украинское казачество как явление появилось в конце XV века, но как социальный слой сформировалось лишь на рубеже XVI–XVII веков. Именно тогда украинское казачество переросло в отдельную сословную группу со своими особыми интересами, экономическими и общественными прерогативами. Между казаком – степным воином конца XV – начала XVI века, который занимался так называемым «уходничеством» (экономическим промыслом), и казаком конца XVI века, ставшим защитником интересов украинского народа в могущественном многонациональном союзе Речи Посполитой, – огромная разница.

Казачество формировалось на довольно большой этнической и социальной базе, которая на протяжении двух столетий постоянно обновлялась и изменялась. В этот процесс были втянуты крестьянство, боярство, шляхта, мещанство».

К началу XV века Польская Корона на Правобережье и Левобережье Днепра. На юго-восточной Украине хозяйничали Жолковские, Калиновские, Замойские, Корецкие. На украинских землях окончательно укрепилось крепостное право. На Украину были перенесены польские порядки и законы. Все это усиливалось национальным и религиозным гнетом. Крестьян принуждали принимать католичество, лишали прав, называли скотами – «быдлом». Большую роль в создании казачества сыграла вера. Паны в замках и имениях за редким исключением были католиками, простой народ – православным и упорно держался этой веры. От религиозного принуждения народ уходил казаковать в степи.

Шляхта постоянно мешала развитию украинских городов, уже

имевших Магдебургское право. Обнищавшие горожане бежали казаковать в степи. Православные бояре и дворяне также притеснялись польскими магнатами. Российский историк А. Апостолов писал в начале XX века:

«Широким потоком хлынула шляхта на Русь, а за ней шло католическое духовенство. Магнаты усердно выпрашивали у короля дарственные записи на свободные земли, и король охотно давал эти грамоты. Иной пан получал такой кус земли, что его на добром коне несколько дней не объедешь. За панами потянулась сюда и мелкая шляхта, «загоновая» беднота, чтоб и себе воспользоваться крохами от панской добычи. Выслужится такой шляхтич у пана, поможет ему тот «врасти в землю», обзавестись хозяйством, пойдет он в гору, смотришь – иной вскоре и сам делается магнатом. Иной захудалый шляхтич продавал последнее свое имущество на родине и с деньгами спешил на Украину; там являлся к пану и просил дать ему даром участок земли. Панам это было очень на руку, так как это увеличивало доходность их земель: новоприбывший шляхтич старался заселить землю; если она была пуста, заводил челядь и хозяйство; если же земля была с крестьянами, то он облагал их поборами и тогда платил пану аренду. Заселение Украины с этих пор быстро двинулось вперед, страна была богата, пустынна и могла бы прокормить много народу. Беда была в том, что шляхта притекала из Польши преизобильно, польские кметы не шли. Тут нужны были дешевые рабочие руки, а их или вовсе не было, или на новых землях сидело свободное население: земляне, казаки, вовсе не расположенные даром работать на свалившихся к ним с неба новых господ; шляхта же выросла на хлопском труде и не признавала никакого другого. К тому же русский человек-простолюдин был в глазах поляка схизматиком, еретиком, и они иначе не называли его, как «быдлом» (животным), «песьей кровью». Суда на пана нигде нельзя было найти: судьи были продажны, да и магнаты не боялись их, издеваясь над судебными приговорами. Бедствия народа еще усиливались от присутствия на Украине буйного наемного «кварцяного войска»: служившие в нем жолнеры бесчинствовали и обирали жителей».

Одним словом, положение хлопов на Украине сделалось вскоре таким же тяжелым, каким оно было в Польше, и даже худшим. Один польский

писатель говорит:

«В Турции ни один паша не может того сделать последнему мужику, иначе поплатится головою; и у московитян первейший боярин, и у татар мурза не смеют так оскорблять простого хлопа, хотя бы и иноверца. Только у нас в Польше вольно все делать в местечках и селениях. Азиатские деспоты во всю жизнь не замучат столько людей, сколько их замучат в свободной Речи Посполитой».

Паны получали со своих имений громадные доходы, разбрасывали деньги, как полову, и все-таки не могли растратить. Всю жизнь магнаты проводили в пирах и попойках; в раззолоченных палатах замков день и ночь гремела музыка, бочками стояло венгерское вино и томилось множество шляхтичей-дармоедов.

За панами тянулась и прочая шляхта. Тот же писатель говорит:

«От сенатора до ремесленника, все пропивают свое состояние, потом входят в неоплатные долги. Никто не хочет жить трудом, всяк норовит захватить чужое. Легко достается оно, легко и спускается; всяк только о том и думает, чтоб поразмашистее покутить. Заработки убогих людей, собранные с их слезами, иногда со шкурой, истребляют они, как саранча: одна особа съедает в один раз столько, сколько множество бедняков заработает в долгое время. Смеются над поляками, что у них, верно, пух имеет такое свойство, что на нем могут спать спокойно, не мучаясь совестью».

Украинцы не захотели превращаться «в быдло», они не захотели превращаться в хлопов, они хотели воли. Те люди, крестьяне, ремесленники, дворяне, которые шли к днепровским порогам, попадали не на пустое место – их там уже ждали, у украинских казаков уже была своя организация, да и самих казаков, опытных степных воинов, было уже немало.

Южная окраина украинских земель подвергалась постоянным набегам и разорениям от орд крымских татар – Польской Короне и Великому княжеству Литовскому, в состав которых входили украинские территории,

необходимо было принимать меры по защите границы. Нападения крымцев делались все грознее и опустошительнее, отряды врагов продвигались все дальше и дальше, и с 1506 года Великое княжество Литовское начало платить дань крымскому хану. Это, естественно, не помогало, и в 1511 году в городе Пиотрокове был созван большой сейм для обсуждения татарской проблемы.

Воевода Евстафий-Остап Дашкович предложил сейму создать передовую охранную линию в низовьях Днепра:

«Необходимо для сего учредить деятельную стражу только из двух тысяч воинов. Они могли бы разъезжать на малых судах и лодках между днепровскими островами и порогами, препятствуя татарской переправе. Для прикрытия сей стражи острова следует укрепить а для доставления ей жизненных припасов нужно не более пятисот всадников».

Сейм одобрил проект Дашковича и постановил организовать в низовьях Днепра четырехтысячное войско, на вооружение и содержание которого собрать особый земельный налог. Войско, охранявшее Подолию, возглавил Евстафий Дашкович. Историк М. А. Караулов писал:

«Дашкович деятельно принялся за осуществление своего великого, как оказалось, плана. Именно этим-то обстоятельством мы обязаны тому, что в запорожском внутреннем строе, быту и порядках с первых же шагов бросаются в глаза черты военного устройства как древних государств Спарты и Рима, так и позднейших рыцарских орденов».

Дашкович отобрал четыре тысячи казаков, разделил их на полки и сотни, поставил над ними старшин, полковников, есаулов, сотников и десятников, устроил казацкий суд из старших казаков. Ежегодно он менял две тысячи казаков, содержащихся «на Низу», на других, отпуская первых «в поле, в степь». С самого начала украинское казачество делилось на два вида – служащих на границе и живущих дома до того времени, пока их не позовут в военный поход.

Первый поход состоялся в 1516 году – 1200 казаков во главе с Дашковичем дошли до Ак-Кермана в турецких владениях, разбили татар и вернулись, пригнав с собой 500 лошадей и 3000 голов скота. В следующих походах казакам Е. Дашковича против татар помогали князя Константина

Острожского – в 1522 и 1523 годах. До этого, в 1515 и 1521 годах, казаки по приказу властей ходили в поход на московские окраины.

Днепровская стража поначалу была малочисленна и не могла бороться с большими войсковыми соединениями врага. Большое казачье войско было поручено сформировать Богдану Рожинскому, командующему войсками на украинских землях. Он организовал двадцать местных полков по две тысячи казаков в каждом и разделил их на сотни. Они получали свои названия по городам и селам, где находились – «Киевского полка, Киевская сотня». Все казаки были переписаны, был составлен именной список, реестр; сами казаки стали называться реестровыми. Половина казаков составили конницу, вооруженную за собственный счет ружьями, пистолями, саблями и копьями, предназначенную для действий «в поле». Вторая половина, пехота, вооруженная ружьями, копьями и кинжалами, предназначалась для обороны городов и местечек. Во время военных действий реестровые казаки получали жалованье, иногда одежду. В мирное время они занимались хозяйством, ремеслом, торговлей, были освобождены от налогов.

Во второй половине XVI века казачество за Днепровскими порогами создало свой военный центр – Запорожскую Сечь. Запорожская земля стала центром казачьей силы. Великий Тарас Шевченко писал:

«И пиду я одружуся
З моим верным другом —
Та з Великим Лугом.
На Хортици у матери
Буду добре жати,
У оксамити ходити,
Меда – вина пити!»

Российский историк начала XX века А. Кузьмин оставил очень поэтическое описание запорожских земель:

«Низ, или Запорожье, составляли земли, лежащие по обе стороны Днепра, ниже его порогов, почти до самого Черного моря.

Места эти были степные, и природа носила здесь

двойственный характер; по местам она представляла необычайное изобилие, каким вообще отличалась Украина, а по местам являла собой крайний недостаток.

Весною Запорожье представляло собой безгранично раскинувшуюся зеленую скатерть, безбрежную, как бы шелковистую поляну, с нависшими скалами над многоводными реками и глубокими балками.

И сколько здесь было разнообразия! Вот расстилается лог, тянется овраг; там по берегам рек скалы выступают из-за скал; тут мелодически журчит ручей или капризно извивается чистая, как хрусталь, река; вот высятся небольшие пригорки, поднимаются курганы и могилы, а там подальше, у могучих текущих вод, чернеют дремучие, девственные густолиственные леса.

Все это чрезвычайно красиво и величественно!

Запорожье было богато водою: один Днепр с его притоками занимал огромную площадь земли, давая возможность развиваться лесной и степной флоре, несмотря на палящее солнце летом и лютую стужу зимой, но зато поражали путешественника густотой своей чащи, величиною отдельных деревьев и разнообразием их пород.

Здесь встречались: липа, клен, граб, вяз, дуб, ясень, чинар, кожевенное дерево, лоза, осокорь, ива, верба, шиповник, боярышник, шелковица, терновник, дикая груша и яблоня, дули, барбарис и много других.

Наиболее крупные лесные пространства лежали лишь к востоку от устья Днепра, а в остальном в Запорожье лес рос повсеместно по берегам рек и балок.

Земля была плодородна и тучна; она могла изобильно производить разного рода хлеб: рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, лен, конопель. Из огородных овощей: арбузы, дыни, огурцы, картофель, чеснок, лук, свеклу, петрушку.

На пространстве нескольких сотен десятин можно было найти множество видов растительности: дикий чай, шалфей, ковыль, цикорий, куколь, спаржу, хрен, мак, ромашку.

Все это при первом блеске весеннего солнца поднималось из земли, быстро вырастало и в короткое время достигало почти полного развития.

Вместе с появлением растительности появлялись и

животные, прилетали и птицы; особенно изобиловали теми и другими «плавни».

Плавни – это низменные долины по обеим сторонам среднего и нижнего течения Днепра, особенно на левом берегу, покрытые сочной травой, высокими камышами и разного рода, преимущественно мягкой породы, деревьями: в весеннее время и в дождливую осень плавни сплошь затоплялись водою, летом же они были сухи, исключая самых низменных мест, наполненных водой и представляющих из себя протоки – речки, озера и болота. Следствием этого было то, что в самое жаркое лето, когда прибрежные степи представляли из себя выжженные солнцем, а потому безжизненные пространства, плавни имели и давали необходимую для развития растений влагу и были убежищем от жары разного рода зверя и птицы.

В плавнях кишели: кабаны, медведи, барсуки, волки, лисицы, выдры, буйволы, дикие лошади, олени, лани, козы и другие; куропатки, коростели, скворцы и множество мелкой пташки таилось, шныряло и перелетало в густой траве и кустарниках, спасаясь от громадных гадюк, разных змей и от парящих в высоте орлов, ястребов и соколов; дрохвы, дикие курицы, точно стадо баранов, паслись в прибрежной степи; вершины оголенных дубов покрывались группами рассеявшихся по сучьям тетеревов; лебеди, гуси, утки, бакланы, журавли, птицы-бабы и другие водяные и болотные птицы плавали, ныряли и кормились в речках и озерках, поднимаясь иногда на воздух крикливыми стаями, чтобы спастись от покушений лакомки-лисы, и снова опускались на другое озерко, столь же богатое рыбою, как и прежде.

Нигде, кажется, не водилось такое множество разной рыбы, как в Днепре и его притоках; с древнейших времен дошли сказания о богатстве его рыбою. Здесь водились: осетры, сомы, севрюги, лини, стерляди, щуки, тарань, чабаки, окуни, ерши, плотва, судаки, язи, сельди, чилики и белуги, доходившие до трех сажен длины.

Всего вдоволь было здесь у низовцев:

Вдоволь у них было и лесу дремучего,
И зверя прыскучего,
И птицы летучей,

И рыбы пловучей,
Вдоволь у них и травушки-муравушки
Добрым коням на потравушку!

Пользование этими естественными дарами природы составляло для запорожцев главное средство для жизни. Охота и рыбная ловля давали им почти все. Если же чего не хватало, то в «поисках», так называли они свои набеги на крымские и турецкие владения, доставали остальное: платья, оружие и прочее.

Познакомившись с устьем Днепра, с его многочисленными гирлами, островами и камышами, казаки стали выходить в море, где захватывали турецкие торговые суда.

Производя свои подчас дерзкие набеги, запорожцы не боялись мести турок: их спасал от этого тот же Днепр. По сказанию Биплана, в нижнем Днепре было более десяти тысяч островов, и все они были покрыты такою густою травой, таким непроглядным камышом и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромные деревья за мачты кораблей, плывущих по днепровским водам, а всю массу островов – за один огромной величины остров.

Столь же надежно прикрыто было Запорожье и с севера порогами Днепра. Кто не видел этих порогов, кто не пытался проезжать через них, тот никогда не может себе представить всей грозности, всего ужаса и величия, каким поражает здесь Днепр всякого путешественника. Кровь леденеет в жилах, уста смыкаются, сердце перестает биться. Уже издали можно узнать приближение порогов по тому странному шуму, оглушительному реву воды, которая, вливаясь в промежутки между порогами, сильно пенится, высоко вздымается и затем разом падает вниз, все мгновенно увлекая за собой. Много здесь разбилось судов и погибло народа.

Дорог на Запорожье не было никаких, кроме Днепра. Большие острова, поднимающиеся высоко над водой своими отвесными гранитными боками, густо поросшие деревьями и травой, были любимейшим и надежнейшим местом поселения всех выходцев из Украины. Здесь они чувствовали себя вольными людьми, зная, что паны и не попробуют проникнуть сюда.

Вот тот Низ, который был предметом глубокого благоговения

в глазах каждого казака.

Но то же самое Запорожье-Низ по местам и в иное время года носило противоположный характер, являя крайний недостаток во всем. Становится поэтому понятным, почему та местность, где угнездилось казачество, не принадлежала никому из соседних народов и носила у них название Дикого поля, но поляки ошибочно называли все Запорожье Диким полем.

Дикое поле начиналось на западе от реки Синюхи, притока Буга, и тянулось на восток к правому берегу Днепра, далее простираясь и к югу. Это было бесплодное пространство, опустошенное к тому же часто саранчой, удаленное от поселений настолько, что человек рисковал умереть голодной смертью во время пути; только некоторые места около воды изобиловали рыбой и дичью и имели пастбище для лошадей.

С половины лета степи левого берега мало отличались от Дикого поля: от жары пересыхали речки и ручьи, трава высыхала и делалась мало годной для пастьбы лошадей и скота. Сухость травы давала обильную пищу для степных пожаров, иногда охватывающих местность в несколько десятков верст. Лето около полудня появлялись мухи величиной с пол вершка и кусали лошадей до крови, а вечером со всех сырых и низменных мест с глухим жужжанием поднимались рои комаров, жадно накидывавшихся на все живое, и только в дыму костров можно было найти спасение от них. К числу прочих невзгод, посещающих Запорожье летом, надо прибавить еще саранчу и заразительные болезни. Сырость плавней способствовала укоренению в Запорожье разных заразительных лихорадок, а иногда к ним прибавлялась еще страшная болезнь, известная под именем моровой язвы или наглой смерти; немало запорожцев погибло от нее.

Зимою на Низу было не лучше: лютая стужа, метель и стаи озлобленных от голода волков делало ужасным положение путника в степи, где, кроме волков, не показывалось ничего живого, а тишину нарушал только ветер, с ревом перегонявший сугробы снега с одного места на другое.

Если ко всему этому прибавить, что запорожцы обыкновенно находились или в поисках, или на охоте в плавнях, в соседстве с непримиримыми врагами – татарами, то станет понятно, что жизнь казака на Низу была сурова и полна лишений. Вообще,

уйти за пороги на Низ – значило подвергнуть себя многим лишениям, которые мог выдержать только человек с крепкой натурой».

Вот на этой земле и появилась крепость украинских казаков – Сечь, Запорожская Сечь.

Первая казацкая крепость, ставшая прообразом Запорожской Сечи, была построена в 1550-х годах на днепровском острове Малая Хортица православным князем Дмитрием Вишневецким, позднее прозванным или отождествлявшимся запорожцами с украинским народным героем казаком Байдом. Князь, потомок и Рюриковичей, и Гедиминовичей, в 1550 году был назначен польским королем старостой черкасским и каневским. Он собрал и объединил разрозненные казацкие отряды, совершил несколько походов в Крым и в 1553–1556 годах построил первый форт на Малой Хортице – «город напротив Конских Вод». Многие историки называют его колыбелью украинского казачества. Казаки назвали его своим гетманом. До этого предводители казачьих отрядов назывались атаманами. Это слово, вероятно, тюрского происхождения, означало выборного предводителя; войсковой атаман считался главным начальником войска. Позднее у запорожцев главой войска стал кошевой атаман. Само слово «гетман» (польское *hetman*, чешское *hejtman*, немецкое *hauptman*) означало, начальник, предводитель». В Чехии в период гуситских войн именно гетман руководил таборитскими войсками. В Польше и Литве гетманами первоначально назывались командующие наемными войсками, позднее, с XVI века, пожизненное звание гетмана носили командующий всеми вооруженными силами государства – великий гетман, и его заместитель – польный гетман. Именно с первого казацкого командующего Д. Вишневецкого гетманами стали называть выборных глав реестровых и запорожских казаков.

Первые запорожцы взяли турецкую крепость Исламкермен и пушки оттуда встали на хортицких камнях, охраняя запорожский кош. Хан дважды осаждал Хортицкую крепость, но взять ее не смог. Запорожцы ушли сами, когда кончились еда и боеприпасы. Выдающийся украинский историк XX века Н. Полонская-Василенко писала:

«Вишневецкий просил литовское правительство о помощи «людьми и стрельбой», но получил характерный для того правительства ответ: не оказывая помощи, оно советовало не

трогать татар и турок.

Не имея надежду на помощь литовского правительства, он обратился к Москве, которая дала ему большое количество денег и город Белев с округой. Совместный поход с московскими войсками против татар не дал ничего. Московское правительство перекинуло Вишневецкого на Кавказ для борьбы с черкесами, но Вишневецкий вернулся на Украину. В 1561 году Сигизмунд-Август, чтобы не раздражать татар, послал казаков Вишневецкого в Ливонию, на войну против Москвы. После этого Вишневецкий поддался соблазну стать молдавским господарем, но волохи предали его и отдали туркам».

В 1563 году Д. Вишневецкий был казнен в Стамбуле. Великий историк М. Грушевский назвал его «молниеносным метеором, пролетевшим через украинскую жизнь».

С этого времени казаки стали постоянно жить на днепровских островах, «чиня большие шкоды кочевьям перекопского хана; раз поймали крымских купцов тридцать человек и убили их за то, что они взяли литовских пленников, купленных ими в Москве». Уже тогда казаки не очень считались с верховной властью Польской короны. Они становились грозной силой. Казачество било татар, наказывая за набеги, казаки начали выходить в море и атаковать турецкие суда. Крестьяне и обнищавшие мещане бежали на Низ, ставший приютом всех ненавидевших крепостное право, национальные и религиозные гонения. У запорожцев стали формироваться обычаи и традиции. Их количество стало значительно увеличиваться после 1569 года, когда после Люблинской унии было создано католическое государство – Речь Посполитая. Польский летописец-хронист М. Бельский писал о казаках-запорожцах второй половины XVI века:

«Эти люди обыкновенно занимаются на берегу Днепра ловлей рыбы, которую там же без соли сушат на солнце и тем питаются в течение лета, на зиму расходятся в ближайшие города, спрятавши в укромном месте на днепровском острове свои лодки, оставивши там несколько сот человек на курене, или как они говорят, на стрельбе. Они имеют и свои пушки; они причиняют большую беду татарам и туркам и уже несколько раз разрушали Очаков, Тягинку, Белгород и другие замки, а в полях

немало брали добычи; так что турки и татары опасаются далеко выгонять овец и рогатый скот на пастбище, как прежде.

В числе островов есть остров Хортица, где перед этим жил Вишневецкий и очень вредил татарам, так что они не смели так часто вторгаться к нам. Есть и третий остров, Томаковка, где больше всего проживают низовые казаки, так как он служит для них самым крепким замком.

Казаки так свыклись с этой местностью, что проходят пороги в своих кожаных лодках, которые они называют чайками, на которых опускаются вниз и втаскивают на веревках вверх. В таких лодках Русь прежде причиняла вред греческому императору, подплывая к самому Константинополю».

В 1575 году казаки во главе с Богданом Ружинским ходили в Крым и освободили много христианских пленных. На следующий год в турецкой Анатолии они взяли и сожгли города Синоп и Трапезунд.

После объединения Польши и Великого княжества Литовского в Речь Посполитую казачьи полки, созданные в украинских городах, поступили под начало особого «казачьего старшого», непосредственно подчиненного коронному гетману. Запорожские казаки не подчинились королю Сигизмунду и, несмотря на его письма и универсалы, продолжали драться с татарами и турками. Несколько тысяч казаков не смогли остановить объединенные татарско-турецкие войска и в 1574 году произошло нашествие на южные земли Речи Посполитой. Татары набрали громадный полон, сожгли окраинные города и местечки и вернулись в Крым. Днепровская стража не была многочисленна.

Кроме городских и реестровых казаков, были созданы полки охочекомонных – конных добровольцев. Эти полки назывались по именам назначаемых гетманом полковников. В зависимости от международной обстановки их было от пяти до двадцати.

Ставший во главе запорожцев и охочекомонных Иван Подкова, ломавший подкову двумя пальцами одной руки, совершил несколько удачных походов в турецкие земли. Победив турецкое войско в битве на реке Прут в 1577 году казацкие войска заняли молдавскую столицу Яссы. Иван Подкова предложил польскому королю «взять Молдавию под свою руку». Король не захотел ссориться с султаном и приказал казакам уйти из турецкой Молдавии. Иван Подкова был обманом пленен в Немирове и

казнен во Львові. Присутствовавший на казни італіянський дипломат докладав тосканському герцогу:

«Барабанный бой и большой шум от людской толпы звучали на ратушной площади. Пройдя к месту казни и глядя на людей без страха перед смертью, Подкова обратился к народу: «Панове поляки, я приведен на казнь и не знаю за что, поскольку не знаю за собой никакой вины, которая бы заслуживала такой кары. Знаю только одно, что я всегда боролся против врагов христианского имени и всегда воевал за пользу этому имени для нашей Отчизны. Теперь я должен умереть, поскольку так приказал поганый пес турок вашему королю, своему слуге, а король ваш – палачу».

Запорожскому герою посвятил свои стихи Тарас Шевченко:

«...Чорна хмара з-за Лиману
Небо, сонце криє,
Синє море зверюкою
То стогне, то віє.
Дніпра гирло затопило.
«Ануге, хлопята,
На бандаки! Море грає —
Ходім погуляти!»
Кругом хвилі, як ті гори:
Ні землі, ні неба.
Сэрце мліє, а козакам
Того тільки й треба.
Пливуть собі та співають,
Рибалка літає...
А попереду отаман
Веде, куди знає.
Походжає вздовж байдака,
Гасне люлька в роті;
Поглядає сюди-туди —
Де-де будуть роботі?
Закрутивши чорні уси,
За ухо чуприну,
Підняв шапку – човни стали.

«Нехай ворог гинеє!
Не в Синопу, отамана,
Панове-молодці,
А у царград, до султана,
Поїдемо в гості!»
«Добре, батьку отамане!» —
Кругом заревіло.
«Спасибі вам!» —
Надів шапку.
Знову закипіло
Синє море; вздовж байдака
Знову походжає
Пан отаман та на хвилю
Мовчки поглядає».

Татары несколько раз пытались уничтожить казацкое укрепление на днепровском острове. Казачий лагерь – кош – состоял из больших куреней – сараев, землянок, которые казаки легко бросали в случае нужды. Татары занимали остров и вскоре уходили, а «січ» появлялась на другом острове – и так все шло «по кругу». Остров с «січью» укреплялся рядами окопов и пушечных батарей. На пристани обычно находился паром и множество лодок, байдарок, «душегубок», походных чаек, стояли кузницы, мастерские, торговые палатки. В больших котлах кипела смола, лодки готовили к походам. На самом острове стояли курени, небольшая деревянная церковь. Между пристанью и куренями стояла небольшая караульная застава, наблюдавшая за проезжавшими и проходившими. Сами запорожцы, обычно очень причудливо одетые, всегда носили лихо заломленную казацкую шапку с красным верхом – знак казачьего достоинства. Под страхом смерти на Сечь не допускались женщины, запорожцем мог стать только холостой казак.

В запорожцы принимали всех православных желающих. Куреней бывало до нескольких десятков, каждый имел своего атамана. В курене – длинном сарае на сто-двести человек, построенном из обмазанного глиной хвороста и покрытом дерном, – хранилось казацкое добро и припасы. Казна и оружие хранилось в войсковой скарбнице – тайнике, располагавшемся даже и под водою. Историк А. Кузьмин в начале XX века писал о запорожцах:

«День на Сечи начинался с восходом солнца. Перекрестясь и сполоснув свое лицо горстью свежей днепровской воды, каждый принимался «справлять громадское дело»: кто шел чинить лодки, кто объезжал коней или учился стрельбе в цель, кто ловил рыбу или отправлялся на охоту.

В это время «кухари» с помощниками разводили огонь в «горнах» и варили в саженных котлах борщ, уху, кашу, галушки, а на железных прутьях жарили целиком баранов, кабанов, сайгаков, быков и даже громаднейших туров; пекари пекли груды хлеба.

Все эти яства готовились на каждый курень отдельно. На конских шкурах, а то и прямо на земле раскладывались караваи хлеба и ставились солонки. Собравшиеся на обед запорожцы, скинув высокие шапки и перекрестившись на восход солнца, доставали из глубины своих бездонных карманов ложки, вынимали ножи, резали хлеб на части и рассаживались кружком на земле, скрестив и поджав под себя ноги по-турецки. Кухари громадными черпаками наливали в деревянные мисы, до сажени в окружности, варево, которое разносилось по кучкам запорожцев. Запорожцы ели степенно, не торопясь, и по обычаю съедали все без остатка. Первым опускал ложку в мису «батько». После варева подавали печеное и жареное, деля его на части топорами и ножами, причем сердце животного постоянно отдавалось атаману, чтобы «добрый был до своих диток», а легкое животного делилось поровну между всеми, чтоб «казак был легкий на воде».

После обеда вся Сечь заваливалась отдыхать. Запорожцы не любили спать в душных куренях, а предпочитали растянуться на свитке или на сене прямо под открытым небом; непогоды они не боялись.

Вечер казаки проводили в бездействии: лежа на земле с люльками в зубах, слушали они рассказы бывалых товарищей о морских походах, о схватках с татарами и ляхами.

Такое препровождение времени не дает нам, однако, права считать казаков совершенно бездеятельными и неспособными к труду. Часть запорожцев постоянно находилась в отлучке в степи или плавнях, на охоте или рыбной ловле. Куренными атаманами велась очередь между казаками, посылаемыми на эти работы, служившие средством для прокормления всей Сечи.

Целыми неделями жили эти партии в непролазных и топких

плавнях или в необъятной степи, где часто сталкивались они с отрядами татар, и тут-то на деле обучались молодые и неопытные казаки тем военным приемам и сноровкам, которые делали их такими ловкими и опасными противниками на войне.

При стычках с татарами запорожцы употребляли много мелких военных хитростей, которые помогали им одерживать победы даже в тех случаях, когда перевес был на стороне врага. Так, если запорожцы видели, что в открытой битве им не справиться с татарами, то старались уйти от них на своих быстрых конях и, чтобы сбить неприятеля с толку, делились на несколько партий и разъезжались по разным направлениям. Большие партии ехали «гусем», малые же по три и четыре в ряду, стараясь потоптать при этом как можно больше травы, чтобы дать татарам неверное представление о величине каждой партии. Татарам приходилось также делиться на несколько частей, сообразно силе и числу казацких партий. Казакам этого только и надо было: съехавшись в назначенном месте, они разбивали отряды татар один за другим.

Бывалый казак не боялся заблудиться в бесконечной степи, в этом необозримом море травы: небо и сама степь с ее разнообразною жизнью верно и точно давали ему все необходимые для путника сведения. Так, днем и ночью казак мог узнать, который час, определить, в каком направлении лежит та или другая часть света. Днем он узнавал это по высоте солнца, ночью ему помогали ярко блестящие и сиявшие звезды.

Запорожцам были хорошо знакомы все звуки и голоса дикой степи и плавней. Запорожец выл по-волчиному, шипел по-змеиному, ревел по-туриному, отлично кричал перепелом и куковал не хуже настоящей кукушки. Крик «пугу-пугу» был даже условным криком запорожцев; этим криком они давали знать друг другу о своем присутствии. Вообще все эти звериные и птичьи крики были рядом условных сигналов, которыми переговаривались невидимые друг другу запорожцы, чтобы ввести в заблуждение, обмануть, перехитрить своих врагов. Случалось, что, скользя в траве, как змеи, подбирались неслышно несколько человек запорожцев к заночевавшему в степи табору татар и спугивало табун их лошадей. Тогда остальные запорожцы, притаившиеся с конями в высокой траве, как буря налетали на метавшихся в беспорядке по табору татар, и не было

им спасения. Пока при свете пылавших костров шла беспощадная резня, небольшой отряд запорожцев на лучших конях несли по степи напереймы татарскому табу, так как хороший конь считался лучшей добычей для казака.

Охота и рыбная ловля, хотя и часто оканчивавшиеся кровавыми схватками с татарами, не считались казаками за настоящее «дело»: таким делом считалась лишь война с «неверными».

Почти каждый год запорожцы предпринимали морские походы на Крым и Туречину.

С объявлением похода в Сечи закипала лихорадочная деятельность. Не было больше пьяных и гуляющих, все было серьезно, старательно и быстро делали необходимые приготовления для похода. Конопатились к походу чайки, там мололи и сушили порох, здесь резали и вялили на солнце куски разного мяса, одни готовили сухари, чинили одежду, другие пристреливали мушкеты и точили сабли.

Спокойно и властно распоряжался кошевой атаман. Куренные атаманы со значками в руках наблюдали за работами, а в атаманском курене войсковой писарь и есаулы составляли по чайкам списки казаков, отправлявшихся в поход, а также и тех, которые оставались в Сечи для защиты ее от неожиданного набега в отсутствие коша.

В каком именно году начались морские походы запорожцев, сказать трудно: давно уже небольшие партии казаков во время ловли рыбы в устье Днепра выходили в открытое море, где при случае делали нападение на купеческие галеры турок. С 1601-го по 1612 год каждое лето запорожцы захватывали по несколько галер, со следующего же 1613 года начались большие морские походы запорожцев».

В запорожские казаки шли крестьяне, мещане, торговцы, слуги, ремесленники, мелкая служилая шляхта, которую переводили в разряд государственных крестьян. Это была уже сложившаяся военная сила, не подчинявшаяся Польской Короне. И с ней надо было что-то делать.

Первая попытка решить проблему украинского казачества принадлежала польскому королю Стефану Баторию, правившему в Речи

Посполитой в 1575–1586 годах. Он попытался упорядочить украинское казачество, которое Польская Корона уже страшилась. «Желающих» казаков записали в новый реестр, а затем разделили на шесть полков. Число реестровых казаков, по данным разных источников, колебалось от нескольких сот до нескольких тысяч. Они получили свою старшину и свой суд. Казачьего гетмана выбирали сами казаки, польский король его утверждал, или нет. Казацкой столицей стал город Трахтемиров у Канева, там с 1578 года появились арсенал и госпиталь. Кроме Трахтемирова начала строиться и гетманская столица Батурин. Баторий воевал с московским царем Иваном Грозным, и ему было нужно, чтобы казаки не трогали турок и татар, с которыми Речь Посполитая подписала мир. Однако эти меры привели не к тем последствиям, которые ожидал Баторий.

Городами реестровых казаков стали Киев, Белая Церковь, Корсунь, Константинов, Бар, Черкассы, Чичирин, Кодак, Ямполь, Брацлав, Винница, Умань, Чернигов, Лубны, Переяславль, Фастов. Однако несколько десятков тысяч казаков лишились казачьих прав и привилегий и должны были перейти в крестьянское сословие – «поспольство», рискуя стать крепостными польских панов. Казаки и все охочекомонные пошли в Запорожскую Сечь, которая была полностью независимой, несмотря на попытки Батория обуздать запорожцев, которые вопреки запретам короля выбирали себе кошевого атамана. Посланцев короля, приехавших за казацкой свободой, топили в Днепре. Число запорожцев достигло двадцати тысяч воинов. С этого времени и пошло разделение украинских казаков на реестровых, городских и запорожских, низовых. Исследователь начала XX века писал о начале Запорожской Сечи:

«Некогда мирные артели рыбаков, чабанов и чумаков превратились теперь в благоустроенное войско, не признававшее под собой ничьей власти. Теперь у запорожцев были свои земли, которые они ревностно оберегали; были свои подданные – все те колонисты, которые жили под их крылом в степи. На Украине и в чужих землях их считали «славными рыцарями», твердым оплотом христианства против мусульман, а вскоре они выступили также против гордых ляхов, как борцы за поруганную веру и угнетавшийся панами народ украинский.

Главным средоточием запорожских земель была укрепленная Сечь – Сича. Там пребывали власти, квартировала главная вооруженная сила, там была гавань для всех приходящих с моря судов. Сначала Сечь была на острове Хортица, потом ее

переносили несколько раз дальше вниз по Днепру, поближе к Крыму, на разные днепровские острова: Базавлук, Томаковку, на острове у устья Чертомлака. Запорожцы для постройки своей Сечи всегда выбирали неприступные места. Одна только плавня Великого луга тянулась на 45 верст в длину и 20 в ширину, оберегая казаков с татарской стороны. Сечь была совершенно неприступна с трех сторон: с юга лежала сеть плавней до самого Днепра, с севера был лиман, а с запада – высокий берег реки Базавлука. Зимой запорожцы обкалывали лед у наиболее доступной части своего острова и не давали воде покрыться толстым слоем, чтобы неприятель не мог пробраться к ним сухим путем.

Найдя удобное место, запорожцы высекали на нем лес и готовили бревна для частокола; отсюда, как полагают, произошло и самое слово «Сечь». Сечь была окружена рвом и земляным валом с пролазами к реке. Чтобы вал не осыпался, его укрепляли частоколом, бревна которого сверху были заострены, а снизу просмолены. Чертомлыцкая Сечь имела по валу 900 сажен вокруг.

Все войско Низовое, или «тваристство», состояло из сечевиков и зимовчаков. Первые жили в самой Сечи и составляли «лыцарство». Они одни выбирали своих старшин, участвовали в дележе добычи, все они имели одинаковые права. В Сечи царило полное равенство; уважались ум и храбрость, а не знатное происхождение. Зимовчаками назывались казаки, как одинокие, так и семейные, жившие не в Сечи, а по зимовникам, хуторам и селениям, разбросанным по степи. Они занимались разными промыслами доставляли в Сечь продовольствие. Число сечевых казаков в разное время было различно: доходило до десяти или пятнадцати тысяч и больше, а всех с семьями до ста тысяч человек. Говорят, что когда султан спросил у казаков, сколько их всех, те ему ответили: «У нас шо куст, то казак, а где байрак, то там по сто казаков».

Большей частью сечевики были украинцами, но попадались и великороссы, и поляки, и волохи, даже выкрещенные татары, турки и калмыки. Здесь находили приют все потерпевшие какую-нибудь обиду и не нашедшие управы, все гонимые за веру; были такие, которых привлекала слава или надежда на добычу.

Так пополнялась Сечь. Выход из товарищества был всегда свободен.

Поступая в братство, запорожец, как бы порывал со всем своим прошлым и бросал даже свое прежнее имя, а принимал то, которое ему давали товарищи. Эти прозвища обозначали или занятие каким-нибудь ремеслом, например: «Коваль, Рыбалка, Бондаренко, Золотаренко; или намекали на какую-то особенность в одежде или наружности: Вкус, Лысый, Рудый, Гладкий, Нечеса, Перебий-Нис. Подчас эти шуточные прозвища были весьма затейливы, например, Задери-Нога, Пивтора-Кожуха, Задеры-Хвист-Пистолем, Закруты-Губа».

Украинский казак. Структура Украинского казачьего войска. Регалии. Старшина

Структура и управление украинского казачьего войска складывались десятилетиями и окончательно сложились при великом Богдане Хмельницком. Только при нем они приняли стройную организацию и систему. Польские власти до 1648 года активно вмешивались в казацкую жизнь и все время меняли условия и правила казацкого управления, меняя структуру, уменьшая реестр, отменяя свои же собственные универсалы и постановления.

Из реестровых казаков были составлены полки-округа, центром которых являлись города, по названиям которых полки получали имена. Первой «столицей» реестровых казаков, где находился выбираемый казаками и утверждаемый королем гетман, высшая старшина, реестровая артиллерия, казна и госпиталь, стал Канев. В полковых городах находилась полковая старшина, в местечках располагались полковые сотни. Сохранился реестр – список казаков, составленный в марте 1581 года в Черкассах. Более пятисот казаков, пришедших из городов и местечек, расположенных по всему течению Днепра, из Вольни, Подолии, Червонной Руси, из белорусских земель, были и «иностранцы» – 26 человек из Черкасс, 14 человек из Канева, 8 из Белой Церкви, 13 из Киева, 7 из Любеча, 1 из Тетерина, 2 из Дубровной, 1 из Друцка, 1 из Горок, 7 из Гомеля, 1 из Чечерска, 2 из Кричева, 10 из Мстиславля, 10 из Брагина, 3 из Чернобыля, 17 из Мозыря, 1 из Любоня, 2 из Озерен, 1 из Петрикова, 13 из Турова, 6 из Давид-Городка, 2 из Пинска, 1 из Хвойни, 4 из Слуцка, 3 из Минска, 1 из Койданова, 1 из Борисова, 1 из Гризовки, 9 из Бобруйска, 4 из Вишневец, 11 из Ровно, 1 из Гучина, 1 из Олыка, 1 из Звягеля, 4 из Луцка, 1 из Торчина, 2 из Острополя, 3 из Владимира, 1 из Литовижа, 5 из Острога, 1 из Ковеля, 4 из Корец, 1 из Берестечка, 1 из Дермани, 1 из Чуднова, 5 из Каменца, 3 из Винницы, 1 из Брацлава, 2 из Хмельника, 2 из Пикова, 2 из Ямполья, 2 из Коломыи, 1 из Бучача, 1 из Галича, 1 из Золочева, 1 из Збаража, 1 из Львова, 2 из Ярослава, 4 из Вильно, 2 из Новогрудка, 2 из Ковно, 5 из Витебска, 6 из Полоцка, 1 из Смоленска, 1 из Кричева, 2 из Слонима, 20 из Москвы, 4 из Молдавии, были из Рязани, из волжских городов, из Сербии, Крыма, Познани, Кракова, Сандомира.

Казачья вооруженность включала лошадь, ружье, копьё, пистолеты и саблю, оружие получали из Швеции, Польши, Турции. Служащие казаки получали жалованье и одежду, в походах – продовольствие и фураж для лошадей. Обязательная служба длилась до семи лет и почти всегда продолжалась добровольно. Добровольцы назывались товариществом. Товарищи имели преимущество при голосовании, при выходе из службы их часто именовали старшинами. В первый период казачества их одежда была простой – рубаха, шаровары, юфтевые сапоги, пояс, кафтан, верхняя одежда – свита, шапка из овечьего меха с суконным верхом.

Много украинских казаков жило в селениях, по околицам, по хатам, называемым и куренями. Курени управлялись куренными атаманами. Несколько куреней составляли сотню, несколько сотен – повет. Были сотенные и поветовые атаманы. В сотнях и поветах знамена и войсковые значки хранили хорунжие, наблюдавшие за военной службой. Они при необходимости собирали казаков в сборное место – в Батурин, Черкассы, Чигирин, Переяславль, Конотоп, Нежин, Чернигов. На общем сборе войска выбирали полковых старшин – походных.

Украинские казаки подбривали волосы на голове чуть выше ушей, подстригая их в кружок, носили огромные усы, служившие знаком казачества. Запорожцы всю голову брили, оставляя на макушке чуб – оселедец, по-русски хохол. Иногда чуб заплетали как косу и завертывали за левое ухо. Существует предание, что крымские татары, идя в набег на украинские земли хвастались, что привезут домой головы запорожцев. Именно для такого «удобства» запорожцы делали оселедец – «приди и возьми». Приходили многие, возвращались немногие. «Взять» получалось не очень.

В походах казаки питались пшенной кашей с толчеными сухарями. Турки, татары и поляки боялись казачьих набегов, ибо их невозможно было предупредить – по степи «казак шел в траве с травой ровен». Реки казаки переплывали на снопах из тростника, держась за коня. При преследовании позади себя рассыпали «чеснок» – металлические шарики с четырьмя шипами, которые калечили лошадей врага, приводя противника в ярость, что заставляло его делать ошибки. Если пеших преследователей становилось много, казаки возвращались и рубили противника. Все казаки любили свободу и рабству предпочитали смерть – поэтому их так боялись. «Сегодня пан, а завтра пропал» – говорили воины.

На Левобережье, у Днепра, были построены караульные стоянки, вокруг которых на высоких местах располагались «фигуры» – по двадцать просмоленных бочек одна на другой – при приближении крымских татар

они поджигались, и население, оповещенное о враге, уходило в укрепленные места, которые охраняли казаки, сражавшиеся с татарами. Казаки великолепно владели всеми видами оружия, прекрасно знали военное дело – иначе не было бы их славных побед.

Если встречались большие группы вражеских войск, казаки вместо каре строились треугольником в три шеренги, имея по углам пушки, в середине находились знамена и старшина.

В походе казаки шли колонной по трое в ряду, впереди знамя-хоругвь. Лагерь-табор был окружен возами, между которыми помещались пушки. Шатры ставились на пиках.

Полковники и сотники выбирались пожизненно. Полковые города были укреплены валом, рвом, палисадом, внутри – укрепленный «замок» с частоколом, валом с пушками. Всегда в городе существовал подземный ход – выход к воде. Такая организация оставалась до середины XVIII века.

Богдан Хмельницкий провел нобилизацию – перепись населения, – все нобилированные, претендовавшие на казацкое достоинство и произведенные в казаки были вписаны в регистры и приведены к присяге. На Левобережной Украине, в Готманщине, казаки имели почти дворянские права, выбирали гетмана, полковников, сотников, имели свой суд, закон, судей. Казаки владели переходившей по наследству землей, имели право винокурения и продажи вина, меда, право торговли. Только суд мог исключить казака из своего сословия.

При гетмане Иване Скоропадском, в начале XVIII века, на украинских землях было десять полковых городов – Киев, Полтава, Нежин, Чернигов, Переяславль, Миргород, Гадеч, Лубны, Прилуки, Стародуб. В период Руины, в середине XVII века, много казаков переселилось на Слободскую Украину, где были построены Харьков, Сумы, Ахтырка, получившие наименование полковых городов. Позже звание полкового получил город Изюм.

При гетмане Иване Мазепе в Батурине была учреждена его личная гвардия – три сердюцких полка.

При гетмане Кирилле Разумовском все казаки получили одинаковую форму – верхний длинный кафтан – жупан, только синий, с красными отворотами и обшлагами, белое суконное полукафтанье и белые суконные шаровары, красный пояс – кушак, польскую шапку, разноцветную в каждом полку.

Полк состоял из области с городами, местечками, селами, деревнями, хуторами. В руках полковников практически была вся военная сила, во многом от них зависело избрание руководства казачьего войска.

Непосредственно полком управляли полковые писарь, обозный есаул.

Казачья сотня представляла большой уезд. Ей управляли есаул, хорунжий, обозный, сельские атаманы.

Первый раз казацкое войско прославилось в 1620 году в знаменитой битве под Хотинском, где польские и казацкие войска, которых было соответственно шестьдесят и сорок тысяч воинов, разгромили огромную турецкую армию. Историк XIX века Н. Семеновский писал:

«На поле брани всякий казак летал на врагов в одном ряду со всеми, на поле битвы он как истинный рыцарь искал славы и только лично мог ее достигнуть. Военская слава была главная цель, к которой все стремились, все старались заслужить, не щадили своей жизни».

В награду за Хотинскую битву польская элита потребовала, чтобы 37 000 казаков были переведены в крестьянское сословие. В 1632 году казацкие депутаты прибыли на всеобщий сейм, избравший нового польского короля. Депутаты просили права голоса на выборах для казачества, защищали православную веру. Польский сенат нагло ответил:

«Казаки – это как волосы или ногти в теле человека: когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут. Так поступают и с казаками: когда их немного, то они могут служить защитой Речи Посполитой, а когда они размножатся, то становятся вредными для Польши».

Украинское казачество было признано «негражданами», а украинские земли – колонией Польской Короны.

Неудивительно, что при таком отношении к целому народу, позднее Речь Посполитая рухнула, подвергнувшись трем разделам в XVIII веке. Украинцы сами решили свою судьбу.

Все казацкие предводители выбирались. На казацком или войсковом совете – Раде, в которой могли участвовать все казаки, выбирали гетмана, атаманов, полковников, военную старшину, заключали договоры с другими государствами, вели судебные дела, утверждали планы военных походов. Решения принимались большинством. Историк Н. Семеновский писал о выборах украинского гетмана:

«Обряд избрания малороссийского гетмана был таков. Собиралось по повестке атаманов среди обширного майдана рыцарство и соглашалось между собою, кого избрать на Гетманский уряд. Войсковой старшина отбирал голоса по полкам и имена названных произносил во всеуслышанье, а тогда казачество, из двух или трех названных после долгих споров, а иногда и драк, избирало одного. Выбранного выводили на середину площади, ставили на возвышение, и старшина, взявши со стола булаву и знамя, подавал новоизбранному, который по обычаю отказывался от уряда, говоря, что не достоин такой чести, что не может управлять рыцарством. Старшина и народ просили его принять булаву, и в четвертый раз новоизбранный брал булаву и кланялся народу на четыре стороны. В радости казаки кричали, бросали вверх шапки и стреляли из ружей.

По окончании выбора старшины вводили новоизбранного в церковь, где служили молебен и по окончании службы Божией гетмана окропляли святой водой и он прикладывался к кресту и иконам. Потом вводили его во дворец, и вслед за этим начиналось пиршество и в домах, и на площадях, продолжавшееся несколько дней».

Со времен Богдана Хмельницкого Ясновельможный пан гетман в Гетманщине имел права правителя страны. Запорожский кошевой атаман признавал его власть над собой. Гетманы пользовались всеми своими правами – верховного судьи, имевшего власть казнить и миловать, санкционировали выборы казацкой старшины, раздавали земли, деревни, местечки, полки, чеканили монету, вели иностранные дела, объявляли войну и заключали мир. Отчет гетман никому не давал, но по общему казацкому суду он мог быть смещен, заключен в тюрьму и казнен. После смерти Богдана Хмельницкого гетманская власть постоянно ограничивалась Московским царством – «чтоб явно было всему свету, что монарх, а не гетман землей владеет». Гетманство было ликвидировано в 1803 году, после смерти последнего гетмана Кирилла Разумовского.

Гетман имел булаву, войсковую печать, бунчук, хоругвь. Он владел многими землями – ранговыми имениями и поместьями «на булаву». На войне гетманы пользовались шлемом, панцирем, латами, были вооружены саблей, двумя кинжалами, пистолями. Если гетман шел в военный поход, то оставлял за себя наказного гетмана.

Клейноды или регалии – драгоценные войсковые знаки украинского

казачества – были известны с конца XVI века. В них входили хоругвь, бунчук, булава, печать с гербом, позднее перначи, палицы, литавры.

Бунчук – самый важный штандарт казацкого войска – состоял из множества конских хвостов, сплетенных вместе и окрашенных красной, белой, черной краской. Навершием бунчука была искусно сплетенная из тонких волосяных веревок головка, на которую была сверху насажена большая позолоченная маковка. Малый бунчук давался наказному гетману.

Бунчук означал власть и победы, использовался в торжественных случаях, при выходах гетмана, во время рад, во время походов. Бунчук хранил Генеральный войсковой бунчужный и его помощники – бунчуковые товарищи, в период военных походов бывшие адъютантами гетмана.

Булава являлась жезлом правления. Булавы были большие, малые, позднее жезлы, шестоперы, перначи. Гетманская булава длиной чуть менее полуметра состояла из палки орехового дерева, имела в навершии серебряный шар, или предмет другой формы. Серебряный шар был покрыт жемчугом, изумрудами, бирюзой, вызолочен. На булаве были и тексты из Священного Писания. Рукоять булавы также окантовывалась в серебряную оправу, а иногда была вся серебряная. У других казацких военачальников были перначи или шестоперы – жупы, носившиеся за поясом.

Знамена – хоругви украинского казачества, – делались из ярких шелковых материй, часто красного цвета. С одной стороны хоругви часто писали лик Богородицы, с другой – крест и название войска, полка; изображались и святые, ангелы. Позднее на знаменах появились орлы, львы, мечи. Свои значки имели и казацьи сотни. Знамена охранялись хорунжими.

Казацкие печати были известны с XVI века – «На сей печати малороссийской войсковой герб: воин в кошаку перекивленном, на плечах мушкет, а при боку сабля и казацкий рог с порохом и пулями. Дан Войску от Короля Польского и Венгерского Стефана Батория в 1576 году». Потом были печати и от московского царя. Войсковая печать находилась в ведении Генерального войскового судьи. Полковники имели свои печати, которые хранились у есаулов.

Украинское казачество управлялось Генеральными старшинами – Вельможными панами, заседавшими и судившими в Генеральной Войсковой канцелярии, находившейся в ведении гетмана. Это были и войсковые и административные руководители. Генеральный Ободный был начальником обозов и артиллерии, ему подчинялись полковые обозные. Генеральный Войсковой писарь заведовал всеми войсковыми делами, исполнял повеления гетмана, руководил Генеральной войсковой

канцелярией. Генеральный Войсковой есаул управлял полками. Генеральный судья вел гражданские, а иногда и военные дела. Очень влиятельные полковники были и военными начальниками, и административными руководителями региона, области, со всем ее населением. В их подчинении также были полковые обозные, писари, судьи, по два есаула, руководившие боевой подготовкой казаков полка. Полковникам подчинялась сотенная старшина. Исследователь истории украинского казачества Н. Березин писал в конце XIX века:

«Украинские казаки представляли не только свободное, но собственным порядком устроенное войско, но войско своевольное. В казаки мог попасть всякий, так что ряды войска, особенно запорожского, пополнялись многими беглыми холопами, и потом из невозможно было оттуда извлечь. Казачество и тесно связанное с ним Запорожье являлось, таким образом, убежищем, укрыться в котором мог рассчитывать всякий. Своеволие казаков проявлялось в том, что они совершенно не считались с верховной властью. Они заключали договоры с московскими царями об охране их границ, гетман их вел переговоры с немецким императором, точно самостоятельный властелин».

Запорожские казаки в документах называли себя рыцарями Войска Запорожского, Христолюбивым войском, Храбрыми рыцарями.

Все должности в Войске Запорожском были выборными. Высшая власть принадлежала войсковой Раде, в которой принимали участие все запорожцы. Именно они выбирали кошевого атамана и всю старшину. На раде принимали решения о военных походах, о мире, производили суд. Решения принимались большинством, иногда «с боем». Историк А. Кузьмин писал в начале XX века:

«Рада происходила на большой площади между куренями. По грохоту и бою барабанов есаулы-распорядители собирали народ; все бросали работу, гулянку, свои дела и толпою валили на площадь, где становились в круг – майдан. По звуку труб войсковых трубачей наступала тишина. Собравший раду – а собрать ее мог как кошевой, так и само казачество, – выходил на середину майдана и заявлял, что было нужно. Все казаки стояли в

шашках, а говоривший, хотя бы и сам кошевой, был с непокрытой головой, в знак того, что он готов подчиниться решению своих товарищей.

В Сечи всегда имелось несколько доблестных и опытных запорожцев, могущих с честью занять место кошевого, а потому, когда приходилось выбирать нового, то толпа начинала кричать что было мочи сразу несколько имен. Когда одно имя восторжествовало над другим, туча шапок взлетала кверху.

Есаулы вводили вновь избранного в середину майдана, где старшины, куренные атаманы, покрывали его шапками и вручал ему палицу или булаву, знак отличия и власти кошевого. Тогда из толпы выходило несколько седых уважаемых запорожцев, которые клали на голову нового кошевого грязь и всякий сор, дабы он помнил, что все казаки ему равны. Кошевой, переодевшись, выходил снова в круг. Головы всех почтительно обнажались, глаза потуплялись в землю и наступала полная тишина. Новый кошевой неторопливо и степенно говорил собранию речь, и одна лишь его шапка алым верхом своим горела под лучами яркого солнца».

Кошевой атаман возглавлял военную и административную власть, утверждал судебные приговоры, занимался дипломатией, распределял трофеи между куренями. Он имел булаву, хоругвь, бунчук, войсковую печать. Ему подчинялась вся старшина.

Войсковая старшина состояла из войсковых судьи, писаря, обозного, есаулов, куренных атаманов, скарбнического.

Войсковой судья осуществлял судебные функции, во время отсутствия кошевого атамана заменял его. Вместе с войсковым скарбником он отвечал за скарбницу и арсенал.

Войсковой Писар заведовал сечевой канцелярией, составлял и от имени кошевого атамана заверял документы. Ему подчинялись все писари войска.

Войсковой есаул занимался организацией охранной службы, вел следствие и исполнял приговоры суда, поддерживал дисциплину и порядок среди запорожцев, распределял деньги и провиант.

Войсковой обозный ведал артиллерией и фортификационными работами, непосредственно снабжением войска, руководил осадами.

Очень влиятельны были куренные атаманы. Именно из них всегда выбирался кошевой. Центральное поселение запорожцев называлось кош,

земельные владения – Вольностями Войска Запорожского. Известны Хортицкая, Томаковская, Базавлукская, Чертомлыцкая, Каменская, Олешковская, Покровская, Задунайская Сечи, несколько округов – Кодакский, Самарский, Орельский, Ингульский, Бугогардовский, Калмиусский. Земли Войска Запорожского находились в Запорожской, Днепропетровской, Николаевской, Донецкой, Кировоградской, Херсонской, Одесской областях.

В Войске Запорожском было до сорока куреней – Левушковский, Пластуновский, Детьковский, Брюховецкий, Ведмедевский, Платнировский, Пашковский, Кущевский, Кисляковский, Ивановский, Конелевский, Сергеевский, Донской, Крылоский, Коневский, Батуринский, Половичевский, Васюринский, Езамшевский, Ирклеевский, Щербиновский, Титаровский, Шкуренский, Куреневский, Роговский, Корсуновский, Конebolотский, Гуманский, Деревянцовский, Полтавский, Мышастовский, Минский, Тимошевский, Величковский.

В курене могло помещаться до полутысячи человек, но постоянно жили немногие – казаки находились на рыбалке, на охоте, на пасеке, в полевой страже, ходили за солью. Во время походов курени пустели.

Одежда запорожцев состояла из козьей куртки, черкески с разрезанными рукавами – вылетами, суконных шаровар, шелкового пояса, очень широкого, сафьяновых сапог, шапки-кабардинки с галуном. Имели копье, саблю, четыре пистоля, перевязь с патронами, ружье. Были и пушки. Современный украинский историк В. Ф. Остафийчук писал:

«На Сечи сформировалось своеобразное общественно-политическое и административное устройство, основой которого были принципы военной демократии. Верховными органами власти были войсковая рада или круг и куренные сходки, на которых решали важнейшие вопросы, военного и политического характера, выбиралась старшина.

Демократизм Запорожской Сечи на целые столетия опередил Европу, где Великая французская революция провозгласила демократические свободы лишь в 1789 году. И поддерживался он обычным правом, перед которым все были равны, и которое провозглашало волю и равенство тем правом, которое происходило со времен Киевской Руси. Выборная система органов власти дала основание К. Марксу назвать Сечь Христианскую казацкую республикой.

В середине XVI века запорожское казачество создало

значительное войско со стройной организацией. Во главе его стоял гетман. Основной войсковой единицей был полк (по 500 мушкетов), который разделялся на сотни, а они – на десятки. В войске преобладала пехота, конницы было мало. Сечь имела и большой флот из больших лодок – чаек или байдаков. В 20-х годах XVII века их число превышало 100–150. Войско отличалось суровой дисциплиной. Власть гетмана и старшины во время похода была неограниченной. Самым страшным преступлением считалась измена. На Запорожье действовала постоянная школа рыцарского, военного искусства, в которой учились отважные юноши со всей Украины и даже из других стран. Послы Австрии, Трансильвании, Польши, Московии и других стран, побывавши на Запорожской Сечи, признавали казачье войско лучшей европейской армией.

В истории украинского народа Запорожская Сечь играла большую роль. Она сосредотачивала свободолюбивые элементы казачества, была центром борьбы с внешними врагами, главной силой народа за социальное и национальное освобождение. Запорожское казачество брало активное участие во всех крестьянских восстаниях, придавая им большую организованность. Сечь стала зародышем новой украинской казацко-старшинской государственности. С началом существования Запорожской Сечи дух казачества стал распространяться по всей Украине».

Украинские песни воспевали казачество:

Ой, на гори сніги лежать,
А під горою маки цветуть,
То ж не маки цветуть,
То ж казаки идуть.
Ишли ляхи на три шляхи,
москаль на чотыре
А казаченьки,
Як маченьки,
Усе поле уккрыли.

Сидить мати у виконця,
Кличе сына запорожця:

«Иди, синку до домоньки
Змию, зчешу тобі головоньку».
«Измий, мати, сама соби,
А бо свой дочци коханочци.
Мене змиют дробни дощи,
А розчешуть тернови кусци,
А высушить мене сонце,
А розмеють буйни витри,
А пригладить зелена лицина,
А пригорне козака дивчина».
«Вернись, сину, до домоньк:
Я постелю постелечьку».
«Постели, мати, сама соби,
А бо свой дочци коханочци.
А я постелю сирячину,
А в головах кулачину,
А вкриюся Каленовым листом,
Щоб не рогатися с товариством».

В конце XVI века дипломат Священной Римской империи Э. Ласота побывал на Запорожской Сечи с письмом императора Рудольфа:

«До острова Базавлук, при рукаве Днепра у Чертомлыка оставалось около двух миль. Здесь находилась тогда сечь казаков, которые послали нам навстречу несколько из главных лиц своего товарищества и приветствовали наше прибытие большим числом выстрелов из орудий. Потом они проводили нас в коло, которому мы просили передать, что нам было весьма приятно застать тамошнее рыцарское товарищество в полном здравии.

Утром посетил нас гетман, в сообществе некоторых из главных лиц и затем, в свою очередь, принял нас у себя. После обеда они выслушали московского посланника, который при передаче даров завел речь о публичном собрании и о том, о чем мы еще на пути условились. Впрочем, еще до этого, гетман обратился к нам из кола с извинением, чтобы мы не поставили им во зло то, что московскому посланнику они дают аудиенцию прежде, чем нам, сказав при этом, что им хорошо известно, что

Его Императорское Величество занимает первое место в ряду всех христианских монархов, и что поэтому им следовало бы выслушать прежде его посланника; но что им казалось кстати выслушать предварительно московского посланника, в том предположении, что москвич в своих переговорах с ними не умолчал бы и о деле Его Императорского Величества.

20 июня мы имели аудиенцию и письменно представили в коле наше поручение.

Попросивши нас снова войти, они выслушали публичное чтение нашей грамоты и потребовали, чтобы каждый высказал о ней свое мнение. Когда же, после двукратного предложения гетмана, продолжалось молчание, то они, как это у них водится в важных делах, разделились и образовали два кола: одно для начальников, другое для простого народа, называемого у них чернью. После долгих прений, чернь изъявила свое согласие с обычным криком на вступление в службу к Его Императорскому Величеству, и в знак этого бросили шляпу вверх. Тогда толпа немедленно побежала к другому колу, к начальникам, и грозила бросить в воду и утопить тех из них, кто с ними не согласится. Начальники не смели им противиться, потому что чернь, которая сильнее и могущественнее их, придя в ярость, не терпит противоречия, а только требовали, чтобы переговорить им с нами касательно условий. Избрав для этого 20 депутатов, они снова пригласили нас в коло.

Среди большого кола эти депутаты, сидя на земле, образовали снова малое коло и, после многих совещаний, просили нас присесть к ним, что нами и было сделано. Тогда они объявили нам свою готовность служить Е.И.В., не щадя на этой службе своей жизни. Они не отказались также двинуться в Валахию и, переправившись через Дунай, вторгнуться в Турцию, только утверждали, что при этом встретились бы им непреодолимые препятствия, а именно, во-первых, что у них не достало бы лошадей, как для себя, так и под орудия, так как татары, во время семи набегов, сделанных ими в течение минувшей зимы, похитили у них более двух тысяч лошадей, которых затем у них осталось не более четырехсот; во-вторых, что было бы слишком опасно, при небольшом числе их войска, три тысячи человек, перейти в Валахию, тогда как невозможно полагаться на валахского господаря; да и хорошо им известен

непостоянный и изменческий характер самих валахов; в-третьих, что они считают невозможным обязываться служить и переходить в такую даль, при столь незначительном вознаграждении и при неопределенности наших предложений. Ссылаясь на то, что они не имеют обыкновения служить и выступать в походы, при неизвестности во всей точности условий, они желают, чтобы я, от имени Е.И.В., заключил с ними контракт касательно трехмесячного жалованья и содержания лошадей.

Относительно жалованья я сказал, что считаю невозможным вступить с ними об этом в переговоры, так как настоящее посольство наряжено императором после сделанных ему предложений, не заключающих в себе настоящих требований. Если бы эти требования были предъявлены прежде, то дело это заблаговременно устроилось бы иным образом. Касательно лошадей я говорил, что отправляясь вверх по Днепру, они легко могли бы, в городах и селах своей родины, получить лошадей от своих родных и знакомых.

Они ответили, что призывают Бога в свидетели своей готовности служить интересам Е.И.В., но что есть причины, ими уже объявленные, которые не позволяют им предпринять поход в столь отдаленные места. Но все же, чтобы доказать свою покорнейшую преданность Е.И.В., согласились отправить к нему послов, уполномочив их заключить с ним договор насчет условий их содержания, обещая при этом постараться самим о доставлении себе лошадей.

Я по-прежнему предложил им, от имени Е.И.В., тронуться с места как можно скорее и идти в Валахию, присовокупляя к тому, что, по достижении валахской границы, ничто не помешает им отправить своих послов к Е.И.В. для переговоров касательно требуемого ими содержания. Без сомнения, прибавил я, Е.И.В., увидев, что они приступили к делу и, служа ему, храбро действуют против неприятеля, изъявит им при этих переговорах еще большую свою благосклонность и милость.

Обо всем этом есаулы донесли большому колу. Там, после долгих совещаний, последовало снова одобрительное решение, сопровождавшееся бросанием вверх шляпы. Когда мы после этого вышли из кола, казаки начали греметь войсковыми барабанами и трубами, дали десять залпов из орудий, а ночью пустили еще несколько ракет.

Но в тот же вечер несколько беспокойных лиц, к которым присоединились более зажиточные, как, например, охотники и хозяева челнов, бродили по хатам простолюдинов и, представляя отдаленность и опасность пути, предостерегали их и не советовали решаться на то, в чем потом должны будут раскаиваться. Они доказывали им невозможность продовольствоваться во время столь далекого похода на присланную им незначительную сумму, тогда как большая часть из них люди бедные. Спрашивали их, на что употребят они эти деньги, – на покупку ли хлеба или же на покупку лошадей, поставляя им при этом на вид, что будто бы Е.И.В. легко может завлечь их далеко от их страны, и потом, когда они ему будут уже не нужны, бросят их на произвол судьбы, тем более, что он не дал им никакого удостоверения посредством грамоты и печати.

Подобными словами они произвели на народ такое впечатление, что простые казаки, собравшись утром следующего дня снова в коло, пришли к совершенно иному заключению и никак уже не хотели выступить в поход при столь неопределенных условиях, тем более, что они даже не знали, где находятся обещанные им деньги, и от кого следует получить их, так как им не были предъявлены ни грамота Е.И.В., ни удостоверение в том, что действительно будут доставлены им дополнительные деньги».

Французский военный инженер Г. Боплан, почти двадцать лет в середине XVII строивший крепости в Речи Посполитой, писал в своем труде «Описание Украины», вышедшем в 1650 году:

«В стране Запорожской вы найдете людей искусных во всех ремеслах, необходимых для общежития: плотников для постройки домов и лодок, тележников, кузнецов, ружейников, кожевников, сапожников, бочаров, портных. Казаки весьма искусны в добывании селитры, которой изобилует Украина, и в приготовлении пушечного пороха. Женщины прядут лен, ткнут для своего употребления полотна и сукна. Все казаки умеют пахать, сеять, жать, косить, печь хлебы, готовить яства, варить пиво, мед и брагу, гнать водку; все также без различия пола, возраста и состояния, стараются превзойти друг друга в пьянстве и

бражничестве, и едва ли найдутся во всей христианской Европе такие беззаботные головы, как казацкие. Впрочем, справедливо и то, что они вообще способны ко всем искусствам, хотя некоторые из них опытнее в одном, чем в другом. Встречаются также между ними люди с познаниями высшими, нежели каких можно было бы ожидать от простолюдинов. Одним словом, казаки имеют довольно ума, но заботятся только о полезном и необходимом, особенно о таких вещах, которые нужны для сельского хозяйства.

Плодородная земля доставляет им хлеб в таком изобилии, что они часто не знают, куда давать оный: ибо кроме Днепра, ни одна из судоходных рек, протекающих по Украине, не впадает в море.

Веру казаки исповедуют греческую, называя ее русской. Соединяя с умом хитрым и острым щедрость и бескорыстие, казаки страстно любят свободу; смерть предпочитают рабству, и для защиты независимости часто восстают против притеснителей своих – поляков. В Украине не проходит семи или восьми лет без бунта.

В войне они неутомимы, отважны, храбры или лучше сказать дерзки, и мало дорожат своей жизнью. Метко стреляя из пицалей, обыкновенного своего оружия, казаки наиболее показывают храбрость и проворство в таборе, огороженные телегами, или при обороне крепостей.

Одаренные от природы силою и видным ростом, они любят пощеголять, но только тогда, когда возвращаются с добычею, отнятой у врагов; обыкновенно же носят простую одежду. Немногие из них умирают на постели, и то в глубокой старости: большая часть оставляет свои головы на поле чести».

Один из первых исследователей истории Украины Д. Н. Бантыш-Каменский писал в XIX веке:

«1 января, по древнему постановлению, происходило избрание нового кошевого и старшины, в случае, если народ был недоволен прежними. Также распределяли в тот день каждому куреню: реки, речки и озера для рыбной ловли, от устья Самары до устья Днепра и Буга. Как скоро довыш, по приказанию кошевого и старшин, начинал бить сбор, есаул выносил из церкви

походное знамя и ставил оное на площади; потом собирались казаки из всех куреней, и, по прибытии еще двух раз в литавры, являлся, наконец, кошевой с палицею, а за ним судья с восковой печатью и писарь с чернильницей. Все они вместе с есаулом, державшим жезл, становились, без шапок, в середине круга и кланялись на четыре стороны. Довбыш снова ударял в литавры в честь прибывших чиновников, после чего кошевой произносил громким голосом следующее:

«Ныне, добры молодцы, настал новый год! Надобно, по древнему обычаю, разделить на курени реки, речки и озера для рыбной ловли».

Тогда метали жребий, который решал, чем каждый курень должен был владеть целый год. Кошевой снова обращался к народу:

«Что, панове молодцы, не желаете ли в начале сего нового года избрать также новых старшин?»

Когда запорожцы были довольны своими начальниками, то восклицали: вы, добрые паны, и можете еще дальше над нами пановать; после чего расходились все по домам. В противном случае недовольные заставляли кошевого отказаться от своего чина, и тогда клал он палицу на шапку и, поклоняясь всеми народу, возвращался в свой курень. То же самое делали судья, писарь и есаул при своем отрешении.

Другие положенные дни для народных собраний, в которых или сменяли начальников, или советовались о походах, были праздники Иоанна Предтечи и Покрова Пресвятой Богородицы, коей посвящена церковь, находившаяся в Сечи. Если запорожцы не имели никакой причины негодовать на своих предводителей, то в сии праздники не бывало общественного собрания; но зато малейшее неудовольствие вооружало их против начальства, даже в обыкновенные дни. Тогда недовольные казаки уславливались между собой, и ежели их было десять куреней, они отваживались на злой умысел. Часто за кошевого и других старшин вступались приверженные им курени, и тогда запорожцы, собиравшиеся на раду с большими дубинами, не только ссорились, но даже доходило до драки и убийств. В сие время старшины, ожидая окончания начатой между казаками распри, всегда стояли поде церкви, чтобы сокриться там в случае нужды. Наконец право сильного прекращало несогласие: отставленный старшина

немедленно возлагал почетный свой знак на свою шапку, кланялся собравшемуся народу, благодарил за оказанную ему доселе честь и тотчас отправлялся в свой курень; ибо случалось, что желавшие оправдаться или не сходявшие долго с места были убиваемы в самом собрании, а иногда и на обратном пути. Со всем тем отставные старшины пользовались во всю жизнь уважением народа; им везде уступали первые места и хоронили их с большими почестями, чем простых казаков.

Запорожцы не имели никаких письменных законов, войсковой судья решал дела, сообразуясь со здравым рассудком и древними обыкновениями, а в трудных случаях совещался с кошевым и прочими начальниками. Воровство, неплатеж долгов, прелюбодеяние и убийств почитались у них главными преступлениями. Они могли грабить проезжающих и соседей; но ежели запорожец изобличался в воровстве у своего товарища, скрывал или покупал украденное, тогда, хотя бы и возвращал покражу, приковывали его на площади к столбу, и он должен был сносить от всех проходящих поругания и побои. Подле прикованного преступника лежала обыкновенно плеть, и если в течение трех дней он не получал прощения от своего противника, то засекали его до смерти. Когда же получивший прощение во второй раз был обвинен в воровстве, в таком случае лишался жизни на виселице. Не плативший долгов бывал прикован на площади к пушке, пока заимодавцы не имели от него желаемого удовлетворения. Ничто не могло сравниться с казнью убийцы: казак, умерщвлявший другого, был бросаем в могилу, потом опускали на него гроб с телом убитого и засыпали их землею. Одна только любовь к нему соотчичей и храбрые его дела могли избавить убийцу от столь жестокой смерти, но редко сие преступники получали помилование».

Великий украинский историк М. Грушевский писал:

«Казачество – явление очень интересное, но весьма сложное. Вследствие своей оригинальности, а также и благодаря громкой роли, сыгранной им в истории Восточной Европы, оно обращало на себя внимание издавна, им занимались немало, но невыясненного все же оставалось в нем до последнего времени

очень много, и в литературе по этому вопросу высказывались и высказываются нередко суждения очень смутные и ошибочные.

В конце XVI – начале XVII веков под сильнейшим воздействием представлений о привилегиях, связанных с казацким званием, окончательно формируется понятие о казачьем сословии, и к нему начинают причислять себя в этих пограничных краях все общественные элементы, желавшие освободиться от стеснительных рамок польской общественной схемы: крестьяне помещичьих и государственных имений, мещане городов, даже боярство и мелкая шляхта, привлекаемая старостами к тяжелой замковой службе. Так как на это время падает, с одной стороны, небывалый до тех пор прилив крестьянского населения в юго-восточную Украину, а с другой – распространение в них польских порядков, господство шляхты и крепостных отношений, от которых считали себя освобожденными все причислившиеся к казачеству, – то казачество необыкновенно растет, увеличиваясь с сотен на тысячи и десятки тысяч.

Бестолковая политика правительства, которое то старалось задавить строгими репрессиями все казачество, за исключением горсти реестровых, то, нуждаясь в войске, обращалось к помощи нереестровых, даже, случалось, приглашало вступать в казаки всех желающих, – окончательно лишала местную администрацию и помещиков возможности положить предел «украинскому своеволию».

Правительство полного уничтожения казачества никогда не желало. По своей дешевизне и сноровке, отваге и выносливости это были незаменимые войска, и известную часть казачества, более дисциплинированную, правительство всегда желало оставить для государственной службы. Эта легальная часть казаков, по планам правительства, должна была служить также для обуздания остальной, своевольной массы казачества, удерживать ее в повиновении и не допускать ее походов на чужие земли.

Но тут вечное безденежье польской казны создавало новые трудности: правительство не имело средств взять на жалованье более значительное число казаков, оно брало их на службу одну-две тысячи, самое большее, да и тем платило так плохо и неисправно, что они должны были искать себе иных источников

пропитания. По этой причине даже этих служилых, «реестровых» нельзя было содержать в послушании и дисциплине, а о том, чтобы сделать их действительными блюстителями порядка на Украине, нечего было и думать. С несколькими сотнями реестровых нельзя было ни организовать обороны Украины, ни удержать массы нереестрового казачества. Вообще, польские правящие сферы не были ни достаточно сильны, ни достаточно дальновидны, чтобы или уничтожить казачество, или дисциплинировать и организовать его. Восточной Украине они вообще очень мало уделяли внимания в своей внутренней политике. Репрессии и кровопролития не останавливали роста казачества и лишь раздражали его наиболее воинственную часть.

Если значительная часть казаков – эти показавшиеся мещане и крестьяне – ценили в казачестве его социальные и общественные привилегии и, состоя под казацким «присудом», спокойно хозяйничали на своих землях, то для иной, значительной массы казачества война была его настоящей стихией, главным источником пропитания, а походы на татарские и турецкие земли – таким же незаменимым ресурсом, как рыбные и звериные промыслы. В интересах поддержания добрых отношений с Турцией и Крымом польское правительство хотело прекратить эти походы. Но в таком случае нужно было дать иной исход энергии этой воинственной части казачества и одновременно нужно было подыскать для нее иной источник пропитания. Без этого удержать казаков от походов не могли и наиболее влиятельные вожди казачества. Правительственные же запрещения, стеснения и преследования со стороны украинских старост и помещиков только возбуждали в нем раздражение и ненависть. Чувствуя невозможность при таких условиях установить прочные отношения к правительству и понимая, что только фактическая сила казачества не дает правительству и шляхте возможности его сломить, вожди казачества стремятся более и более увеличить численную силу последнего, расширять его территорию все далее и далее в глубь оседлой колонизации, привлекая в его среду все новые и новые массы украинского крестьянства. С другой стороны, раздражения на стеснение и репрессии выливаются в борьбу с пограничными старостами и панами. Так начинаются первые казацкие войны».

Выдающийся украинский историк Н. Д. Полонская-Василенко писала о казаках в своей очень интересной «Истории Украины»:

«В XVI веке начинается объединение их в воинскую организацию. Среди первых организаторов были Остап Дашкович, староста Черкасский, Предслав Ланцкоронский, староста Хмельницкий, Бернард Претвич, староста Барский, Семен Полозович, были сыновья магнатов – князья Заславские, Збаражские, Корецкие, Ружинские, Сангушко и другие. Участие этих фигур указывает, какую большую роль в обороне Украины против татар играли казаки и как высоко ценили их помощь высшие представители администрации земель, которых не способно было охранить правительство своими силами.

С 1580-х годов уже используется термин «сечевые казаки». Казачество считало себя самостоятельной военно-политической силой и вело независимую от Польши политику, заключало договоры с Москвой, Крымом, Турцией, Молдавией.

Низовые казаки создали в XVI веке на Запорожье военную организацию, которая с небольшими изменениями просуществовала до XVIII столетия.

В XVI–XVII веках казацкая масса жила в военном лагере, имела 38 куреней, во главе которых стояли атаманы; хозяйство было общим, войско было обеспечено едой и оружием. Однако уже в XVI веке началась дифференциация: появились богатые казаки, которые владели лодками, орудиями производства, а беднота не имела иногда и собственной сорочки. Главным доходом казаков, позволявшим им существовать, была военная добыча, взятая во время нападений на татар.

Запорожцы имели свой собственный флот, чайки, большие лодки на 50–70 человек, с пушками, на которых они уплывали в море. В XVI столетии запорожцы, переняв у татар их военную тактику, отправлялись в походы верхом, но бились в пешем строю и стали для них очень опасным врагом. В связи с успешными походами казаки стали серьезным участником восточно-европейской политики, особенно в борьбе против Турции. Походы казаков приносили им славу в Европе.

После восстания Северина Наливайко ярость поляков не знала пределов. Варшавский сейм 1597 года провозгласил всех

казаков «врагами государства» и призвал уничтожить их. Казаки не складывали оружия.

Они были промежуточным слоем между шляхтой и крестьянами. Как шляхта, казаки были обязаны служить, были свободны от панщины. Казаков отделяла от селян свобода, а от шляхты то, что они не имели крепостных.

Казаки завоевали славу выдающихся воинов. Отряды казаков участвовали в Тридцатилетней войне. Когда в Московском царстве началось «Смутное время», украинские казаки принимали массовое участие в военных действиях – в войске Лжедмитрия в 1604 году, в войске самого короля Сигизмунда. В 1618 году они спасли королевича Владислава от плена. Блестящие победы на Черном море казацкого флота – в 1606 году завоевание Варны, в 1614 году завоевание Синопа и Трапезунда, в 1615 году разрушение предместий Константинополя, в 1616 году взятие Кафы – обеспечили казакам военную славу.

С начала XVII века казаки живут под выборной старшиной, игнорируя польскую власть: «Ни магистратов в городах, ни старост, ни гетманов не слушают, сами себе права устанавливают, властей не признают, в государстве другое государство заводят», – писал в инструкции для сеймиков о положении на Украине король.

Казачество как авторитарная сила активно участвовало в истории Украины.

В 1935 году во Львове, входившем тогда в состав Польши, вышла безымянная «Большая история Украины»: «Казачество в XVI–XVII веках взяло на себя миссию борьбы за религиозные, национальные и государственные идеалы Украины.

Казачество воспевала украинская народная песня, величала украинская романтическая поэзия, разъясняла его вес в истории украинская и зарубежная историография.

Зародилось и укрепилось казачество в особых условиях нашего государственно-политического лихолетья, на опустошенных татарами «диких полях», в непосредственном соседстве и в непрерывной борьбе с крымскими налетами. Казачество встает как стихия, хаос, без большой цели и глубокой политической программы. Но объединившись обществом, призвав на помощь своей вооруженной руке и отчаянному

рыцарскому сердце разум нации, казачество очень скоро изменило свою роль охранителя степных окраин на роль строителя – творца возрожденной украинской государственности».

Время до Богдана Хмельницкого

Первое восстание казаков и крестьян 1591–1593 года под руководством Кшиштофа Косинского охватило Киевское, Брацлавское и Волынское воеводство. Православный шляхтич из Подляшья Кшиштоф Косинский с 1586 года занимал важные должности на Запорожской Сечи, охраняя днепровские переправы, руководил пограничной стражей. В 1591 году он был выбран казацким гетманом. В декабре 1591 года двухтысячный казацкий отряд во главе с гетманом занял замок и город Белую Церковь, где восставшие взяли пушки, много пороха и оружия. Отряды казаков в течение 1592 года действовали в четырех воеводствах, их количество превысило 20 000 человек. Поляки собрали войска и в январе 1593 года недалеко от Житомира разбили казаков. Повстанца перегруппировались и в мае 1593 года осадили Черкассы. Во время осады погиб К. Косинский, а восстание было подавлено. Выдающийся исследователь украинского казачества Д. Яворницкий писал о первом казацком восстании в Речи Посполитой:

«Фактический и последовательный анализ войны Косинского и низовых казаков с поляками не дает нам возможности четко выяснить ее причины. Про религиозное угнетение украинского народа поляками в то время не может быть и речи, поскольку эта проблема хотя и успела назреть, но возникла со всей силой только после смерти Косинского. Остается поставить это первое выступление казаков против польского правительства в зависимость от политической унии 1569 года, по которой народно-казацкая Украина, оторвавшись от Литвы, вошла в состав аристократично-шляхетской польской республики и почувствовала себя в новой отчизне так, как чувствует себя приймак в чужой плотью и верой семье.

Кшиштоф Косинский поднял свое оружие против поляков за веру казаков, попранную католиками. Про первые казацкие войны против поляков можно сказать то, что их причиной были, как свидетельствует выработанная историей истина, нарушение экономического равновесия в государстве, или, иначе говоря, всеобщее обеднение народа в государстве и желание его выйти из этого положения через борьбу с другим народом».

В 1594–1596 годах на Украине поднялось новое восстание под началом Северина Наливайко и Григория Лободы. Родившийся в местечке Гусятин, Тернопольской области, Северин после смерти отца, убитого холоуями польского магната А. Калиновского, пришел в Запорожскую Сечь. Он участвовал почти во всех походах казаков на татар и турок. Собрал на Брацлавщине свой отряд казаков, Северин Наливайко воевал в Молдавии. В сентябре 1594 года вместе с реестровыми казаками гетмана Григория Лободы казачьи отряды С. Наливайко воевали с турками в Молдавии вторично, взяли столицу Яссы, мощную крепость Цецору. Возвращаясь из похода, С. Наливайко поднял антипольское восстание, на Волыни и Беларуси поддержанное крестьянами и городской беднотой. Посланные против восставших польские войска были разбиты осенью 1594 года. Наливайковцы действовали в Брацлавщине, Беларуси, Киевщине, Волыни.

Весной 1595 года казаки С. Наливайко и Г. Лободы ходили в поход в Молдавию и Венгрию, после несколько раз разбивали полки К. Радзивилла, взяли Слуцк, Бобруйск, Могилев. В конце 1595 года восстание охватило всю Галичину и Беларусь. В марте 1596 года объединенные казацкие войска разгромили большое войско поляков под Белой Церковью. Поляки, всерьез обеспокоившись, выставили против восставших регулярные войска. Польские полки отбросили казаков за Днепр и в июне 1596 года на реке Солонице около Лубен отряды С. Наливайко и Г. Лободы были разбиты войсками гетмана Жолкевского. У казаков начались внутренние разногласия, склонный к переговорам с поляками Г. Лобода был убит наливайковцами, Потом поляки добились восставших, Северин Наливайко попал в руки Жолкевского и был казнен – его живым сожгли в раскаленном баке в Варшаве.

В 1596 году Сигизмунд III собрал в Бресте церковный собор, который разделился на два – православный и униатский. На соборе был провозглашен союз – уния с римско-католической церковью. Униаты признали догматы католицизма, оставив церковно-славянский язык и обряды при совершении богослужений. Уния была объявлена господствующей религией, а православная церковь подавлялась. У православных отбирали храмы, но численность православного украинского казачества постоянно увеличивалась. Это стало началом конца Речи Посполитой, хотя именно тогда казалось, что польские пань окончательно завладели Украиной. Но не Запорожской Сечью, в которую все шли и шли казаки.

Отвечая на набеги крымских татар и турок, украинское казачество совершало походы в Крым и к берегам Турции, переплывая Черное море. Казаки даже выжгли окрестности Стамбула, так что турецкий султан из своего дворца видел зарево пожаров. Казаки освобождали множество христианских невольников. Историк Н. Березин писал:

«Эти казацкие подвиги, о которых на Украине складывались целые легенды, естественно, приводили в смущение всю Польшу, ни короли, ни разные правители, заведовавшие управлением Малороссии, никакими мерами не могли унять казаков».

Польские паны требовали унять казачество. «Конституции» 1601, 1603, 1611, 1613 годов требовали подчинения только от реестровых казаков и не имели практического значения для решения «казацкой проблемы».

Выбранный в 1600 году гетманом реестрового казачества Самойло Кошка прославился среди казачества. В 70-х годах XVI века во время одного из казацких походов попал в турецкий плен, где пробыл почти четверть века. В 1599 году Самойло Кошка организовал бунт на турецкой галере и вернулся на Украину, где был выбран гетманом. Он с казаками участвовал в войне с Молдавией, в польско-шведской войне в Ливонии. В одном из боев он погиб.

Самойло Кошка объединил казаков после подавления восстания С. Наливайко, поднял его дух. Народ сложил про него песню:

«Кішку Самійла по волі поздравляли:
«Здоров, – кажуть, – здоров, Кішко Самійлу,
Гетьмане запорозький! Не загинув еси у неволі,
Не загинеш і з нами, козаками, по волі!»
Правда, Панове, полягла Кішки Самійла голова
В Києві – каневі монастирі.
Слава не умре, не поляже!
Буде слава славна
Поміж козаками,
Поміж друзями,
Поміж рицарями,
Поміж добрими молодцями!»

Именно казачество – оплот украинского народа против «панских затей», православная вера и разница в польском и украинском языке мешали, а вернее, не давали польским панам «захватить крепко в свои руки прекрасную Украину». Шляхта понимала, что нужно ослабить, обескровить украинское казачество. Казаки не поддавались. Историк Н. Березин писал:

«Жажда воли и право на вольный труд. Не есть ли вся прошлая история украинского народа воплощением этих вековых стремлений. Когда «батько» с длинными седыми волосами выезжал под красные ряды и, указывая гетманской булавой на сверкающие золотой броней полки польских гусар, кричал зычным голосом: «За віру, за віру!», то какими чувствами трепетало казацкое сердце в груди? Не рвалось ли оно к воле, которая означает свободу от всякого ига?»

Новым украинским гетманом в 1606 году стал Петр Конашевич-Сагайдачный. Он родился в 1570-х годах в Львовской области, под Самбором, в роду украинского православного шляхтича. Он учился в Острожской Греко-славяно-латинской академии, в 1596 году появился на Запорожской Сечи, участвовал в антитурецких походах в Молдавию и Ливонию. Он водил казацкие отряды в дальние походы, взял Варну, Кафу, Синоп, Трапезунд, освободил множество невольников. В Киеве ему устраивались торжественные встречи ликующим народом. Слава о походах казаков и победах Сагайдачного шла по всей Украине – «имя запорожцев, которое уже в глазах угнетенных казаков и простолюдинов южнорусского края было символом свободы, оно приобрело вес как сильная и надежная точка опоры: все большие и малые отряды казаков, которые продолжают бороться со шляхтой, принимают название запорожцев».

В 1616 году королевич Владислав после неудачного похода на Москву оказался в трудном положении, Ему грозил плен. Король-отец попросил П. Сагайдачного спасти сына, казацкий гетман потребовал от короля дать казачеству льготы. Они были даны и полки П. Сагайдачного привели неудачного Владислава к отцу.

После заключения Деулинского перемирия казаки уже были не нужны Польше, снова начавшей проводить антиказацкую политику. Однако у них не все получалось. П. Сагайдачный окончательно учредил Запорожский

Кош, построив Сеч на Хортице. Начавшаяся польско-турецкая война послужила для него предлогом не признавать реестра, ограничивавшего служилое казачество в несколько тысяч воинов; посполитые массами переходили в казачество. Гетман устроил свою ставку в Киеве, увеличил до десяти число казацких полков, казаки появились на тех украинских землях, где его до этого не было. Поляки боялись трогать гетмана, у которого было более сорока тысяч воинов. Историк XIX века М. Караулов писал:

«Казаки сами шли навстречу опасности, перенимая от врагов систему войны, их боевые снаряды и уловки, оружие и снаряжение. Скоро ученики превзошли своих учителей. Только благодаря невероятной храбрости казаков, их бесшабашной удали, создалась та слава казачья, которая заставляла врага дрожать уже при одном только имени казака».

Противостоя польскому давлению, Петр Сагайдачный отправил посольство в Москву – казаки предлагали себя на службу Московскому правительству. Тогда Москва не ответила. Опираясь на православное духовенство, горожан и казачество, Сагайдачный вместе со старшиной, православной шляхтой, Киево-Печерским монастырем, при содействии патриарха Иерусалимского Феофана, остановившегося в Киеве по дороге домой, в 1620 году тайно восстановил православную иерархию во главе с митрополитом Иовом Борецким. Король не признал восстановления и приказал схватить православных епископов, но их охраняли казаки, и королевский приказ не был выполнен.

Перед битвой с турками под Цецорой на реке Прут в 1620 году польский гетман Жолкевский отказался от участия украинских казаков в бою, сказав: «Не хочу воевать с Грицками, пусть пасут свиней». Турки разбили поляков, сам Жолкевский был убит, польный гетман Конецковский был захвачен в плен, убиты тысячи поляков. Выяснилось, что стоит польское войско без украинского казачества. Хотин это подтвердил.

В 1621 году почти двухсоттысячная турецкая армия во главе с султаном осадила крепость Хотин, взятие которой делало возможным завоевание всех южных земель Польской Короны. Поляки собрали около 30 000 солдат и король Владислав обратился за помощью к Петру Сагайдачному. 40 000 украинских казаков подошли к Хотину. Историк А. Апостолов писал:

«Под Хотинном казаки разбили свой табор рядом с польским

лагерем, окопали рвом, насыпали вал и поставили пушки. Турки бросились штурмовать казачий табор, но были встречены таким убийственным и метким огнем, что отхлынули назад, оставив во рвах и волчьих ямах больше трех тысяч трупов янычар. Почти каждую ночь казаки врываются в турецкий лагерь и производили там большой переполох. Султан потерял в этих битвах, а также от болезней такое множество людей, что был принужден заключить с поляками мир и ушел восвояси. Так казаки спасли Польшу от большого бедствия».

Под Хотинном Петр Сагайдачный был ранен отравленной стрелой и в 1622 году умер в Киеве. Отец короля Яна II Собесского писал в «Истории Хотинского похода:

«Этот Петр Конашевич, муж редкостного мужества и зрелости в суждениях, находчивый в словах и поступках, человек смелым разумом, который искал опасностей, не боялся за свою жизнь, первый в наступлении и последний в отступлении. В глазах будущего потомства он может встать рядом с выдающимися в Польше людьми своего времени».

Гетман Петр Сагайдачный создал одно из лучших войск в Восточной Европе, которое фактически спасло Польскую корону от возможного турецкого завоевания. Из шестидесяти боев гетман не проиграл ни одного. Н. Полонская-Василенко писала:

«Сагайдачный провел широкую реформу казачества, превратив отдельные партизанские отряды в регулярное войско с суровой дисциплиной.

Значение Петра Сагайдачного заключалось не только в выдающейся военной деятельности: он, первый из казацких гетманов, соединил интересы активных групп украинского общества – казачества, мещанства и духовенства. Сагайдачный, также первый из гетманов, распространил свою деятельность на Киев, который снова стал политическим центром новой Украины». Народ сложил о Петре Сагайдачном песню –

«Ой на горі да женці жнуть,
А попід город,

Понад зеленою,
А попереду Дорошенко
Веде своє військо,
Воде запорізьке
Хорошенько!
А позаду Сагайдачний,
Що проміняв жінку
На тютюн да люльку,
Необачний!
«Гей, вернися, Сагайдачний,
Візьми свою жінку,
Оддай мою люльку,
Необачний!»
«Мен із жінкою не возиться,
А тютюн да люлька
Козаку в дорозі
Знадобиться!
Гей, хто в лісі, озовися!
Да викрешем огню,
Да потянем люльки,
Не журися!»

После смерти Петра Сагайдачного, в благодарность за всю помощь, оказанную казаками Польской Короне, польская элита захотела ослабить их, отобрав данные ранее привилегии – «То, к чему принуждает необходимость, необязательно после минования опасности». Регулярная польская армия во главе с коронным гетманом Конецпольским нависла над казацкими войсками во главе с Марком Жмайло. Силы были неравны и после переговоров у Куруцкого озера была подписана «Ординация» 1625 года:

«Реестровых казаков должно быть 6000 мужей, 1000 из них будет пребывать за порогами, чтобы следить движения врагов. Плата этим казакам должна быть 60 000 польских злотых на один год, получаться она будет в Киеве после праздника святого Ильи. Казакам запрещено выходить в море и начинать войну с турками и татарами, а все их чайки должны быть сожжены. Казаки могут

выбирать себе старшего, однако без титула гетманского, и он должен утверждаться польским гетманом».

Не попавшие в реестр назывались «выписчиками» и не считались казаками. Естественно, это соглашение не было выполнено. Польские войска стали гарнизонами в украинских городах, где вели себя «как обычно». Люди говорили – «они пришли уничтожить веру православную и погубить народ». Крестьян, живших в слободах, стали превращать в крепостных.

С 1622 по 1628 год гетманом реестрового казачества был Михаил Дорошенко. Именно ему пришлось подписать Куруковское соглашение. Его текст, написанный поляками:

«Более всего и серьезнее всего беспокоили Речь Посполиту морские походы казаков, которые они вели несмотря на запреты правительства, а также их своевольства, которые они производили в городах. Преступления эти получили надлежащую кару от оружия коронного войска.

Мы считаем справедливым, чтобы войско запорожское, которое состоит из подданных Его Королевской Милости, имело старшего, по примеру прошлых годов, назначенного королем или гетманом коронным с ведома Его Королевской Милости. Поэтому на основании полномочий гетман коронный утвердил старшим выбранного казаками пана Михаила Дорошенко. И далее казаки должны будут подчиняться исключительно тому старшему, которого они сами выберут, но который будет утвержден королем или его наследниками, польскими королями по представлению коронных гетманов».

Сохранился и текст присяги деда будущего знаменитого украинского гетмана Петра Дорошенко:

«Я, Михаил Дорошенко, клянусь Господу Богу, в Троице Святой единому, что пресвятейшему королю польскому Сигизмунду III и его наследникам в Республике Польской всей должности моей, согласно воле Его Королевского Величества, во всем верность и повиновение сохранять буду, соблюдая во всем повеления Его Королевского Величества и Республики, укрощая

всякое своеволие и непослушание, а именно, ни я сам, ни посредством других против турецкого императора, ни сухим путем, ни морем, не буду ходить и воевать, разве только по повелению Его Королевского Величества и Республики.

Никаких полчищ собирать и созывать без соизволения Его Королевского Величества не буду, и даже таковые, по обязанности моей, стану преследовать».

С 1625 по 1628 год по приказу польских властей М. Дорошенко провел несколько крымских походов, погибнув в одном из них.

В 1628 году нереестровые казаки и запорожцы избрали гетманом Корсунского полковника Тараса Трясило. Именно он через два года возглавил восстание против Речи Посполитой, которое охватило территорию Запорожья, Киевского Полесья, даже Левобережья. В 1630 году под Переяславлем казацкие полки гетмана Тараса разгромили армию гетмана Конецпольского, уничтожив цвет польских воинов – с обеих сторон сражалось более пятидесяти тысяч человек. Были захвачены пушки поляков и весь их лагерь с оружием и снаряжением. Казачья победа получила название «Тарасовой ночи». На Украине говорили, что убежавший с поля боя гетман коронный Конецпольский в битве потерял больше воинов, чем за всю четырехлетнюю войну со шведским королем Густавом. Напрасно гетман грозил залить восстание «хлопской кровью». Он был вынужден пойти на переговоры с казаками. По Переяславскому соглашению реестр казаков был увеличен до 8000 воинов, принимавшим участие в восстании объявлялась амнистия.

Тарас Трясило несколько раз ходил в военные походы, пытаясь организовать антипольское восстание. Сил не хватало, и в 1636 году он обратился к московскому царю Михаилу Федоровичу с предложением пойти на московскую службу. Царь отказал. До 1648 года оставалось всего 12 лет.

Тарас Шевченко писал в «Тарасовой ночи»:

«Обізвавсь Тарас Трясило
Гіркими сльозами:
«Бідна моя Україно,
Стоптана ляхами!»
Україно, Україно!
Серце моє, ненько!

Як згадаю твою долю,
Заплаче серденько!
Обізвавсь Тарас Трясило
Віру рятовати,
Обізвався, орел сизий,
Та й дав ляхам знати!
Обізвався пан Трясило:
«А ходім миш, пани-брати,
З поляками биться!»

Вже не три дні, не три ночі
Б'ється пан Трясило.
Од Лимана до Трубайла
Трупом поле крилось.
Ізнемігся козаченько,
Тяжко зажурился,
А поганий Конецпольский
Дуже звеселився;
Зібрав шляхту всю до купи
Та й ну частовати.
Зібрав Тарас козаченьків —
Поради прохати...

Лягло сонце за горою,
Зірки засіяли,
А козаки, як та хмара,
Ляхів обступали.
Як став місяць серед неба,
Ревнула гармата;
Прокинулись ляшки-панки —
Нікуди втікати!

Прокинулись ляшки-панки,
Та й не повставали:
Зійшло сонце – ляшки-панки
Покотом лежали».

После смерти в 1632 году польского короля Сигизмунда III, казаки прислали на выборный сейм депутатов. Историк XIX века Н. Морковин писал:

«Казаки лелеяли надежду на будущее. Они требовали восстановления своих прав; свободы вероисповедания; обеспечения судьбы нереестровых, которых паны выгоняют из сел, запрещая своим подданным покупать их имущество и таким образом ставят в безвыходное положение; с желанием стать рядом с польскою шляхтой, потребовав допустить казаков к избранию короля «как членов Речи Посполитой, охраняющих ее безопасность и жертвующих за нее жизнью в битвах со всякими врагами».

Сейм отказал казакам, таким образом «насчет их прав были даны самые сомнительные обещания».

В 1632 году польским королем стал Владислав IV. Шла война с Московским царством, и казаки опять стали ему нужны. В 1633 году для успокоения украинского народа была, наконец, легализована Православная церковь, во главе которой стал митрополит Петр Могила. Польские власти подписали «Грамоту примирения»:

1. Чтобы в землях были два митрополита, униатский и православный;
2. В Полоцкой епархии должны быть тоже два владыки;
3. В епархиях Перемышльской и Львовской будут только православные епископы;
4. Луцкую епархию униаты уступают православным;
5. Православным должны вернуть некоторые церкви и монастыри;
6. В епархиях униатских свободно православным сноситься к православному епископу, а униатам в епархиях православных к униатским епископам».

Несмотря на подпись короля, грамота не исполнялась.

В 1628 году гетманом нереестровых и запорожских казаков стал Иван Сулима. Он родился в семье мелкого православного шляхтича на Черниговщине, с 1605 года участвовал в морских походах, попал в плен к

туркам, у которых пятнадцать лет провел рабом на галерах.

В 1620 году он захватил турецкую боевую галеру и добрался с товарищами в Рим, где папа римский Павел V наградил Ивана Сулиму золотой медалью. Он часто ходил в казацкие походы, в 1633 году почти год осаждал турецкий Азов, освободил много христианских пленных. Историк А. Кузмин писал о казацких походах:

«Табор представлял из себя нечто вроде укрепления из телег, которое запорожцы придумали строить против татар еще во время походов на Крым. Табор давал возможность с малыми силами успешно бороться против многочисленного неприятеля. Табор строился как на месте, так и во время движения. В последнем случае он представлял из себя четырехугольник, каждую сторону которого составляли ехавшие в три ряда телеги. В самой середине везли припасы и разное добро, вели запасных лошадей и гнали скот. Ближе к телегам везли пушки и шла пехота, а снаружи табора ехала густыми рядами конница, закрывая его от взоров неприятеля. Часть конницы рассыпалась далеко впереди и по бокам табора для охраны его от неожиданного нападения, и для добычи «языка».

При столкновениях с неприятелем во время движения табор не останавливался без крайней необходимости, а отбивался на ходу, как мог, пока не достигал какой-нибудь воды: реки, озера, и тогда останавливался. Телеги поворачивались оглоблями в середину так, чтобы они сцепились между собою осями; пехота располагалась за телегами, высунув наружу копья. Пушки расставлялись в воротах, то есть в промежутках между телегами, конница размещалась по сторонам и сзади табора, небольшая часть ее направлялась к противнику и начинала вызывать желающих на «герцы», или единоборство отдельных всадников. Постепенно герцы переходили в более крупные схватки, и в конце концов начиналось настоящее сражение, конница отступала на табор и, когда враг отстоял от него на хороший ружейный выстрел, разъезжалась вправо и влево, открывая пехоту и пушки. Те разом выпаливали по врагу, а конница, стоявшая по сторонам табора, кидалась на неприятеля с боков; иногда часть пехоты выходила из табора и поднимала врага на копья.

Если табор долго стоял на месте, то он еще и укреплялся. К телегам присыпался вал со рвом, в валу проделывались ворота,

забранные толстыми бревнами, и по сторонам присыпались горки, на которые втаскивали пушки. Среди табора ставились срубы, осыпанные землей и вооруженные пушками, чтобы отразить врага, пробравшегося внутрь табора. Впереди лежащее поле иногда утыкалось поломанным оружием, железными колючками, или же на нем вырывались рвы и ямы, закрываемые потом хворостом, дерном, травой. Все это делалось для того, чтобы возможно долее задержать врага под пушечными и ружейными выстрелами».

В 1633 году поляки начали строительство крепости Кодак, которая должна была запереть казаков в Запорожской Сечи, фактически держа Сечь в осадном положении. Казаки во главе с Иваном Сулимой были в двухлетнем антитурецком походе и, возвращаясь из него, летом 1635 года штурмом взяли Кодак, вырубив весь наемный немецкий гарнизон и разрушили крепость до основания. Гетман Конецпольский догнал запорожцев, Сулима был захвачен и выдан ему частью старшины, сторонников польско-казацкого «союза». Ивана Сулиму четвертовали в Варшаве. Народ пел о своем герое:

«Не схотили пани-ляхи
Пропустити й трохи,
Щоб їздили в Січ бурлаки
Та й через пороги.
Спорубили над Кодаком
Город-кріпосницю
Ще й прислали в Кодак військо,
Чужу-чужаницю.
Обізвався серед Січі
Курінний Сулима:
«Гей, давайте, хлопці, зварим
Вражим ляхам пива!»
Обізвавсь Павлюк-хорунжий:
«Допомоги дати!
Щоб ту людську перепону
Нацент зруйнувати!»
Добре Павлюк та Сулима
Ляхів частували —

Військо вибили доценту,
Кодак зруйнували».

В 1637 году началось новое казацкое восстание под началом запорожского кошевого – гетмана Павла Павлюка, которое быстро охватило всю Левобережную Украину. Петр Павлюк обратился к украинскому народу с универсалом, в котором призвал всех вступать в его отряды – «всяк, кто пожелает быть казаком, не должен быть принуждаем к подданству панам».

Коренный гетман вызвал П. Павлюка к себе «для объяснений», чтобы потом, как обычно, нарушить «шляхетское слово» и казнить кошевого. П. Павлюк, естественно, не поехал, а потребовал прислать к себе гетманские клейноды, признать его старшим казацкого войска. Однако время было упущено и поляки успели собрать большое войско. Поляки под руководством гетмана Н. Потоцкого в декабре 1637 года в битве у села Кумейки разбили казаков. Историк XIX века П. Симоновский писал:

«Гетман Потоцкий вблизи Корсуни атаковал казаков, и как не имели они много конницы, то вскоре были побеждены, а остальные принуждены были бежать и спрятаться в Боровичах, где Потоцкий легким способом осадил их, так как то место не было укреплено, и как оттуда спастись было невозможно, то, по требованию Потоцкого, на пароль выдали они ему своего гетмана, Павлюка, с прочими четырьмя главнейшими старшинами, которым всем во время сейма в Варшаве, несмотря на пароль, головы отсечены. Но сего не довольно: больше всего последовало несчастье, что казаки, за потерей своих шефов, потеряли привилегии, данные им от короля Стефана Батория».

В апреле 1638 года Петра Павлюка жестоко казнили в Варшаве. Украинский народ прекрасно понимал, что происходит:

«Повернувсь Павлюк додому,
У Січ Низовую,
Та й задумав Павлюк знову
Бить шляхту гнилуу.
Знайшов Павлюк побратима —

Орла Остряницю,
Що не раз пускал із ляхів
Шляхетську кровіцю.
То не хмары з буйним вітром
З Дніпра налягають —
То Павлюк та Остряниця
Ляхів обступають.
Силу ж панів перебила
Голота бурлацька,
Та не хотіла в одно стати
Старшина козацька.
Звеселився пан Потоцький
Про таку Негоду,
Під Кумейками в неділю
Напав на голоту.
Ой превражі пани-ляхи,
Що ж ви наробили?
Скільки ж бідних запорожців
Ви з світу згубили!
А старшина боровицькі
Лишь про себе дбали,
Потоцькому Павлюка
Самі упіймали.
Везуть пани Павлюка
Селом Боровицею,
Ще й скутили йому рученьки
Назад сирицею.
Ой повезли ж Павлюка
Ляхи у Варшаву,
Шляхті вражій на потіху,
На тяжкую кару...»

В марте 1638 года началось новое антипольское восстание. Казацкие полки Якова Остряницы и Дмитрия Гуни заняли Хорол и Кременчуг, в мае польские отряды были разбиты под Голтвою. К казакам со всех сторон шли пополнения; атаманы не дождались их и в бою под Лубнами были отброшены польскими полками. Недалеко от Черкасс казаки были разбиты

и ушли на Слободскую Украину; сам Остряница основал город Чугуев. Дмитрий Гуня в 1640 году совершил поход на турецкие земли, в котором, возможно, погиб. Народ пел о восстании:

«За отаманом Остряницею
Женуть ляхи кіньми
Ще й біжать Піщаницею;
Пани хочуть Остряницю упіймати,
А славнее Військо Запорожке
Щоб посікти-порубати.
А що ж отаман Остряниця?
Перелетів Дніпро с кошем,
Як лебідь-птиця.
Що за річкою за Сулою
Остряниця прогнав панів-ляхів
До болота за Сулою
Та й повів свій кіш
Отаман Остряниця
У московські землі,
Щоб там поселитися.
Уклонився Остряниця
Воеводі Білгородському
Та все ж таки не мердючому
Ляхові Потоцькому».

Восстание Я. Остряницы и Д. Гуни было жестоко подавлено. Сейм принял «Ординацию» 1638 года, которая отменила Куруковское соглашение, упразднила казацкие выборы, оставила только 6000 реестровых казаков – остальные должны были вернуться к панам. Отменялось казацкое судопроизводство, вместо казацкого гетмана должен был встать польский комиссар, назначаемый сеймом по представлению коронного гетмана Польской Короны. На должности полковников и даже есаулов должны были назначаться только представители польской или ополячившейся шляхты. Под страхом смерти мещанам и крестьянам было запрещено вступать в казаки, запрещались даже браки с казаками. Путь на Запорожье посполитый мог совершить только с паспортом, подписанным польским комиссаром. Текст «Ординации Войска Запорожского, которое

находится на службе у Речи Посполитой» дошел до нашего времени:

«В связи с тем, что единственным в желании управления государством мы хотим найти такие способы, с помощью которых наши верноподданные всегда бы убеждались в нашей королевской милости. Но поскольку казацкое своеволие так разнуздилось, что для успокоения их пришлось двинуть наши войска и биться с казаками, и с благословения Бога как господина всех войн разгромить и поразить их, отвратив этим страшную опасность от Речи Посполитой, – поэтому на вечные времена избавляем казаков от старшинства, всяких старинных судов, права, доходов и других отличий, полученных ими за верные услуги от наших предков и теперь из-за мятежей утраченных, и желаем тех, кого в живых сберегло военное счастье, иметь в положении простого народа, превращенного в хлопков.

Реестровым же казакам, число которых Речь Посполита обозначила на своей службе только шесть тысяч, и которые смирились перед нами и Речью Посполитой, мы устанавливаем такую военную организацию, в соответствии с постановлением этого сейма.

На место старшего который больше не будет выбираться среди казаков, мы будем ставить старшего комиссара, человека, который был рожден в шляхетском состоянии.

Полки со своими полковниками должны по очереди ходить на Запорожье для охраны этих мест и чтобы предупредить татарские переходы через Днепр. Нужно неуклонно следить, чтобы казацкая вольница не пряталась по островам и оттуда бы не чинила походов на море. Вместе с этим ни один казак не должен отважиться ходить на Запорожье без паспорта комиссара. Пойманный казацким комендантом, он подлежит смертной казни...»

Через столетия поэт писал:

«Поникли головы казачьи,
Не наче стоптана трава;
Украйна плаче, стогне – плаче;
За головою голова
До долу пада. Кат лютуе,

А ксендз скажем языком
Кричит: «Te Deum! алилуйа!»

Н. Потоцкий с полками пошел на Запорожскую Сечь, но был остановлен – у украинских казаков еще был порох в пороховницах. Сам коронный гетман писал:

«Кто же удержит народ, если у него так закрутились колеса самоволия, что их никаким способом нельзя удержать! Я уверился в этом году под Кумейками: зимой уничтожил Павлюка, а весной, несмотря на такой большой разгром, ожил Острянин. Разгромил я Острянина – сразу же был выбран руководителем Гуня, и я двадцать недель воевал с ним и с трудом принудил к послушанию оружием и немалым пролитием крови!»

О том, как Н. Потоцкий усмирять восставших, писал историк Н. Костомаров:

«Потоцкий между тем, покончив в Украине, начал безжалостно казнить мятежников. Вся дорога от Днепра до Нежина уставлена была посаженными на кол холопами. Но в то время, когда Потоцкий казнил сотнями мятежников и кричал: «Я из вас восковых сделаю!», русские смело говорили ему: «Если ты, пан гетман, хочешь казнить виновных, то посади на кол разом всю правую и всю левую сторону Днепра».

Положение украинского народа постоянно ухудшалось. Польских панов интересовали только доходы, они творили произвол и насилие. Украинские историки писали:

«По побитых отцах и матерях остались дети, которые держали в душе ненависть к гонителям народа, ненависть, которая заглушала любой страх перед муками и смертью.

Если бы нашелся такой человек, который сумел бы поднять дух всего народа, то этот последний не пощадил бы своих сил для дела освобождения. Целых 10 лет пришлось народу ждать такого человека и находиться в рабстве. За десять лет собирается весь

народ целой Украины под начальством мстителя Богдана Хмельницкого и начинает новую великую и славную борьбу не на жизнь, а на смерть. Встает ограбленный, оскорбленный во всех чувствах украинский великан лицом к лицу своевольного бессердечного гонителя своего и рассчитывается с ним горьким кровавым расчетом».

Исследователь украинского казачества Н. Березин писал:

«Этому ужасному восстанию, «Руине», предшествовал целый ряд мятежей, которые были подобны предостерегающим колебаниям земли в окрестности вулкана перед его взрывом и катастрофой извержения. В каждом восстании или войне главную роль играли казаки, особенно запорожские, к которым, едва они появлялись на Украине, присоединялись толпы хлопов. Каждый раз польскому правительству удавалось или подавить восстание победами и следовавшими за ними жестокими мерами, или заставить казаков подчиниться путем переговоров, причем с каждым успехом поляков казацкие вольности урезывались. И если вначале в своих увещательных грамотах польские гетманы обращались к казакам «как люди рыцарские к таким же рыцарским людям», то под конец, под влиянием успехов и раздражения, вызываемого повторениями восстаний, поляки стали рассматривать казаков не в качестве рыцарских людей, а считали их просто грубыми хлопами, с которыми нечего церемониться. Так, начиная с конца XVI и все начало XVII века происходили бунты, связанные с именами Коссинского, Наливайки, Павлюка, Сулимы, Острияницы. Как ни храбро бились казаки и хлопы с ляхами за землю, за вольности, за веру православную, но справиться с громадным и сильным Польским государством они собственными силами не могли, и в 1638 году сила сопротивления украинского народа, казалось, была сломленной. В казацком звании остались записанными всего 6000 человек, но из старых прав и вольностей у этих 6000 не оставалось почти уже ничего. Их превратили в пограничную стражу против татар и отдали в полное распоряжение польского коронного гетмана, разделив на шесть полков. За казаками признавалась земельная собственность, на «вечном и наследственном», то есть на шляхетском праве, а все остальная,

не вошедшая в реестры масса, теперь уже неминуемо должна была обратиться в «поспольшество», в народ, в мещан королевских городов или панских подданных».

«Плотина перехватывала русло старой вольной украинской жизни и остановила ее течение», – писал историк украинского народа А. Ефименко.

«Кое-как начал действовать прилаженный на Украине механизм того государственного и общественного строя, который принесла сюда Польша. Но плотина ли оказалась малоустойчивой, сила ли сдерживающей стихии слишком великой, только всех приспособлений, со всей затраченной на них Польским государством энергии, хватило лишь на 10 лет.

Все было снесено ужасающей катастрофой 1648 года».

Время Богдана Хмельницкого

Начавшаяся в 1648 году Освободительная война украинского народа против польской оккупации объединила всех – казаков, посполство, духовенство, мещан, большую часть казацкой старшины, шляхту. Приближалась развязка, грозная и страшная.

Во главе освободительной борьбы встал герой украинского народа Богдан Хмельницкий. Историк XIX века О. Бодянский писал:

«Польские летописцы выводят начало рода Зиновия-Богдана Михайлова сына Хмельницкого из Жмуди, но он произошел в свет (около 1596 года? – авт.) из малороссийского местечка Лисянки, где отец его имел с предков свой дом. Михаил Хмельницкий, находясь при воеводе русском, Иване Даниловиче, отдал своего сына в услужение и вдолжность писца, записывавшего полученные из Чигиринского староства, пожалованного Даниловичу от короля, подати. После отдан он, Зиновий, продолжать учение иностранных языков сначала в Киев, потом в Ярослав к иезуитам.

По совершенном окончании наук с отцом своим бывшим уже тогда реестровом войске сотником, Богдан служил в войске и в сражениях против татар, нападавших на Польшу, выказал славные подвиги. В одном из сражений с турками и татарами (1620 году под Цецорой – авт.) Богдан лишился отца своего от татар убитого, а сам был взят в плен, а по прошествии двух лет, освобождаясь от плена, служил по-прежнему в войске.

При строении крепости Кодака гетман Конецпольский, говоря бывшим пред ним казакам, для чего сия крепость строится, спросил: «угодна ли сия крепость для вас, казаков?» – то Хмельницкий отвечал на латинском языке: «Нет ничего крепкого из тех вещей, что человеческими руками сделано, ибо ими же в разоренье приведено будет».

Гетман Конецпольский, ясно поняв, что значит ответ Хмельницкого, расспросил о нем, кто он такой и приказал приглядывать за ним. Хмельницкий, бывший со своей стороны предупрежден, всячески старался освободиться от подозрения, и жил в Субботове, местечке, которое дано

было во владение от воеводы Даниловича его отцу, а ему, Богдану, по наследству доставшееся, где он и женился».

Богдан Хмельницкий стал крупнейшим политическим деятелем своего времени, поставившим перед собой задачу освобождения украинского народа «из ляхской неволи». Он был прирожденным дипломатом, кроме польского, свободно владел латынью, турецким и татарским языками, был выдающимся стратегом, полководцем и организатором, применил новые методы войны против вооруженных сил шляхетской Польши. Хмельницкий организовал народную армию, которая подчинялась единому военному руководству, была тесно связана с восставшим народом, охранявшим ее тыл и фланги. Из военной школы Богдана Хмельницкого вышло много талантливых учеников, среди которых выделяются Максим Кривонос и Иван Богун.

С освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого началась новая эпоха истории Украины – эпоха возрождения украинской державности. Этому очень «способствовала» польская шляхта. Французский военный инженер Г. Бонплан писал: «Шляхта живет как в раю, а украинское поспольство как в чистилище, а если селянам случится попасть в неволю лихому пану – их положение хуже, чем у галерного раба». Время пришло – грянула Украинская революция XVII века.

В связи с Тридцатилетней войной 1618–1648 годов в Европе значительно вырос спрос на продукты питания. Польская шляхта стала «осваивать» все больше и больше украинских земель, доводя панщину чуть ли не до семи дней в неделю. Паны часто сдавали свои «фольварки» в краткосрочную аренду, и арендаторы напропалую обирали украинских крестьян, которых просто – напроsto загоняли в смертельный угол.

Украинский народ, не имевший никакой автономии в Польской Короне. Не имел никаких политических прав, вся казацкая старшина и православная шляхта, отказавшаяся перейти в католичество, не имела в Речи Посполитой никаких карьерных шансов.

Навязывание католицизма украинскому народу, в своей массе православному, вызывали у него только протест и желание «стать за веру». Все слои украинского народа – крестьяне, горожане, духовенство, казаки, шляхта – были недовольны и оскорблены польским засильем. «Золотое польское десятилетие» 1638–1648 годов подошло к концу – начиналось время Богдана Хмельницкого.

Достоверных сведений о Богдане Хмельницком до 1648 года очень мало. Он родился около 1595 года в дворянской-шляхетской семье,

имевшей герб «Абданк». Исследователи говорят о двух возможных вариантах происхождения Хмельницких – Хмельник у Перемышля на Галичине и Переяславщина. Недаром, наверно, именно там проходила Переяславская Рада 1654 года.

Отец Богдана Михаил Хмельницкий служил у коронного гетмана Жолкевского в Жолкве у Львова, потом у зятя Жолкевского – Яна Даниловича. Когда того в 1605 году назначили старостой Корсунским и Чигиринским, Михаил Хмельницкий стал подстаростой Чигиринским, а под Чигирином получил хутор Субботов.

Богдан учился в школах Чигирина и Киева, закончил Львовскую или Ярославскую иезуитскую коллегию – система образования ордена иезуитов была лучшей в мире.

Иезуиты собирали в свои учебные заведения самых талантливых и умных людей по всей Европе, в которой создавались иезуитские коллегии, в которых могли учиться все сословия – дети дворян, старост, горожан и крестьян.

В 1584 году Обществом Иисуса была образована особая комиссия, которая в течение года составила программу преподавания – «Ratio atque Institutio Societatis Jesu». Курс учения в иезуитских школах был разделен на две части – средний курс, который проходили в коллегиях («низшие классы»), и на университетский курс (философия и богословие).

Первыми были три грамматических класса. В первом преподавались основные правила латинского синтаксиса на основе самых легких писем Цицерона. Ученики изучали чтение и письмо, начала греческого языка и катехизиса. Во втором грамматическом классе изучалась вся латинская грамматика на основе работ Цицерона и Овидия. В третьем грамматическом классе изучение латинской и греческой грамматики заканчивалось – на основе трудов Цицерона, Овидия, Катулла, Проперция, Вергилия, Эзопа, Иоанна Златоуста.

Во втором филологическом классе на основе Цицерона, Саллюстия, Тита Ливия, Квинта Курция, Вергилия, Горация, Исократы, Платона, Плутарха изучались иностранные языки и правила риторики, греческий синтаксис, чтение и письмо.

В третьем риторическом классе по Цицерону, Аристотелю, Демосфену, Платону, Фукидиду, Гомеру преподавали красноречие, ораторское искусство, поэзию, историю, законы риторики, христианскую религию.

В высших философских и богословских классах, рассчитанных на семь лет, изучали философию, логику, физику, метафизику, географию,

Святое писание, богословие, казуистику, греческий, халдейский, сирийский, арабский, индийский языки. Все лекции читались на латинском языке.

Педагогический и административный персонал иезуитской высшей школы состоял из провинциала. Ректора. Префектов низших и высших курсов, профессоров факультетов, учителей и их помощников, или классных руководителей.

Профессора были обязаны обращаться одинаково со всеми учениками – бедными и богатыми.

Переход из класса в класс осуществлялся с помощью экзаменов. Ученики были разделены на три категории – приходящие на лекции ученики, дети богатых и аристократов, за умеренную плату жили в пансионах, схоластики, готовившиеся к вступлению в Орден, жили в коллегиях.

Учеба продолжалась 190 дней в году. В каникулы воспитанники отдыхали на дачах Ордена, где занимались фехтованием, верховой ездой, музыкой, плаванием, катанием в санях и на коньках, игрой на бильярде. Игра в карты и кости была строго запрещена, все коллегии и пансионы находились в красивых местах, в них соблюдалась безукоризненная чистота. Еда, как правило, была очень изысканна.

Учителя «увещевали учеников к ежедневному исследованию собственной совести», вкушали им «отвращение к пороку и любовь к добродетели». Поощрялись торжественные диспуты и театральные представления. Ученикам запрещалось заниматься более двух часов без короткого перерыва, а устав запрещал заниматься науками во время, предназначенное для отдыха и сна. «Работая умеренно, с соблюдением равновесия сил, человек будет в состоянии трудиться более долгое время во славу Божию».

С самого своего образования управление учебными заведениями Ордена иезуитов осуществлялось независимо от государства. К 1600 году всего работало двести коллегий, в которых обучались сто пятьдесят тысяч учеников.

Когда намного позднее власти захотели вмешаться в обучение учеников и изменить программу, сотни знаменитых выпускников иезуитских коллегий выступили с совместным заявлением:

«Наши наставники воспитывали нас, черпая из самых чистых источников пищу для наших душ. История, философия, языки, литература, науки – все достигало до нас, пройдя

предварительно через горнило очищения. Наши наставники внушили нам, что все люди равны перед Богом и должны быть равны перед законом, который представляет собой Его образ; что государственная власть создана для народов, а не народы для нее; что всякий гражданин, каково бы ни было его общественное положение, должен жертвовать собою Отечеству, должен отдавать ему, в случае необходимости, свое состояние и жизнь; что измена Отечеству и тирания – преступление против Бога и общества».

Получивший замечательное образование Богдан Хмельницкий в 1619 году поступил в Чигиринскую сотню реестрового казацкого войска. Осенью 1620 года в битве под молдавской Цецорой погиб его отец, а сам Богдан попал в турецкий плен. Через два года из Стамбула его выкупили мать и казаки-друзья. Богдан, овладевший турецкими и татарскими языками, вновь служил в Чигиринском полку, участвовал в боевых действиях против Турции и Крымского ханства.

Богдан Хмельницкий участвовал в восстаниях Тараса Трясило, Якова Остряницы и Дмитрия Гуни. Сотник Чигиринского полка участвовал в казацком посольстве 1638 года к польскому королю. Вел переговоры от имени казаков он и в 1639 и 1640 годах в Вильно и Варшаве.

Тогда же Богдан стал войсковым писарем – его подпись стоит на воинских документах с 1637 года. После назначения поляков на должность казацких старшин Богдан вернулся в Чигиринскую сотню.

В 1645 году Богдан Хмельницкий побывал в составе казацкого посольства во Франции, где участвовал в подписании договора об участии казаков в войне против испанских Габсбургов.

Посол де Брежи, говоривший с Богданом Хмельницким на латыни, писал правителю Франции кардиналу Д. Мазарини о том, что у казаков есть талантливый полководец Богдан Хмельницкий – «человек образованный, умный, хорошо знает латынь; он готов помочь нам». Неизвестно, ходил ли сам Б. Хмельницкий во французский поход, но почти три тысячи украинских казаков успешно воевали под Дюнкерком.

В 1646 году польский король Владислав IV решил воевать с Турцией, но шляхта его не поддержала. Король решил организовать нападение на Стамбул украинских казаков, чтобы спровоцировать турок, и тайно вызвал в Варшаву есаулов Барабаша и Караимовича, и сотников Нестеренко, и Хмельницкого. Владислав дал им знамя, деньги и грамоту, увеличивавшую

количество реестровых казаков до 1200 воинов. Короля «сдали» советники, и польский сейм 1646 года отменил королевское решение.

С 1632 года Корсунским и Чигиринским старостой был сын коренного гетмана Конецпольского – Александр. Весной 1647 года, воспользовавшись отсутствием Б. Хмельницкого, холуй А. Конецпольского шляхтич-подстароста Д. Чаплинский напал на Субботов, разрушил его, забрал невесту Б. Хмельницкого и страшно избил его десятилетнего сына. Официальные заявления о наказании садиста результата не дали. Хмельницкий официально добиться правды у поляков, естественно не смог – шляхта вообще считала, что украинцы не должны владеть имениями и землей. Паны хохотали над жалобами о их бесчинствах – через несколько лет они уже давились этим смехом, застревающим в пропитых глотках вместе с зубами. Некоторые украинские историки говорят о встрече Хмельницкого с королем, сказавшим чигиринскому сотнику:

«Ты не выиграешь свое дело в суде, и тебе не остается ничего другого, как противопоставить силу против силы. Пора бы вам вспомнить, что вы воины и на боку у вас сабля. Кто вам запрещает постоять за себя?»

Богдан Хмельницкий всегда помни о сабле. Просто его противники узнавали об ударах будущего гетмана только тогда, когда они их поражали.

После возвращения Б. Хмельницкого из Варшавы в разоренный Субботов, он получил от А. Конецпольского приглашение на банкет. Сотник не поехал, А. Конецпольский послал двадцать поляков взять Богдана Хмельницкого силой и убить при захвате. У Богдана было рядом четверо казаков. Это были совершенные воины, сократившие поляков на четверть. Оставшиеся пятнадцать холуев испугались пятнадцати мужчин и убежали к хозяину.

В октябре 1647 года Б. Хмельницкий был арестован по обвинению в государственной измене. В тюрьме его удавить не успели – неистовому сотнику помогли друзья, он вырвался за свободу и вместе с сыном Тимошем во главе небольшого отряда ушел на Запорожскую Сечь. Страшный разгром польской шляхты начинался оттуда.

Запорожская Сечь была готова к приему своего героя. Историк М. Караулов, сам казак, писал в начале XX века в «Очерках казачьей старшины»: «Вторая половина XVI века и весь XVII век – время

небольшого расцвета и развития казачьих сил. В эти полтора столетия казачество растет, крепнет, вырабатывает свой строй, завоевывает себе положение крупной государственной силы и совершает ряд изумительных подвигов, создавших казачеству ту громадную боевую славу, которой оно пользуется и поныне.

Героическая отвага, бесшабашная удалость, безумная храбрость казачьих набегов XVI – XVII веков превосходила всякое вероятие. На своих челнах, имевших около семи метров в длину и около двух в ширину, казаки совершали лихие набеги на отдаленные берега Черного и Каспийского морей. Не страшили ни морские «хуртины», ни многопушечные турецкие корабли. Вооруженные только ружьями и саблями, они смело налетали на турецкие «бусы-галеры» – большие военные корабли, ходившие на веслах, – брали их на abordаж, истребляли всех сопротивляющихся, а томившихся на судах невольников-христиан отпускали на свободу. Все чаще и настойчивее слышались жалобы турок, крымцев, ногайцев на казачьи набеги.

В бою не жалели казаки своих голов, но зато потоками лилась басурманская кровь. И только благодаря невероятной храбрости казаков, их бесшабашной удали создавалась та слава казачья, которая заставляла врага дрожать уже при одном только имени казака. Казаки пришли – значит, все погибло, спасайся кто может, а о сопротивлении нечего и думать. Кафа, Козлов, Очаков, Трапезунд, даже сам Стамбул вечно трепетали под угрозой казачьих набегов.

Совершали казаки и сухим путем блестящие походы в глубину басурманского края. Особенно успешен был поход гетмана Богдана и есаула Нечая в 1576–1578 годах, когда казачья армия победоносно прошла сухим путем вокруг всего Черного моря. Послав есаула Нечая на лодках с пятью тысячами запорожцев, гетман Богдан с остальным войском двинулся прямо на Крым. Разгоняя встречные передовые татарские отряды, он уже приближался к Перекопу, когда навстречу казакам выступил хан Девлет-Гирей со всеми крымскими силами. Произошло жестокое кровопролитное сражение. Более часа шла орудийная стрельба. Татары пустили в дело свой резерв – панцирных всадников, но истощив все усилия, ничего не достигли. Казаки, ободренные неудачей противника, с новой решимостью ударили на врага, потеснили его и обратили в бегство. Разгромив крымцев, перебив и перетопив в морском заливе целые тысячи врагов, казаки подступили к стенам Перекопа. Конница обошла перекопские валы и рвы на воде с фланга, ударила в тыл защитникам. Перекоп был взят: гарнизон, упорно сопротивлявшийся, вырезан, укрепления разрушены, а город предан

пламени.

От Перекопа гетман поспешил идти против Кафы, которую уже обложил с моря Нечай. Недолго продержалась Кафа – решительным приступом казаки овладели городом, не ожидавшим опасности с суши.

Из Кафы казаки пошли на Бахчисарай и Козлов, куда двинулся морем и Нечай. Видя неминуемую гибель, хан попросил мира. Гетман не стал бить лежачих: освободил всех христиан, томившихся в крымской неволе, он с бога той добычей вернулся на Украину, чтобы на следующий год с новыми силами нанести удар уже самому оплоту мусульманства – Турции.

Отправив опять морем Нечая с тремя тысячами запорожцев, гетман Богдан с сухопутным конным и пешим войском прошел крымские степи, переправился через Кубань в земли черкесов, признававших над собой главенство Турции и предал огню и мечу все черноморское побережье. Нечай деятельно содействовал с моря успеху сухопутной армии. Все сокрушая и опустошая на своем пути, казаки прошли Кавказ, разграбили цветущие поселения в окрестности Трапезунда и Синопа и по всему побережью Анатолии до самого Константинополя. Казаки все-таки не решились штурмовать столицу мусульманского мира, ограничившись опустошением ее окрестностей, прошли далее через европейскую Турцию, радушно встречаемые единоверцами и единоплеменными болгарями. Уничтожая на всем пути турок, захватывая их крепости и города, казачье войско со славой и несметной добычей возвратились к родным очагам.

И такой блестящий поход казаки совершили в то время, когда вся Европа трепетала перед грозой непобедимого турецкого оружия. Уж одного этого подвига было бы достаточно, чтобы обессмертить казачью славу в памяти потомства, даже если бы казаки не совершали остальных своих бесчисленных и непрерывных побед.

Ежегодно, не сухим путем, так морем, ходили казаки, то побуждаемые «нуждою великой, голодом и холодом зипунов добыть, то достать «языка» – «для подлинного ведомства и прямых вестей», а то и просто ратному делу поучиться, «пороху понюхать». Казачество само заботилось о развитии казачьей удали, силы и храбрости.

Вот так воевали украинские казаки в 1578 году! Уже по дороге на Сечь Богдан Хмельницкий начал рассылать письма верным друзьям по городам Украины:

«Пусть будет вам известно, что я решил мстить панам ляхам войной не за свою только обиду, но за попрание веры русской и

порушение народа русского. Я бессилен, но вы помогите мне, соберитесь и пошлите хоть по два или три человека с каждого села».

Своему Богдану отвечала Украина:

«Ежечасно молим мы Бога, чтоб послал кого-нибудь для отмщения наших несчастий. Поднимай оружие, станем с тобой, поднимется земля русская, как никогда не поднималась».

11 декабря 1647 года Богдан Хмельницкий прибыл в Запорожскую Сечь. Несколько сотен запорожцев собрались в круг послушать будущую славу Украины:

«Поругана вера святая. Над просьбами нашими сейм поглумляется. Нет ничего, чего бы не решился с нами сделать дворянин. Войска польские, под предлогом укрощения непокорности, ходят по селам и часто целые местечки истребляют дотла, как будто замыслили истребить род наш! Смотрите на меня, писаря войска Запорожского, старого казака, меня гонят, преследуют только потому, что так хочется тиранам. К вам приношу душу и тело; укройте меня, старого товарища; защищайте самих себя; и вам то же угрожает!»

В один голос ответили Богдану запорожцы:

«Принимаем тебя Хмельницкий пане, хлебом – солью и щирым сердцем!»

В середине декабря 1647 года Б. Хмельницкий в Запорожской Сечи начал создание казачьего войска. К полякам был отправлен «тайный гонец» с информацией о том, что запорожцы только хотят «переменить» польскую старшину – о мятеже не было и речи. Поляки не стали посылать войска на Сечь, в которой было только несколько сот воинов и Богдан Хмельницкий с сыном ушли в Крым, где был заключен союз с ханом Ислам-Гиреем, недовольным невыплатой дани Польшей. Б. Хмельницкий обеспечил себе тыл – если бы он не договорился с ханом, то с ним бы договорились поляки, и все бы рухнуло не начавшись. За Хмельницким на Сечь

двинулась четырехтысячная орда перекопского мурзы Тугай-бея. А на Сечь тайными тропами шли и шли украинцы, чтобы принять участие в восстании.

Еще с дороги Хмельницкий отправил посольства с предложениями о союзе против поляков к турецкому султану и донским казакам. Два полка реестровых казаков, распропагандированных послами Хмельницкого, побили польскую старшину и перешли к восставшим.

18 апреля 1648 года Богдан Хмельницкий прибыл на Запорожскую Сечь. Орда Тугай-бея встала рядом, на реке Базавлуке. Кошевой объявил Раду – количество казаков достигло нескольких десятков тысяч и рада проходила на большом лугу за Сечью. Речь Богдана Хмельницкого дошла да нашего времени:

«Братья! Нет для нас правды в Польше. Переживаем мы тяжкие времена, но будут еще грознее и хуже – сенат польский хочет погубить все казачество до последнего человека. Должны ли мы и дальше терпеть наше рабство, позволять ковать себя в кандалы и цепи. Позволим ли мы и дальше погибать всем нашим братьям на Украине?»

Казаки закричали:

«Слава и честь Хмельницкому! Украина – как стадо без пастуха, пусть Хмельницкий будет ее головою, а мы все, сколько тут нас есть, готовы идти против поляков, помогать Хмельницкому до последнего издыхания!»

Кошевой после совета со старшиной выступил и сам:

«Паны молодцы, положили мы, чтобы шло с Хмельницким только восемь тысяч. Прочие должны быть всегда наготове, чтобы выступить в поход, когда придет приказ».

«Едиными устами» казаки избрали Богдана Хмельницкого гетманом и вручили ему клейноды – знаки воинской власти. Начались активная подготовка к походу. Польский коронный гетман издал универсал:

«Оповещаем всем и приказываем, что те, которые бежали с Хмельницким, равно и те, которые ушли к нему после, возвратились в свои жилища, в надежде прощения своих

проступков, а если кто осмелится бежать на Запорожье, тогда за вину свою отвечает именем и жизнью жены и детей».

Никакие универсалы, запреты и наказания не помогали. Суровые хлопцы шли и шли на Сечь – «все строгие меры, принятые против таких беглецов, не только были безуспешны, но еще более раздражали народ и побуждали его переходить на сторону, где могла быть получена свобода».

Новый гетман сделал выводы из предыдущих казацких восстаний. Победы он стал искать только в атаках. Восстание против Польской Короны он сделал делом всего украинского казачества, теперь объединенного в единое целое. Богдан Хмельницкий прекрасно ориентировался в боевой обстановке, мог молниеносно изменить план действий, легко собирал полки в кулак, всегда был хладнокровен, и расчетлив. Его окружали такие гении боя, которым не стыдно было бы водить полки любой европейской армии – Иван Богун, Максим Кривонос, Данила Нечай, Иван Золотаренко, Филон Джеджалий.

Поляки начали собирать войска. Коронный гетман Николай Потоцкий из Черкасс писал королю Владиславу IV:

«Не без важных причин, двинулся я в Украину, с войском Вашей королевской милости. Казалось бы, что значит пятьсот человек бунтовщиков. Но если рассудить, с какой смелостью действуют они, то каждый должен признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться против пятисот человек, ибо они возмутились в заговоре со всеми казацкими полками, со всей Украиной. Если бы я этому движению не противопоставил своей скорости, то в Украине поднялось бы пламя, которое надобно был бы гасить или большими усилиями, или долгое время».

По Украине шли универсалы Богдана Хмельницкого:

«Не слушайте больше урядников, как невольники, вы, отцы которых не поддавались никаким законам, никаким королям.

Нас, человеческих и живых, считают дикими и беспокойными, отважных и заслуженных назвали бунтовщиками.

На все эти кривды нет другого ответа, как только сломать поляков силой и угрозой смерти.

Что до меня, то не пожалею ни жизни, ни всех своих сил, и готов к любым опасностям; все отдам, чтобы добыть общую

свободу и покой, и душа моя не успокоится, пока не добьюсь этого, что я высшим желанием себе положил».

22 апреля 1648 года восемь тысяч казаков Хмельницкого и четыре тысячи крымских татар Тугай-бей вышли в поле от острова Томаковка. Когда разведчики доложили Н. Потоцкому о движении казаков, коронный гетман заявил: «Позор посылать большое войско против какой-то никчемной шайки хлопов» и выслал против нового украинского гетмана реестровых казаков, которые перешли на сторону своего народа.

Н. Потоцкий двинулся на Б. Хмельницкого. Впереди двадцатитысячной армии гетманов Н. Потоцкого и М. Калиновского шел авангард сына Н. Потоцкого, Стефана, в котором, по разным оценкам, было от двух до шести тысяч человек. Хмельницкий дал С. Потоцкому углубиться далеко в степь и оторваться от основных сил. Он ждал поляков у реки Желтые Воды, впадавшей в Ингулец.

Сражение началось 5 мая 1648 года. В урочище Княжий Байрак польский авангард был полностью уничтожен – войско Хмельницкого ударило в лоб, татары Тугай-бей с тылу. Сам Стефан Потоцкий был ранен и на следующий день умер. Среди пленных были главный комиссар над казаками Шемберг, Стефан Чарнецкий, Ян Сапега, Иван Выговский, впоследствии ставший гетманом – после смерти Б. Хмельницкого. Украинский историк писал в начале XX века:

«Хмельницкий дня 5 мая выехал на коне перед своими запорожцами и обратился к ним громким голосом:

«Рыцари-молодцы, славные запорожцы! Пришел час постоять грудью за православную веру. Бог вам поможет! Стойте смело против гордой польской силы. И чего вам бояться? Отцы наши били их наголову, а вы – сыны тех же могучих предков ваших! Покажите свою удаль, добудьте славы и рыцарства вечного. Кто за Бога, за того Бог».

После этой жаркой речи Хмельницкого кинулось одушевленное казачество на польский табор с великим криком, ворвалось в самую середину польских войск и начало страшное опустошение. Польское войско в первые минуты стояло оцепенелое, в мертвой тишине, а потом начало в страхе убегать. Но им не повезло. Со всех сторон налетали то казаки, то татары. Видя свое безвыходное положение, поляки стали отчаянно

отбиваться. Казаки отобрали у поляков пушки и начали из них пальбу. Целое польское войско превратилось в трупы, только их небольшое число начальников попало в турецкую неволю».

Народ узнал о бое при Желтых водах:

«От Желтых вод до княжих байраков зеленое поле зарядилось не цветами весенними, а телами панскими: лежали паны выщеривши зубы, и ели их собаки и серые волки. Не по одному ляху осталась вдова, не по одному остались дети сироты. Высыпался Хмель из мешка, наделал беды панам. Напились они желтой водицы, да, видно, хмелю много положено: не устояли паны на ногах, когда бежать пустились. Да будет слава Хмелю-Хмельницкому, что освободил родную мать Украину от тяжкого ярма и неволи ляшской».

Гетман Н. Потоцкий дошел уже до Чигирина – с 15 000 войска. Б. Хмельницкий подослал к нему героя-казака, который под пытками показал, что татар и казаков около ста тысяч. Н. Потоцкий начал отступление, думая, что поляков меньше в пять раз, чем войск Хмельницкого. Н. Потоцкий сам загнал себя в ловушку, приготовленную Богданом Великим. Новая битва под Корсунем произошла 16 марта 1648 года. За несколько дней до этого умер король Владислав – в Речи Посполитой наступило бескорольевье.

Украинские и татарские конники обогнали поляков и под Гороховым урочищем между двумя возвышенностями перекопали дорогу, сделали засеки, а по бокам построили шанцы, где и ждали поляков.

Туда Богдан Хмельницкий и загнал поляков, силы которых с казаками были примерно равны. Обоз польского войска завяз в топких местах, лошади не могли передвигаться в глубокой грязи. Поляки спешили, но развернуться в боевой порядок не могли. Со всех сторон их обстреливали из засек. Бой в Крутой Балке кончился полным разгромом польского войска:

«Поляки застряли во рвах и болотистых местах, где лежали срубленные деревья и навалены были камни. Тут выскочили укрытые в засаде казаки и ударили просто в лоб испуганным и до крайности растерянным польским солдатам, а в то же время

сзади наступал на них Хмельницкий с главными своими силами. Так попались Потоцкий и Калиновский в такую ловушку, из которой уже не было способа выйти им здоровыми. В большом беспорядке кидалось польское войско то в лес, то в болото, а всюду вырастали как из-под земли казаки и рубили поляков как снопы. Потоцкий, видя, что нет спасения, поддался Хмельницкому в совершенном поражении. Весь польский лагерь с обоими начальниками, вся артиллерия, все военные запасы достались в казацкие руки».

В плен казакам попали оба гетмана, 30 знатных шляхтичей. 130 офицеров, более 8 000 солдат, сорок пушек. Знатных поляков отдали татарам, позднее получившим за них громадный выкуп. Богдан Хмельницкий почти всегда передавал польских пленных татарам, чтобы они не грабили и не уводили в Крым украинских крестьян.

Речь Посполитая одновременно потеряла короля, гетманов, командиров и армию. Казацкий триумф был необыкновенный, а победа – такой еще не было в казацкой истории. По всей Украине поднимался народ, Хмельницкому отовсюду везли оружие, боеприпасы, припасы.

По всей Украине гетман разослал универсалы, в которых «красноречиво напоминал народу о всех перенесенных им невзгодах, о поругании веры православной и предлагал тем, кому дорога родная Украина, поспешить на добром коне с оружием к Белой Церкви, где остановились его силы».

После выхода из Корсуня Хмельницкий к лету 1648 года освободил от поляков все Правобережье. Восстали крестьяне в Галичине, Волыни, Беларуси. В июне и все Левобережье было очищено от войск Вишневецкого, князя-садиста, говорившего о жестоко казнимых украинцах – «мучьте их, пусть чувствуют, что умирают». 1648 год стал страшным годом для Польши, переполох и тревога между панамы поднялась до высочайшей степени, многие из них целыми семьями убегали за границу. Историк Н. Березин писал:

«В течение каких-нибудь двух-трех недель вся Украина поднялась, как один человек, притом в такой момент, когда Польша очутилась без войска и короля. Все, что было на Украине шляхетского – владельцы замков, их клиенты, челядь, сломя голову кинулось спасаться от потопа, красноречивого заревом пожаров и ручьями крови, между тем, как хлопы или валили

толпами в лагерь Хмельницкого, или на свой страх принялись мстить своим притеснителям. Спустя немного недель Украина была очищена от своих врагов. Все паны, кто не успел бежать, были немилосердно избиты – волны народного гнева катились по всей Украине».

Богдан Хмельницкий основал свою штаб-квартиру у Белой Церкви и занялся организацией армии. Он разработал документ – «Об устройстве Войска Запорожского», издал мобилизационные универсалы, занимался проблемами снабжения армии. Ее основу составили шестнадцать проверенных в боях казацких полков, численностью около 40 000 человек. Всего в армии гетмана собралось более 100 000 воинов. Во главе полков стояли соратники гетмана – Иван Богун, Максим Кривонос, Семен Морозенко, Иван и Данила Нечай, Иван Выговский, Михаил Кричевский, Максим Нестеренко, Филон Джеджалий, Иван Гиря, Мартын Небаба, Василий Золотаренко. Сам герой Украины великий Богдан оставался человеком, олицетворявшим дух украинского казачества. Венецианский дипломат А. Вилина докладывал своему руководству о гетмане украинского народа:

«В поведении он мягкий и простой, и этим вызывает к себе любовь казаков, но с другой стороны – держит их в дисциплине суровыми карами. Всем, кто входит в его комнату, он пожимает руку и всех просит сесть, если они казаки. К нему легкий доступ, он ко всем приветливый и ласковый.

В его комнате нет никакой роскоши. В ней стоят только грубые деревянные скамьи, покрытые кожаными подушками. Дамасский ковер расстилается перед небольшой кроватью гетмана. В его головах висят лук и сабля, единственное оружие, которое он обычно носит.

Стол не выделялся большой роскошью, как и остальная обстановка и посуда, так как едят без салфеток и не видно другого серебра, кроме ложек и кубков. Но гетманский стол не беден добрыми и вкусными кушаньями и обычными в стране напитками: горилкой, пивом, медом. Вино, которым мало напасаются и редко пьют, подают к столу только в присутствии знатных иноземцев».

До нашего времени дошла народно-гетманская песня о том

героическом периоде украинской истории:

«Ой Богдане, батьку Хмелю,
Славный наш гетьмане!
Встала наша Украина
На вражого пана!
З Запорожжя, з Чигирина
Військо виступає,
Попереду грізний батько
Конем виграває!
Знає Корсунь и Пилява,
Знають Жовті Води,
Як водив свое козацтво
Богдан у походи!»

Еще в мае 1648 года Богдан Хмельницкий опубликовал в Белой Церкви универсал, в котором объяснил причины, побудивши его начать освободительную войну, и звал народ встать объединенными силами против врагов православной веры и народной свободы:

«Зиновий Богдан Хмельницкий, Гетман славного войска Запорожского и всея по обоих сторон Днепра сущей Украины.

Вам, украинским по обеих сторонах Днепра реки шляхетным и посполитым большего и меншого и всякого чинам людям, а особенно шляхетно рожденным казакам, братии нашей знаменитой, сим универсалом нашим объявляем, что не без причин серьезных должны мы были начать войну и поднять оружие на поляков, в результате чего, при всеильной помощи Божественной, на Желтой Воде мая 8-го, а потом под Корсунем мая 16-го, с теми поляками произошло, то вам всем уже известно.

Теперь мы узнали, что поляки этим несчастьем разгневаны и разъярены и около Вислы и за Вислой княжата собирают на нас войско, и короля своего на нас натравливают и возбуждают, чтобы со всеми силами своими прийти на Украину и завоевать нас огнем и мечом в прах, жилища наши разорить, в пепел сотворить, нас всех убить, а коих в немилостивую неволю забрать и продать за Вислу.

Они хотят славу нашу, известную не только в части света Европейского, но и за морем Черным в странах Азиатских, уничтожить.

Решили мы не против Короля, Милостивого пана нашего, но против поляков гордых, вольности и привилегии наши ни за что ставящих, при помощи Божей, встать сердцем и оружием.

Для чего ставши лагерем нашим военным тут под Белой Церковью, пишем мы к вам этот Универсал, через который призываем вас всех, украинцев, братию нашу, к нам для компании военной.

Извещаем вас, что они, поляки, не вестям их же хроникеров польских, от нас, савроматов и руссами урядились, и несколько с братию нашей, савроматами и руссами, бывши, от предков наших древних тех веков отдалились и другое наименование – ляхи и поляки – себе учинили и за Вислу ушли, а там, между знаменитыми реками Одером и Вислой поселились и многие окружающие их чужие земли немецкие, западные и южные, и иные державы с людским населением, военным и разбойничьим способом завоевали и покорили. Потом встали напрасно и бессовестно, как Каин на Авеля, на савроматов и руссов, года от Рождества Христова 1339 года, умалившихся и оскудевших тогда Киевских и Острожских и иных русских князей завоевали и подчинили истинные с древних земли и провинции наши же русские от Подолья до Волох Вислу и аж до самых Вильны и Смоленска; длинные и обширные свои границы имеющие, а именно: Киевскую, Галицкую, Львовскую, Хелмскую, Бельскую, Подольскую, Волынскую, Перемышльскую, Мстиславскую, Витебскую и Полоцкую. И во всех тех наименованных землях и провинциях славное наше имя казацкое упразднили и, что хуже всего, братию, роксоланов, в невольниче ярмо запрягли, от веры отеческой православной душеспасительной отринули и к пагубной унии и римского заблуждения силой и многими над совестью христианской мучениями и тиранством приневолители.

А наши остальные земли от поля Дикого, Чигирин, Терехтемиров, Переяслав, Полтава и иные многие города и села по обеих сторонах Днепра Украинские, собственность предков наших, со знатнейшими людьми и казаками хотят погубить, а завладевши народом нашим посполитым, не только в ярмо невольниче их запрячь, но по своей безбожной воле, в

душевредную, противную унию вринуть, чего уже все признаки и документы были, когда не только многих казаков и мещан побили и добром их завладели и имением.

Да и мне, Хмельницкому от брехуна Чаплинского пришлось потерпеть. Они и веру нашу православную всегда ругали и безчестили, священников наших благочестивых безчестили и ругали где возможно, били, волосы и бороды рвали, резали.

Какие вам всем от них, поляков, их арендаторов и любимых факторов, по сие время были обиды, озлобления и разорения, тут мы их всех не именуем, так как вы все их ведаете и помните. Только напомним, что двум или трем, вместе стоячим, на месте, на улице, в доме своем, нельзя было свободно говорить, то поляки строгими своими указами запретили, особо о политике молчать вам приказали.

Какое несносное время и молчание наше милость Божия помогла нам оружием нашим военным отсеки, победой в двух сражениях над поляками, супостатами нашими, о том хвалим и превозносим имя Божественное, что не презрел бед и притеснений, вздыханий и слез наших, из-за поляков пролитых и проливаемых.

То, что мы войну нынешнюю с поляками начали без ведома и совета нашего всенародного, за то вы нас не ругайте, так как учинили для лучшей пользы вашей и нашей, научившись осторожности и воинскому управлению на примере прежней братии нашей, под Кумейками и на устье реки Старца с поляками в недавнем прошлом войну имевшей, и которые своими универсалами, до вас во всю Украину засланными, уведомили поляков о своем противном намерении, и поляки, быв предупреждены, победили казаков.

Теперь же мы вас на военное дело с поляками призываем. Кому мила вера благочестивая, от поляков на унию переделанная, кому из вас нужна целость отчизны нашей и честь ваша шляхетская, поляками поруганная, уничтоженная и попираемая, тот, не как выродок, но отзывчивый и любезный сын отчизны своей, после выслушивания этого универсала, к нам в лагерь под Белую Церковь, на добрых конях исправных, с оружием, не откладывая прибудет, и встанет мужественно и смело, при всемогущей помощи Божьей, против поляков, своих грабителей, озлобителей и супостатов.

Если не изволите помочь нам в настоящей военной компании, то если поляки нас одолеют, знайте, что и вас всех без исключения, ради давнего злого намерения своего, огнем и мечом уничтожат, разрушат жилье и веру поругают. Лучше и благополучнее нам за веру святую православную и за отчизну на поле брани полечь от оружия, чем в домах своих, как лежебокам, побитым быть.

Если же умрем за благочестивую веру нашу, то не только слава и отвага наша рыцарская во всех европейских и иных странах и далеких землях славно превозгласится и подвиг наш, если за благочестие умереть, будет бессмертия исполнен и страдальческими венцами от Бога венчан.

Не бойтесь вы, братья наши, поляков, даже если их войско будет больше нашего, ибо Бог с нами. Этой благодати Божией уже есть знаки: первое – двукратная победа над поляками; второе – полна помощь всего войска Запорожского нам, при всенадежной помощи Божией; третье – неяснейший хан крымский со всеми ордами помогать нам готов в борьбе с поляками, при котором, для лучшей уверенности, и сына старшего Тимофея оставили, а и теперь с нами доброй военной орды крымской четыре тысячи с пашой Тогай-беем, мурзою знатным; четвертое – казаки реестровые, с четыре тысячи, с нами, которые Днепром шли с Барабашом против нас; пятое – пред Корсунской битвой 3 000 драгун к нам перешли; шестое – зачали мы войну с поляками не без ведома и позволения Королевского Величества Владислава IV, который при личной встрече устно сказал: «А если бы паны польские ваши привилегии не слушали и считались с ними, то у вас есть мушкет и на боку сабля, и ею можете охранять своих и свои вольности от поляков».

Поляки мандатов и приказов королевских не слушали, и непрерывные Украине утеснения налагали. А если Король, сам всему войску голова, против нас не пойдет, то мы панов польских и их много собранного войска, как тела обезглавленного, утрашиться не хотим.

А вам, братии нашей, вообще всем украинцам, предлагаем поспешить к нам в лагерь под Белую Церковь и желаем вам доброго от Господа Бога здоровья и благополучия.

Дан в лагере нашем под Белой Церковью, 1648 года, месяца

мая 18-го дня».

Летом поляки сумели по решению сейма собрать войско, примерно равное по силам войску казаков. На сейме были выбраны три гетмана: Доминик Заславский, Николай Остророг, Александр Конецпольский. Начались украино-польские переговоры. Поляки тянули время для подготовки подавления восстания. Они потребовали от Хмельницкого:

– казаки должны немедленно освободить всех пленных польских дворян;

– казаки должны отстать от татар и снова присягнуть Речи Посполитой в верности;

– Кодаку (который взяли казаки) оставаться в прежнем положении, польском;

– виновников бунта немедленно выдать для отсылки в Варшаву;

– казаки обязаны выдать письмо Владислава IV;

– привилегии и права казацкие должны быть определены особо созданной для этого комиссией.

Естественно, украинские казаки только посмеялись над польской наглостью. Переговоры не дали никаких результатов.

«Мирные переговоры с Польшей не привели ни к чему. Гордая шляхта, несмотря на то, что находилась в достаточно тяжелом и сомнительном положении, не прозрела, не хотела видеть грозящей опасности, не хотела и теперь еще отдать Украине справедливости, а поставила такие условия, которые могли Хмельницкому и весь народ только оскорбить. Видно, так в вечной книги предначертаний было записано, что поляки в этом памятном 1648 году ни прозреть, не увидеть не могли того, как с этого года началось несчастное распадение их державы.

В августе 1648 года поднялся Хмельницкий из-под Белой Церкви и быстро пошел на Волынь к реке Случь. За ним шли отборные казачьи полки, дышавшие желанием сражения», – писал украинский историк начала XX века.

Поляки, разгорячась, кричали, что они одними плетями разгонят «казацкую сволочь»: «Не помогай Боже, ни нам, ни казакам, а смотри, как мы разделаемся с этим мужичьем».

Казаки не говорили ничего, молча и грозно готовясь к битве. Предстояла битва двух стотысячных армий.

8 сентября 1648 года войско Богдана Хмельницкого вступило в

сражение с польской армией под Пилявцами, на Волыни, которое закончилось через пять дней полным разгромом поляков.

Государственный канцлер Польской Короны Оссолинский назначил князя Владислава Доминика Заславского главнокомандующим. Его заместителями стали – Александр Конецпольский и Николай Остророг. Украинский историк XIX века писал:

«Эти паны сроду не видели войны: первый из них был совершенно изнеженный в забавах, второй – молодой, еле-еле усы начали пробиваться, а третий – славный только тем, что хорошо знал латынь. Хмельницкий назвал их соответственно их способностям – «перина», «дытына», «латына».

Эти три начальника повели собранное войско под Глиняны, где оно встало табором. Привычные считать хлопа за скота, паны говорили и сейчас: «Против такой голытьбы не стоит тратить пуль; мы их нагайками разгоним по полю». Сами же отправлялись как бы не на войну, а похвастаться своими богатствами. У каждого был великолепный конь, серебряные или позолоченные седла, сабли с серебряными вставками, бархатные одежды, подбитые дорогими мехами, шапки с драгоценными камнями, сапоги с серебряными и позолоченными шпорами, на шеях блестели золотые цепи, за поясом торчали богатые кинжалы. Но еще большая роскошь была видна за столами во время их обедов и ужинов. Выставлялись кубки из золота и серебра, богатая посуда, каждый пан вез с собой бочки с вином, медом, съестные припасы, сладости. Везли даже ванны для купания и богатую постель».

Силы противников были почти одинаковые – у поляков было около 100 000 солдат и 100 пушек, у Хмельницкого – 120 000 воинов, из которых 40 000 – плохо вооруженные и подготовленные селяне-повстанцы. Обоз польской армии превышал 100 000 возов.

Войска сошлись на границе Подолья и Волыни, под Пилявцами. У поляков не было порядка, три гетмана противоречили друг другу, их не уважали свои же подчиненные. Утром 8 сентября Хмельницкий ударил в лоб всеми своими силами, с боков на поляков напали татары. Первыми побежали гетманы, за ними конница и пехота. Пан Конецпольский, потеряв коня, поменялся одеждой с крестьянином и убежал. В течение пяти дней казаки гнали поляков, брали их в плен. Хмельницкому досталось 80 пушек

и огромное количество оружия. Весь богатейший польский лагерь тоже достался казакам, по данным хронистов, его «оценили» в 10 миллионов золотых. Львовский летописец писал: «В чем кто мог, и с чем кто мог, и где кто мог, пушки и оружие и добро все оставив, убежали».

Казацкое войско выстроилось на поле победы. «Веди на ляха, кончай ляхов» – кричали казаки. После польского разгрома под Пилявцами Б. Хмельницкий пошел не вглубь Польской Короны, а ко Львову, который осаждал с 26 сентября по 16 ноября. В Галичине и на Западной Волыни с приходом казаков начались крестьянские восстания. Несмотря на то, что Львов был мощной крепостью, его двойные стены были обведены рвами и валами, Хмельницкий не стал разрушать древнейший и красивейший город, который только что оставил магнат и военачальник Иеремия Вишневецкий, ограничился получением выкупа, который отдал татарам, и пошел на Варшаву. Он остановился у Замостья и осадил его. Он ждал выборов нового короля, которые проходили в Варшаве, и для этого ожидания у великого политика и дипломата были свои веские причины. Выдающийся украинский историк Н. Полонская-Василенко писала:

«Не считаясь с разгромом польской армии, Хмельницкий считал, что воюет не с государством, не с королем, а со шляхтой. Он послал в Варшаву послов с требованием выбрать королем брата Владислава – Яна Казимира. Неясно, почему он настаивал на кандидатуре этого ограниченного малоинтеллигентного человека. Новому королю Хмельницкий ставил условия: амнистия для всех, кто участвовал в войне, прямое подчинение гетмана королю, отмена церковной унии, восстановление и обновление казацких прав, увеличение реестра казаков, право выхода в море и, наконец, территориальная автономия Украины.

Ожидая ответа, Хмельницкий остановился у Замостья, где и получил известие об избрании королем Яна Казимира. Причину, остановившую движение Хмельницкого на Польшу, интерпретируют по-разному. Главное – войско было усталым, в нем распространялись болезни, уже стояла поздняя осень и поход среди враждебно настроенного населения был очень опасным. Полковники не советовали Хмельницкому идти дальше. С другой стороны, шансы Польши значительно поднялись, так как в октябре 1648 года в Мюнстере был подписан мир, который закончил Тридцатилетнюю войну, и Австрия, союзница Польши, могла действовать на ее стороне».

Все это Хмельницкий знал и понимал, но была еще одна проблема – на королевский титул претендовал и Иеремия Вишневецкий, избранный командующим польской армией, ставший из православного католиком, имевший громадные богатства и земли, уважаемый и ценимый польской шляхтой, в то же время «ненавистник украинского народа», вызывавший ярость у казаков, боестолкновения с которым не приводили к чьей-либо победе – если бы этот энергичный и могущественный человек стал королем вместо ограниченного Яна-Казимира, то победа Хмельницкого над Польшей безусловно обошлась бы большой кровью и очевидно отодвинулась по времени. Если бы на сейме в Варшаве послы Хмельницкого не предупредили поляков о непримиримой войне до победного конца в случае избрания королем Польши «бешеного Яремы», то он вполне мог победить на королевских выборах.

Избранный король Ян Казимир прислал Б. Хмельницкому письмо, в котором извещал его о своем избрании, обещал украинскому казачеству различные льготы, просил прервать поход в Польшу и ожидать для переговоров королевских комиссаров. Историк XVIII века Д. Н. Бантыш-Каменский писал:

«Сим ознаменован конец казацко-татарских походов. Все удивлялись великодушию Хмельницкого, могшего рассеять беззащитный сейм и вместо того вступившего в переговоры с королем. Поляки говорили тогда друг другу на ухо, что Бог наказал его слепотой; меж тем, как деяния сего великого мужа были основаны на глубокой политике и выгодах отечественных. Он не одним оружием намеревался победить противников, а также благоразумным терпением и осторожностью. Даровав свободу единоземцам, Хмельницкий хотя и опочил на лаврах, но подобно покоящемуся льву, угрожал своим пробуждением».

По просьбе короля Богдан Хмельницкий снял осаду с Замостья и двинулся с войском на восток. В начале января 1649 года он прибыл в Киев во главе победоносного войска. Казаков и Богдана Хмельницкого встречали как героев-освободителей Украины от польской оккупации, как «нового Моисея». Иерусалимский патриарх, бывший тогда в Киеве, называл Хмельницкого князем Руси-Украины и главой независимого украинского государства.

В начале 1649 года в Переяславле начались польско-казацкие переговоры, которые ни к чему не привели. Поляки, готовые дать только незначительные уступки казакам, требовали вернуть украинских крестьян под власть польских помещиков. Украинский историк XX века О. Субтельний писал:

«Из года в год обе стороны воевали между собой, но ни одна сторона не могла нанести другой решительного поражения; все заканчивалось подписанием не устраивавших никого мирных условий, после чего все возвращались домой, чтобы вести военную и дипломатическую подготовку к новой войне».

Казаки выставили условия мира, которые не устраивали поляков – восстановление всех древних казачьих привилегий, изгнание из Украины иезуитов, увеличение реестрового войска до 40 000 воинов, выдача Чаплинского, удаление И. Вишневецкого от руководства польской армией. Б. Хмельницкий заявил послам:

«Ничего из переговоров не будет, если одного не накажут, а другого мне не пришлют. То или мне пропасть со всем войском запорожским, или же пропасть всей земле польской: сенаторам, дукам, королькам и шляхте».

Поляки отказались – было подписано перемирие на три месяца. Один из польских комиссаров-переговорщиков записал речь Богдана Хмельницкого:

«Скажу коротко: с вашего посольства ничего не выйдет – теперь война должна быть!»

В три или четыре недели выверну всех вас, ляхов, верх ногами и потопчу вас так, что под моими ногами будете, напоследок султану турецкому в неволю отдам! Выбью из ляшской неволи весь украинский народ! Сначала за свою обиду и разорение воевал, теперь буду воевать за нашу православную веру. Поможет мне в этом вся чернь – на Люблин, на Краков, и я ее не оставляю, так как это правая рука наша, чтобы вы не уничтожили хлопков и на казаков не ударили.

Подниму двести, триста тысяч своих, и всю орду! За границу

войной не пойду, сабли на турок и татар не подниму! Мне достаточно теперь Украины, Подолья, Волыни, – достаточно достатка и имущества в земле и княжестве моем – по Львов, по Холм и Галич.

А встав над Вислой, скажу дальним ляхам: сидите и молчите, ляхи! И вельмож, и князей туда зачenu, а если будут за Вислой брыкаться, и там их найду. Не останется у меня и ноги князя или паненки в стране. А если кто захочет к нам и отведасть хлеба-соли – пусть войску запорожскому будет послушный!»

Впервые Богдан Хмельницкий объявил о стремлении соединить в одно украинское государство все украинские земли, включая и Западную Украину.

Перемирие не соблюдалось ни с одной, ни с другой стороны. Крестьянские отряды действовали против своих притеснителей на Волыни и Подолье. Селяне нападали на польские имения, костелы, даже небольшие крепости, разрушали все до основания. Поляки делали то же самое.

Польское войско собиралось на Волыни. С обеих сторон возрастали ярость и ненависть, кровь лилась с обеих сторон. Новое польское войско возглавили магнаты Фирлей, Вишневецкий, Ланскоронский. Король Ян Казимир, недавно обещавший Хмельницкому все, что возможно, собирал всеобщее ополчение – «посполитое рушение»; поляки поднимали против казаков всю военную силу своей державы. Украинский народ тоже шел в Чигирин – главный лагерь Хмельницкого. Дома оставались старики, дети, женщины, инвалиды.

Польское войско перешло Случь и двинулось по Южной Волыни, уничтожая все на своем пути. Навстречу ему двинулись полки Хмельницкого.

При выходе казацкой силы навстречу польской армии весной 1649 года шляхтичи перестали врать в бой. Польский офицер-участник похода – писал:

«Паны региментари, пока с хлопами имели дело, чувствовали себя неплохо. А теперь, как дошло дело до настоящих казаков и татар, совсем растерялись, только один к другому ездили. Дошло до того, что ночь – каждый в свою дорогу: одни в Каменец, другие в Владимир; один с другим

шептались, и каждый, что имел лучшего в обозе, тянул на коня».

Польская армия отступила к мощному замку – Збаражу. Общее командование было поручено Иеремии Вишневецкому. 13 июня прошел первый штурм Збаража. Казаки целый день атаковали поляков, сами неся большие потери, но с ходу взять замок не смогли.

«Вокруг польского вала велел гетман насыпать вал более высокий и поставил на него свои пушки, палил з них в лагерь неприятеля, тогда, как говорит один польский летописец «дерлось хлопство на польские окопы как смола, а татарские стрелы, летая кривыми лучами, затмевали солнце».

Ночью поляки подняли свои окопы выше, но и Хмельницкий поднял свои выше, так, что не только из пушек, но уже из самопалов можно было бить в польский лагерь. Вал казацкий был так высок, что как только кто из польского лагеря выставлял голову, в той же час его убивали. Кроме того, врывались казаки в окопы и забирали возы со всеми припасами и хватали солдат в неволю. Один из них, бывший тогда под Збаражем, говорил: «В тот час брат брату не смел подать помощь; ксендзы не могли готовить воинов к смерти. Хуже казацкой пальбы докучала им жара, теснота, гниение трупов и голод. Припасы были все истреблены; ничего нельзя было достать за любую цену. Паны отвыкли уже от своих роскошных пиров, а кормились конским мясом, а когда и того не стало, кормились собаками, котами и мышами или грызли сырую землю; вода еще была, но с червями и сукровицей из трупов». Кроме того, дразнились и насмехались над ними хлопы, сидя на валах:

«Когда панове, будете вы собирать налог с Украины! Уже год, как мы вам ничего не платили, а тут кони ржут, волы топчут, на ярмарку во Вроцлав хотят. Эй, панове, годи вам в ваших норах дальше держаться, только зря кунтуши поваляли, лазячи по валам. Ведь все это наше, да и вы сами попадете в добычу к татарам. Это вам посессии, аренды, панщины, издевательства! Хорошая вам была тогда музыка, а теперь вам так славно сыграли в дудки казаки!»

Хмельницкий приказал рыть ночами траншеи к польским ретраншеентам и прижал шляхтичей к самым стенам замка. Поляки

неоднократно посылали гонцов к королю с просьбой о помощи, но их перехватывали казаки. Наконец шляхтич Скшетусский, переодевшись казаком, со всяческими ухищрениями добрался до короля, собиравшего «посполитое рушение». Ян Казимир «отобрал у Хмельницкого булаву» и выступил с собранными войсками на помощь осажденным и дошел до Зборова. Б. Хмельницкий, забрав часть казаков, вместе с ханом и татарами скрытно двинулся на короля, оставив Збараж в осаде.

Казаки находились в лесу под самым боком королевского обоза, когда поляки начали переправу через реку Стрыну. Уже переправилась половина войска, когда на короля ударили полки Хмельницкого. Поляки продержались до ночи, но надежд на спасение было мало. Полегло много панов, среди которых было много представителей знатных родов. Польский офицер писал о казацкой атаке: «Враг будто без глаз летел на выстрелы и огонь. Не битва была, а скорее резня. Первый цвет польской шляхты был стерт вражеской рукой». Потери польской армии превысили 7 000 солдат.

На следующий день казаки замкнули кольцо окружения вокруг польской армии во главе с королем. Полк Матвея Гладкого взял Зборов. До полного польского разгрома оставались часы.

Ночью на военном совете поляки решили подкупить крымского хана; к нему был отправлен пленный татарин с письмом короля. Хан Ислам-Гирей «отступился от Хмельницкого» и под угрозой объединения татар с поляками вынудил гетмана заключить с королем Зборовский мир в августе 1649 года. М. Грушевский писал:

«Конечно, при тех условиях, при каких пришлось вести переговоры, нечего и думать было о широких планах освобождения украинского народа, для которого начата была война; приходилось возвращаться к старым вопросам казацкого реестра и прав православной веры.

Если рассматривать Зборовский договор с такой более узкой точки зрения, то он был большим шагом вперед. Реестр казацкого войска устанавливался в сорок тысяч, вписанные в него казаки и их семьи могли жить в королевских и помещичьих имениях воеводств Киевского, Черниговского и Брацлавского, не подчиняясь ни правительственной администрации, ни помещикам. В этих краях не могло быть расквартировано польское войско и оно не могло даже входить туда. Казацкий гетман получал на булаву староство Чигиринское. Уния подлежала уничтожению повсеместно.

Это было очень много в сравнении с тем, о чем думал Хмельницкий год тому назад, после первых погромов польского войска. Но это было ничто в сравнении с новыми планами освобождения украинского народа. Хотя вся Восточная Украина должна перейти, по новому условию, под власть казацкого гетмана и казацкого войска, однако шляхетское право не уничтожилось, громадное большинство населения, не попавшее в состав реестрового казачества, должно было возвратиться в крепостное состояние. Не того ждало украинское крестьянство, поднимаясь на призывы послов Хмельницкого».

Крымский хан, получив ежегодную дань в 90 000 польских золотых и еще 100 000 «сверху», погромив по дороге украинские земли, ушел домой. Король вернулся в Варшаву. Хмельницкий сняв осаду со Збаража, отошел к Белой Церкви. Историк XIX века А. Кузьмин писал:

«Страшное разорение и запустение было на Украине, города и села лежали в развалинах, за время войны почти никто не сеял хлеба, а если где и было что, то все поела саранча, наступил голод. «Мир непрочен» – говорили современники, и они не ошиблись, так как поляки не хотели расстаться с унией и не допускали русского митрополита в сенат; кроме того, в войско могло записаться лишь 40 тысяч человек, и вся эта масса народа, которая так отчаянно дралась за свою веру и свободу, опять отдавалась во власть панам. Шляхта, являясь в свои разоренные усадьбы, требовала повиновения, панщины, а хлопы бунтовали, часто убивали панов».

Гетман занялся строительством украинской государственности, установил казацкое полково-сотенное административно-территориальное устройство «на своей земле», упорядочил финансы, активизировал внешнеполитическую деятельность.

Зборовский договор не выполнялся ни поляками, на тайном совете решившим дезавуировать его, ни казаками – не легко было ослепленных гордыней польских панов приучить к мысли, что кроме них на земле живут другие люди, достойные свободы и счастливой жизни. Новая война между казаками и поляками была неминуема.

Богдан Хмельницкий вернулся в Белую Церковь в славе и почете.

Народ встречал его как своего избавителя, с колокольным звоном, с хлебом и солью. Однако радость победы была недолгой. Польские магнаты и шляхта считала условия Зборовского договора унижительными для своей державы. Хотя по миру была объявлена всеобщая амнистия, шляхта возвращаясь в свои имения, начинала расправляться с крестьянами. В ответ на репрессии крестьяне вновь восставали. По просьбе шляхты Хмельницкий посылал отряды для подавления крестьянского движения. Украина гневно бурлила. Н. Березин писал:

«Когда владельцы поместий начали возвращаться на пожарища своих владений и стали требовать от хлопов прежних повинностей, на что имели согласно договору право, хлопы и ухом не вели. Им не было дела до условий гетмана с королем, они знали только, что сражались под знаменами гетмана за волю и теперь не имели никакой охоты возвращаться под старое ярмо. Хлопы хотели оставаться хлопами только по имени и не хотели платить никаких податей. Возвратившимся панам хлопы предлагали «плуг, волов и четыре меры солоду, будет с него, чтоб не умер с голоду». Понятно, что вражда и беспорядки продолжались. Паны требовали содействовать утверждению своих прав от гетмана и казаков, обязанных к тому договором, а гетман и казак, если бы и хотели, не могли ничего учинить с хлопами. Недоразумения спустя три года кончились полным разрывом, и снова оба врага вышли в поле помериться силами».

Зборовский мир дал казакам возможность дать организовать свое государство – Запорожское войско получило свою, хоть и ограниченную, территорию, основу для государственного строительства:

«Высшую власть получила казацкая рада, которая выбирала гетмана и определяла направление внешней и внутренней политики – рада общеказацкая и рада старшин, как аппарат управления, во главе с гетманом. Хмельницкий, благодаря своей харизме и славе, играл главную роль, без его ведома ничего не происходило, часто он принимал решения единолично. При нем была генеральная старшина – войсковые писарь, обозный два есаула и два судьи – гетманское министерство управление страной. Главным советником Хмельницкого стал войсковой

писарь Иван Выговский, организатор и начальник генеральной канцелярии, в которой сходились все нити внутренних и внешних дел. Войском управляли есаулы; обозной ведал артиллерией и снабжением.

Страну по запорожскому обучая поделили на полки и сотни. Полковники имели военную и гражданскую власть, как и сотни; на местах власть принадлежала войтам. Казаки пользовались городским Магдебургским правом и обычаями.

Распределение полков было следующее:

В городе Чигирине полковник Федор Якубовский.

В городе Черкассах полковник Иван Воронченко.

В городе Белой Церкви полковник Семен Паницкий.

В городе Корсуни полковник Лука Мозыра.

В городе Умани полковник Иосиф Глух.

В городе Брацлаве полковник Даниил Нечай.

В городе Случке полковник Иван Федоренко.

В городе Киеве полковник Антон Адамович.

В городе Переяславле полковник Федор Лобода.

В местечке Кропивном полковник Филон Джеджалий.

В городе Остре полковник Тимофей Носач.

В городе Миргороде полковник Максим Гладкий.

В городе Полтава полковник Алексей Ганжа.

В городе Лубнах полковник Мартын Пушкаренко.

В городе Прилуках полковник Дмитрий Чернявский.

В городе Гадяче полковник Иван Черныш.

В городе Нежине полковник Андрей Журавский.

В городе Чернигове полковник Семен Барковский.

В городе Стародубе полковник Максим Гамалея.

В городе Почепе полковник Алексей Рославец».

Народ отказывался работать на панов, организовывал отряды, которые жгли имения и требовали, чтобы поляки вернулись в Польшу. Паны проходили с нанятыми жолнерами и врываются в «бунтовавшие» села, где учиняли резню. Хмельницкий, хотя и записал в реестр намного больше, чем 40 000 казаков, понимал, что против всей Польской Короны украинскому казачеству пока не выстоять, и готовился к войне, находя новых союзников. Однако от татарской «помощи» отказаться не мог, так как татары тут же объединились бы с поляками против гетмана. Массы

украинских крестьян уходили на другую сторону Днепра – в Слободскую Украину. М. Грушевский писал:

«Хмельницкий, опираясь вначале на крымскую помощь, также вслед за тем вступил в переговоры с Московским правительством, просил помогать казакам и взять под свою защиту их и «всю Русь» – всю Украину. Московские политики не понимали этого плана иначе, как только так, что украинская Русь, как давние владения Владимирова рода, должна присоединиться к Московскому царству и признать «царем и самодержцем» московского царя как наследника киевской династии и ее прав. Поэтому Хмельницкий, стараясь попасть им в тон, так и ставил вопрос через своих послов. Вообще он, по давнему казацкому обучая, хитрил и, стараясь собрать как можно больше союзников для своей борьбы против Польши, говорил каждому то, что тому было приятно слышать – лишь бы его склонить к участию в своих предприятиях. Так и московскому царю он заявлял, что хотел бы иметь его царем и самодержцем, соответственно тому, что диктовали ему московские послы – как следует ставить это предложение. И одновременно отдавался под власть султана и был принят им как вассал – имел султанскую грамоту 1650 года, в которой султан извещал Хмельницкого об этом и посылал ему кафтан, знак своего покровительства и верховенства. Сносился Хмельницкий и с трансильванским князем, приглашая стать королем Украины, а позже отдался под охрану шведскому королю, – и в то же время заключил условия с польским королем, признавая его своим верховным повелителем.

Хмельницкий имел большой политический и государственный талант, несомненно любил Украину и был предан ее интересам. Но он слишком хитрил и мудрил, больше заботясь о заграничной помощи, чем о развитии сил, выдержки, сознательности и энергии в собственном народе. Нелегко было двигать огромными народными массами, оторванными прямо от плуга, или этой изменчивой, бурной казацкой массой, привыкшей менять гетманов на протяжении нескольких месяцев. Решались слишком важные вопросы, чтобы можно было их вверять минутным настроениям казачьей рады. Железной рукой Хмельницкий правил казачеством, но, не полагаясь на его выдержку, а еще менее – на народные массы, жадно искал

помощи за границей».

Весной 1650 года состоялся поход казаков на Молдавию, правитель которой Василий Лупул, богатый и хитрый, помог Польше в войне с казаками. Войско дошло до Ясс, где был заключен мир с Лупулом, обещавшим, в частности, стать союзником гетмана, а не поляков и выдать за сына Хмельницкого – Тимофея свою дочь Розанду. Этот поход получил одобрение турецкого султана, приказавшего крымскому хану помогать Хмельницкому против Польши. Богдан Михайлович думал, что решил татарскую проблему и что теперь татары не могли предать в бою казаков, не нарушив тем самым волю своего сюзерена – турецкого султана. Крымский хан думал иначе – ему приказывает запорожский гетман, ему, потомку Чингизхана! Да и поляки давали слишком большие деньги за предательство казаков в бою.

В феврале 1651 года поляки во главе с коронным гетманом Николаем Потоцким, вернувшимся из крымского плена, стали собираться под Каменец-Подольском. Польный гетман Калиновский напал на селение Красное, около Бара, в котором стоял трехтысячный полк Данилы Нечая, и перебил почти всех отчаянно рубившихся казаков, включая и самого брацлавского полковника. Калиновский пошел по Подолью, но около Винницы нарвался на казаков Ивана Богуну, которых было намного меньше, чем поляков. Выдающийся казацкий стратег разрубил лед на пути польского войска, дал ему вновь немного замерзнуть и посыпал сверху соломой. Польская конница с разгона влетела в эту громадную полынь, в которой утонули многие солдаты. Иван Богун отбросил поляков, которые отошли к Бару в большом беспорядке. Обоз и вся польская артиллерия достались казакам.

Объединенное польское войско двинулось на Волынь, войско Хмельницкого стояло у Зборова. От Сокаля поляки переправились через реку Стырь и стали на широком поле у небольшого городка Берестечко. Туда же 17 июня подошел и Хмельницкий, дождавшийся, наконец, Ислам-Гирея с крымскими татарами. Украинский историк писал:

«На другой день, как только начало светать, двинулось польское войско с места, и сам король начал строить его в боевой порядок. Тоже происходило и в казацком лагере. Вставшее солнце увидело уже оба громадных войска, стоявших друг против друга

на широком поле, как два грозных великана, готовых по условному знаку кинуться одно на другое и в жестоком бою разгромить противника или погибнуть. Разделенные ровным полем, стояли ряды противников тихо, неподвижно, до самого полудня; ни та, ни другая сторона не хотела начинать первой.

В два час пополудни двинулась казацкая пехота своим четырехугольником. Татары с диким криком помчались ударить на середину польского войска, и в тот же час с польской стороны вырвался Иеремия Вишневецкий с двенадцатью полками регулярного войска и летел с обнаженным мечом на казацкий четырехугольник. От сильного напора заколебались ряды казацкие, по четырехугольнику сделался вылом, туда же проскочил Вишневецкий, разорвал середину казацких рядов и остановился на казацких возах.

Вслед за Вишневецким выслал король пушки и немецкую пехоту; прилетел туда и Конецпольский, и там закипел ужасный бой. В одну минуту загремело множество пушек и тысячи самопалов. В небо поднялась черная туча, далеко кругом раздавались крики раненых, стоны умирающих, ржание коней, рев скота, а сквозь дым виднелись потоки крови, кучи мертвых польских и казацких тел. Неимоверным усилием казаков удалось уже выдавить поляков из четырехугольника, когда хан кинулся в бегство. За ним погнались из поля битвы все татары, оставляя свой лагерь на разграбление».

Битва под Берестечком произошла в конце июня 1651 года. У Хмельницкого было около 100 000 казаков и повстанцев и 50 000 татар, у Яна Казимира – около 150 000 человек. Начало боя принесло казакам победу. Но тут Ислам-Гирей вышел из боя, забрал с собой всех татар, задержал на несколько дней поехавших за ним Хмельницкого и Выговского, пытавшихся вернуть татар. Командовать остался Иван Богун, который отбил приступ поляков и начал выводить казаков из боя. Тем не менее, известие о захвате Хмельницкого вызвало панику, поляки надавили всеми силами, и повстанцы кинулись бежать – около 30 000 человек утонуло и просто погибло при отступлении. Полякам достался весь казачий обоз, артиллерия и все добро.

«По заходе солнца пал густой мрак, тучи закрыли солнце и

пошел сильный дождь, который прервал горячую отчаянную борьбу. Поляки вернулись в свой лагерь, казаки же не имели времени отдохнуть, а взялись сейчас же окапываться с трех сторон, с четвертой было болото. За одну ночь появились укрепления, как каменные стены. Десять дней держались казаки за окопами, боролись мужественно и выдерживали страшный огонь поляков. Хлопы, не привыкшие к такой долгой, правильной войне, начали негодовать. Они сходились и толковали между собой так: «Что делать? Король хочет взять старшин в плен, они же не хотят этого и не заключают мир; тем временем татары разрушают нашу страну, уводят наших жен и детей. Лучше выдадим наших старшин полякам, а сами спасемся».

Услышав об этом, мудрый Богун предложил план, чтобы из этого безнадежного положения в лагере. Он велел делать переправу через болото. Ночью велел Богун хлопам начать битву с поляками, а казаки между тем свозили на болото возы, шатры, кожухи, седла, кунтуши, одежду, мешки, а когда переправа была готова, казаки начали переправляться отрядами через болото. На другой день утром сели хлопы завтракать, и только тогда увидели, что половины войска и всей конницы в лагере не было. Раздались крики: «Братья! Все полковники сбежали!» Хлопы подняли ужасный крик, началось замешательство. Все бросились к переправе, которая не выдержала, и люди стали тонуть в болоте. Напрасно подъехал к переправе с другой стороны Иван Богун и кричал, чтобы не толпились и шли спокойно, в порядке – ничего не помогло, хлопы стремглав кидались в разные стороны, толкали друг друга и кидались в воду.

Поляки долго не догадывались, в чем дело. Только по прошествии некоторого времени они со всех сторон кинулись на казацкий лагерь, гнались за хлопами и убивали всех без разбора, без помилования. Как ни кричали хлопы: «Помилуйте, панове ляхи! Мы будем верны, мы не казаки, а мужики», – все было напрасно. Поляки рубили, резали, топили, пока, наконец, последние не положили головы. Тогда взялись поляки грабить лагерь: забрали множество овец, быков и коней, 28 пушек, и пороху на целое войско, разнесли шатер Хмельницкого и взяли его шкатулку с письмами».

Через месяц великий гетман литовский Радзивилл взял Чернигов и Киев. Хмельницкий, после освобождения от крымцев, центром обороны выбрал Белую Церковь, построил мощные фортификационные сооружения

и собрал сильное войско. Польские войска вошли на Украину и вместо ожидаемого разлада встретили отчаянный отпор – народ не хотел снова идти в панскую неволю. Люди уничтожали продовольствие, сжигали собственные дома, ломали мосты, портили дороги, вели партизанскую войну. В этот момент смерть нашла польского военачальника Иеремиа Вишневецкого. Крестьяне селами уходили на Слободскую Украину, к границам Московского царства, пробиваясь с оружием в руках сквозь польские войска – появились новые города со слободскими полками и сотнями – Харьков, Сумы, Ахтырка, Лебедин, Белополье. Оставшиеся уходили в леса, к Хмельницкому.

Подойдя к Белой Церкви, польская армия увидела перед собой хорошо организованное войско. Ни та, ни другая сторона не могли победить. Начались переговоры о мире. Белоцерковский мирный договор, подписанный 28 сентября 1651 года, оставил казакам реестр в 20 000 воинов, для жительства казаков было отведено Киевское воеводство. Хмельницкого подчиняли коронному гетману, запретили дипломатические переговоры с другими государствами, союз с Крымским ханством подлежал ликвидации; польская шляхта получала право вернуться в свои имения. Очевидно, Хмельницкий не придавал этим условиям никакого значения и принял их только для того, чтобы прервать военные действия на некоторое время. Польский сейм также не ратифицировал договор. Н. Березин писал:

«По новому Белоцерковскому договору Украина потеряла едва ли не все, что приобрело страшным конвульсивным усилием всего народа. Почти на всем пространстве ее водворялись старые ненавистные порядки. Но примириться с этим украинский народ не мог, и вот в несчастной стране в течение долгого времени не стихает ужасная борьба и страшное опустошение. То польское войско проходит по ней под предводительством жестокого Чарнецкого, предавая все огню и мечу, то идет Хмельницкий с татарами. Здесь польские помещики, пользуясь моментом, укрощают хлопков, а там хлопья, собравшись с силами, жгут замки, костелы и избивают ненавистных врагов. По выражению польского летописца, «хлопы разложили в приднепровских пустынях огонь, зарево которого охватило небо всей Польши». Да, огонь ненависти тлел, плохо прикрытый золой, но скоро он вырвался на волю и пошел гулять по всему простору украинской земли».

Белоцерковский украинско-польский договор вызвал неприятие украинского народа. Возобновились восстания казаков, крестьян, мещан против польского господства. Вместе с тем происходили и выступления против Хмельницкого. Несмотря на общие настроения, Хмельницкий, прекрасно понимая правильность своих действий по освобождению Украины от польской оккупации, был вынужден раздавать монастырские земли своей старшине и требовать, чтобы крестьяне «послушество звиклое отдавали». Гетман поддерживал оживленное отношение с православной Москвой. В январе 1652 года Богдан Хмельницкий просил царя о принятии всей Украины под его власть в случае неудачи войны с Польшей. Тогда же он заключил новый союз с Крымским ханством. О. Сутельный писал в своей интереснейшей «Истории Украины»:

«Возникает вопрос, почему Хмельницкий не провозгласил Украину независимой. Во время восстания и правда пошли разговоры, что он хочет восстановить «старое русское княжество». Возможно, эта проблема обсуждалась, но осуществить ее в тех обстоятельствах было бы невозможно. Как показали непрерывные войны, казаки хотя и нанесли полякам несколько тяжелых поражений, однако не могли постоянно противостоять неоднократным попыткам шляхты отвоевать Украину. Для обеспечения победы над поляками Хмельницкий потребовал надежной поддержки великой иностранной державы. Обычной платой за такую помощь было согласие на то, чтобы признать верховенство правителя, который ее давал. Главной причиной восстания было стремление народных масс избавиться от социально-экономического давления, и для многих украинцев то, как решить эту проблему – при своей власти или чужой, – было второстепенным делом. Тем более, что в Восточной Европе суверенитет тогда отождествлялся не с народом, а с личностью законного, общепризнанного монарха. С оглядкой на то, что со всей своей популярностью и властью Хмельницкий такого признания не имел, он вынужден был найти для Украины правителя, который его имел».

Польный гетман М. Калиновский собрал двадцатитысячное войско на Брацлавщине. Молдавский правитель В. Лупул отказался выдать дочь за Тимоша Хмельницкого и попросил поляков помочь ему. М. Калиновский

стал с армией на границе Молдавии над Бугом у горы Батог и не пропускал казаков в Молдавию. 22 апреля 1652 года состоялась битва под Батогом. Полки Хмельницкого одновременно ударили на польский лагерь со всех сторон. В бой пошла казацкая конница, пехота весь день обстреливала польские войска, расположенные очень неудобно, их фронт достигал одного километра. Казаки прорвали его и ворвались в польский лагерь. Среди королевского войска началась паника, некоторые полки отказывались выполнять приказы. М. Калиновский спрятался во внутреннем укреплении, но и оттуда его достали и зарубили казаки. Двадцатитысячная польская армия перестала существовать. Помня Берестечко, казаки пленных не брали. Украинский историк XIX века писал:

«Татары появились перед поляками, двигаясь совсем медленно. Тогда Калиновский пустил на них всю свою конницу. Татары, вроде бы растерянные, начали отступать, и в этот момент вспыхнул в середине польского войска пожар; русские хлопы, которых использовали в польском лагере, умышленно зажгли там сено. Увидев пожар, поляки закричали:

«Стойте, возвращайтесь, – казаки нападают с тыла на обоз!»

На этот крик кинулась польская конница назад, а татары, вернувшись за ними, начали их поражать стрелами и пулями. Одновременно выступили из-за горы Батог казацкие полки и, увидев в польском лагере пожар и замешательство, не поверили своим глазам, и как только поняли в чем дело, кинулись стрелой на поляков. Началась резня, какой давно не видели. Казаки и татары зажали поляков с двух сторон и совершенно разгромили их. Недобитые поляки разбежались во все стороны, но повсюду догоняли их хлопы и казаки, и, не слушая их просьб, рубили без милосердия, приговаривая: «Это вам за унию! За Берестечко!»

Тимош Хмельницкий женился на Розанде Лупул. Гетман писал королю Яну Казимиру, ранее приславшему ему саблю с надписью «что под Пилявцами взял, под Берестечком потерял»:

«Я предупредил пана Калиновского, чтобы он уступил дорогу моему сыну, но он не послушал. Мои казаки, естественно, как горячие люди, обошлись с паном Калиновским не очень вежливо».

Это письмо поляки восприняли как насмешку и начали собирать новое войско. Моровая язва, от которой, в частности умер коронный гетман Н. Потоцкий, шла по Польше, во многих польских городах прошли пожары, наводнения заливали поля, начался голод. Летописцы и хронисты записывали: «На одном стоге сена, плывущем по Висле, сидели волк и коза совершенно дружелюбно, так взаимная нужда их помирила».

Весной 1653 года на Украину вошло пятнадцатитысячное польское войско С. Чарнецкого, начавшее погромы городов и уничтожение украинского населения. Под Монастырщиной его встретили казаки Ивана Богуна, разгромили поляков, а сам тяжелораненый Чарнецкий еле ушел в Польшу. Лирники пели песню:

«Налетел Чарнецкий на Украину словно хищный черный ворон, но как стоячий оказался перед Богуном – орлом и упорхнул словно ощипанный воробей».

В начале 1653 года в Молдавии при осаде Сучавы погиб любимый сын Хмельницкого Тимош, развеялись династические и политические планы Хмельницкого, касающиеся взаимоотношений с Турцией.

В сентябре 1653 года Ян Казимир собрал войско под Каменец-Подольском. В ноябре польское войско встретилось с Хмельницким и крымскими татарами под Жванцем. Хан Ислам-Гирей снова предал гетмана и опять принудил его заключить перемирие с поляками. М. Грушевский отмечал:

«На этот раз Хмельницкий уже не захотел вступать в переговоры с поляками; он не заботился более о хане, так как имел известия, что в его борьбу с Польшей входит новый союзник, московский царь. После долгих колебаний московское правительство решило принять Украину под царскую руку и начать войну с Польшей».

В январе 1653 года в Чигирине прошла Рада старшин украинского казачества – было решено просить царя о присоединении Украины к России – война с Польшей, шедшая пять лет, могла продолжаться до окончательного опустошения и разорения Украины и Польской Короны.

Многие историки анализировали причины принятия этого решения Богданом Хмельницким.

Историк XIX века А. Кузьмин писал:

«Шесть лет войны не дали почти никаких результатов. Что же оставалось делать? Поляки не хотели отменить унию и не освобождали народ от панщины, а хлопы хотели свободы; полюбовно решить этот вопрос было нельзя.

С другой стороны, Украина не была настолько сильна, чтобы справиться с поляками собственными силами; осталось обратиться к посторонней помощи, но куда? Хан два раза изменял, и надежда на него была плоха. Оставалась Турция и Московское государство.

Идти под власть нехрестия, слиться с ним, действовать за одно – православный народ, которой издавна считал войну с басурманами святым делом, никогда не согласился бы.

Стало быть, оставалось только Москва: там была православная вера, там жили те же русские люди, что и на Украине, сидел на престоле царском потомки великих князей киевских. Присоединение Украины к Москве было бы восстановление прежнего единства земли русской. Все говорило в пользу присоединения к Москве; правда, и в Московском царстве были тогда крепостные, но боярин русский никогда так не угнетал крестьянина, как польский пан хлопа, которого считал «быдлом». Кроме того, царь Московский от соединения с Украиной не только не терял, но приобретал, а потому дал бы Украине больше прав, чем польский король».

Историк Н. Березин писал:

«Страна, истекая кровью, теряла силы, и не было надежды добиться своего. В этом положении Хмельницкий в отчаянии искал помощи на стороне. Но кто мог помочь Украине! Крымский хан был вероломен, султан турецкий силен, но далеко, единойверная же Москва с политической изворотливостью вела переговоры о присоединении, и за посулами ее чувствовалась та же неволя, какую Украина пережила под властью Польши. Из всех трех соседей союз с единойверной Москвой представлялся малорусскому народу и его вождям наименьшим злом».

О. Субтельный разобрал сложившееся положение:

«Популярнейшим кандидатом на роль покровителя Украины был православный московский царь. С начала восстания Хмельницкий предлагал и просил царя во имя общей для них православной веры прийти на помощь. Но Москва реагировала чрезвычайно осторожно. Понеся тяжелые потери в недавней войне с Польшей, москвиты хотели подождать, пока казаки и поляки ослабят друг друга, и уже тогда начать действовать. Однако в 1653 году, когда украинцы стали угрожать тем, что отдадут предпочтение оттоманскому варианту, москвиты не могли больше тянуть с решением. Царь Алексей Михайлович собрал Земский собор, который решил, что «ради православной веры и святой церкви Божьей, государь, следует принять их под свою высокую руку». Принимая это решение, москвиты также надеялись отобрать некоторые захваченные Польшей земли, использовать Украину как буфер против Оттоманской империи и вообще увеличить свое влияние».

Украинский историк П. Толочко писал:

«Идея объединения не навязана нам Россией, а была украинской. Она исходила от казацкой старшины и была злободневной для Украины конца XVI – первой половины XVII столетий. Реализовать ее удалось выдающемуся украинскому государственному деятелю Богдану Хмельницкому. Он и казаки провозгласили в Переяславе: «Навеки вместе с Россией». Если бы не было этого исторического решения, не уверен, что сегодня мы имели бы Украину такой, какую она есть».

К 1654 году Богдан Хмельницкий со своими героическими соратниками создал Казацкую державу, имевшую все государственные атрибуты – политическое устройство, административно-территориальное деление, высшие и местные органы власти, суд, армию, финансовую систему, дипломатическую службу, таможни, символику. Налоги собирались в Государственную казну Войска Запорожского. Украинское государство имело знамя малинового цвета и герб с изображением казака с мушкетом. В Чигирине – гетманской столице – находились послы из

четырнадцать государств Европы и Азии.

Свои функции высшего органа власти Генеральная Рада Войска Запорожского часто передавала Старшинской Раде, в расширенном составе, включавшей генеральную старшину, полковников, сотников, представителей войска, духовенства, местной власти. Она решала все вопросы, стоявшие перед Гетманщиной. Сам гетман сконцентрировал в своих руках административную, военную, финансовую и судебную власть, созывал рады, издавал универсалы, вел дипломатические переговоры, руководил Генеральной канцелярией. Великий Богдан Хмельницкий мечтал собрать «под свою булаву» все украинские земли. Польский разведчик из Чигирина докладывал начальству: «Замысел Хмельницкого – править абсолютно и независимо, не подчиняясь никакому монарху, и владеть всей землей, которая начинается от Днестра и идет до Днепра и далее до московской границе».

Московские власти пришли к убеждению, что союз с Украиной даст им дорогу на Балканы, на Черное море, на запад, а главное – в случае разгрома Хмельницкого начались бы опять постоянные набеги татар и нападения поляков на Московскую землю. К тому времени Украина имела десятки тысяч опытных, лучших в Восточной Европе воинов, имевших «постоянную практику». Москва всегда платила военные долги, а долг Польской Короны за вмешательство в Смуту начала XVII века был огромным. Пришло время возратить его польской элите.

Проблема принятия Украины в состав Московского царства была положительно решена на заседании Боярской думы. Было принято решение и созыве Земского собора. В послании к польскому королю и сейму Москва потребовала вернуть украинским казакам права, полученные ими по Зборовскому миру. Поляки отказались, и 1 октября 1653 года Земский собор вынес решение о вхождении Украины в Русское государство:

«На знак царя думный дьяк стал читать царское письмо, в котором было сказано, что поляки не соблюдают условий мира, заключенного перед этим с Великой Русью, оскорбляют царский титул, что гетман Хмельницкий уже несколько раз доносил государю об утеснениях, которые терпит русский народ и Православная церковь от поляков, и он же просил, чтобы царь принял все казачество под свою руку. Дальше было заявлено, что послы царя заступались у польского короля за украинцев и

православную веру, но безуспешно; что султан турецкий призывает Украину в свое подданство, а Хмельницкий и народ его желают присоединиться только к Великой Руси и «пусть Земский собор рассудит, как тут поступить?»

После долгого совета началось голосование, и Земская дума решила единогласно: принять гетмана Хмельницкого со всем войском запорожским, со всеми их городами и землями под царскую руку, а Польше объявить войну за «оскорбление царской чести и православной веры».

Через месяц после Земского собора царские послы уже были на границе Украины. Эта торопливость, несвойственная царской дипломатии, говорит о заинтересованности Москвы в украинских делах. Посольство возглавляли боярин Василий Бутурлин, окольничий Иван Олферьев, дьяк Ларион Лопухин. Послы и Хмельницкий со старшиной встретились в Переяславе 6 января 1654 года.

8 января 1654 года в Переяславе была созвана Рада, которая вынесла решение о присоединении Украины, о вхождении Украины в состав России, Московского царства. На Раде был гетман Богдан Хмельницкий со всей старшиной, многие полковники, но не все, около ста сотников, казачество. М. Грушевский писал:

«К сожалению, об этой раде и сопровождавших ее переговорах мы не имеем никаких более точных известий, кроме реляции, предложенной московскому правительству своим послом боярином Бутурлиным. Он рассказывает, что войско на вопрос Хмельницкого заявило свою волю отдаться под власть царя. Затем перечитана была царская грамота, где царь обещал украинцам быть к ним милостивым и защищать от врагов. После этого послы предложили собравшимся идти в церковь, чтобы принести присягу на верность царю. Но здесь вышло недоразумение.

Хмельницкий потребовал, чтобы сперва от царского имени присягнули послы в том, что царь не выдаст Украину Польше, будет защищать ее от врагов и права и вольности украинские будут соблюдать – подобно тому, как польские короли присягали при избрании на *раста conventa*. Но бояре заявили, что присягнуть не могут, так как царь московский самодержец, правит по своей воле и не присягает своим подданным. Это очень озадачило

старшин, они долго настаивали на своем и, только чтобы не дать повода к разрыву, в конце концов присягнули. После этого московские послы разослали по городам и местечкам своих людей приводить к присяге Украину, бывшую во власти казацкой».

В марте 1654 года посольство Богдана Хмельницкого в Москву, в составе П. Тетери и С. Зарудного, получило от царя Алексея Михайловича документ, определявший статус Украины и ее отношения с Московским царством – «Статьи Богдана Хмельницкого». Из 23 пунктов проекта договора Москва в лице царя и Боярской Думы утвердила 11. «Статьи Богдана Хмельницкого» устанавливали автономию Украины в следующих делах: право избрания гетмана; реестр казаков был установлен в 60 000 воинов; гетман сохранял право дипломатических отношений со всеми государствами, кроме Турции и Польши, но с обязательным уведомлением царя, если послы от других правительств придут с «противным делом». Подтверждались права украинского митрополита и духовенства. Особыми грамотами подтверждались сословные привилегии украинской шляхты и права отдельных городов.

О. Субтельный писал:

«Несмотря на сии разногласия, подписание Переяславского договора стало поворотным пунктом в истории Украины, России и всей Восточной Европы. Изолированная и отсталая Московия сделала гигантский шаг вперед на пути превращения в великую державу. А судьба Украины стала во всем – добром и плохом – неразрывно связана с судьбой России.

В связи с конфликтами, которые позднее возникали между россиянами и украинцами, оценка соглашения, которое объединило их страны, была предметом частных споров ученых. Дело усложнялось тем, что оригинальные документы были утрачены, сохранились лишь неточные копии и пересказы. Российский археограф Петр Шафранов говорил, что даже эти копии сфальцифицированы или сфабрикованы царскими переписчиками».

Выдающиеся историки называют присоединение – воссоединение

Украины к России по-разному – унией, союзом, конфедерацией, автономией, вассальными отношениями, протекторатом. Украина все же осталась отдельным государством под верховным протекторатом царя. Но Москва постоянно старалась расширить свою власть на Украине. Современный украинский историк В. Губарев писал в «Истории Украины» о историческом значении национально-освободительной войны 1648–1654 годов:

«Украинско-российский договор 1654 года подвел итоги Национально-освободительной войны украинского народа против шляхетской Польши, подтвердив автономный статус Украины в составе России. Гетман и Войско Запорожское не только получили право самоуправления на казацкой территории, но и могли вступать в дипломатические отношения с иностранными государствами – за исключением Польши и Турции. Таким был главный политический итог Национально-освободительной войны 1648–1654 годов.

В социально-экономической сфере результаты также были поразительными: селяне фактически стали вольными землевладельцами, крепостничество на территории казацкой Украины ликвидировалось *de facto* вместе с ликвидацией больших землевладений польской короны, магнатов, шляхты и католической церкви. В городах украинские купцы и ремесленники наконец получили возможность свободно заниматься своей деятельностью и участвовать в городском самоуправлении. Казацкая верхушка увеличила свои землевладения за счет конфискованных польских имений, а также подарков московского царя.

В духовной сфере открывались блестящие перспективы для развития украинского языка и культуры; православная церковь больше не знала давления со стороны католической и униатской церквей».

Современный украинский историк В. Ф. Остафийчук писал в своей работе «История Украины: современный взгляд»:

«Период с 1648 года до конца XVIII века был переломным в украинской истории и имел серьезное влияние на страны не только Восточной, но и Центральной Европы. В это время

произошла Освободительная война, а с современной точки зрения – Украинская революция XVII столетия, и сложилась государственность украинского народа. Патриотический подъем и чувство гордости после славных побед казацкого войска, участие в войне выходцев со всех украинских земель, казацкие походы, громадные переселения населения – все это способствовало возрождению украинского народа и культурной интеграции разных регионов.

В 1654 году произошло государственное объединение Украины с Россией. Войско Запорожское стало под власть российского царя, «сберегая давние права и вольности». Однако, начиная с 1654 года, велась планомерная, последовательная политика уничтожения Украины как национального государства».

Украинский народ был связан с русским народом единством религии. С 1654 года на Украине прекратились религиозные гонения, а вместе с этим и покушения на полное подавление национальной самобытности украинского народа, который спас сам себя от политической и национальной гибели. Недаром, спасаясь от польской оккупации, украинцы шли в пределы Московского царства. Богдан Хмельницкий, собственно, пошел за своим народом, который в итоге понял и принял этот политический акт гетмана. В тех исторических условиях присоединение Украины к России многие историки называют «наименьшим злом». Господство султанской Турции или шляхетской Польши над Украиной скорее всего было бы губительным для украинского народа. Украина получила союзника в борьбе с Польшей, а Россия была теперь гарантирована от польско-литовской интервенции образца начала XVII века. Огромное значение имело и сближение двух народов для их культурного развития. Биограф Богдан Хмельницкого И. Каманин писал в 1888 году:

«Присоединение Хмельницкого к Московскому государству изменяет международные отношения на юге Руси. Хан, враждуя из-за этого к запорожцам, соединяется с поляками; зато московские войска выступают на защиту Хмельницкого. Теперь, собственно, начинается борьба московского государя в защиту Малороссии. Она ведется на севере и юго-западе; Хмельницкий необходимо принимает участие в ней. Вместе с войсками

государя он выдерживает кровопролитный Дрожипольский бой под Ахматовым в 1655 году, совершает далее поход к Каменцу-Подольскому, Львову, Замостью и Люблину.

Польша была вконец ослаблена этими войнами. На нее поднимается теперь мелкие соседи, а князь семиградский, король шведский и гетман запорожский ведут в 1656 году переговоры о разделе Польши, которая ищет защиты в Москве, обещая избрать Алексея Михайловича в короли. Москва останавливает раздел и тем дает другой исход всем сложившимся тогда обстоятельствам, отдалив на столетие окончательное падение Речи Посполитой и создав для себя на все это время непрерывные столкновения с Польшей и дальнейшие смуты на Украине».

В первый период после Переяславской Рады Украина была для Московского царства отдельной державой. Даже в единственном сохранившемся источнике – «Статейном списке» боярина-посла В. Бутурлина говорилось: «Московское государство и Войска Запорожского Украина». Возможно, что и над ним поработали тогдашние дьяки-«умельцы», любившие извращать документы или хотя бы писать их так, чтобы оставалась возможность нескольких вариантов их толкования. Сам великий Богдан избегая употреблять в переговорах с Московским царством слово «Украина», использовал слова «Войско Запорожское» – возможно, для того, чтобы «не подставлять» государство, давая ему возможность маневра. Такая политика приносит сильный эффект, если преемник мощного правителя не уступает ему в харизме и профессионализме – именно в такой ситуации, в которой одновременно действуют много людей, любящих свою страну и обладающих необходимыми для этой любви чертами характера. Н. Полонская-Василенко так объясняла взаимоотношения России и Украины после 1654 года:

«Нужно иметь в виду, что слово «подданный» в XVII веке не означало «подданного» в современном понимании: так называли царей, владетелей государств, которые вступали в договорные отношения с Москвой, ища у нее протектората. Подданные в современном значении слова в XVII веке назывались «холопами» до бояр и князей включительно. С Петра I слово «холоп» заменено словом «раб», и только Екатерина II в 1786 году

заменила его термином «верноподданный».

Московские власти считали, что договор с Украиной, действовал только на время жизни Богдана Хмельницкого, и возобновляло его с каждым новым украинским гетманом, каждый раз внося изменения в свою пользу. Хмельницкому мешало выстраивать договорные отношения с Москвой и то, что присягать царю отказались несколько полковников во главе с героем войны Иваном Богуном. С другой стороны, некоторые полковники, в частности родственники И. Выговского, просили В. Бутурлина утвердить их на своих должностях минуя гетмана. Бутурлин отказался это делать, но донесение о «казацких настроениях» в Москву послал. Потом знание обстановки на Гетманской Украине было активно использовано московскими властями для достижения своих целей на Украине. Когда некоторые историки пишут о неверном – московском – выборе Богдана Хмельницкого, они не учитывают такое важное, в такой ситуации, понятие, как «человеческий фактор» – личности гетманов, сменивших великого Богдана. Московские власти брали только то, что им давали брать, хотя и создавали для этого «соответствующую обстановку».

Весной 1654 года польские войска вошли на Подолье, устроив на украинских землях страшную резню. Подошедшие казацкие полки отбросили жолнеров. Объединенное русско-украинское войско успешно воевало в белорусских землях – у поляков отобрали Смоленск, Оршу, Минск, Могилев, жители которых сами открывали ворота казакам. В это время польское войско опять напало на Подолье – у Умани их опять остановили казаки И. Богуна, на помощь которому вышли войска и царское войско В. Бутурлина.

В январе 1655 года недалеко от города Ахматова на Дрожиполье произошло кровопролитнейшее сражение, начавшееся ночью в лютый мороз. Ненависть сражающихся была так велика, что дрались оглоблями и пленных не брали.

Бой начался с нападения поляков Станислава Потоцкого и татар Ислам-Гирея на казаков и стрельцов и сразу превратился в ожесточеннейшую резню. Историк Д. Бантыш-Каменский писал: «Целые два дня продолжалась жестокая сеча, прекращаемая только на время ночью. Кровь человеческая текла ручьями. Летописцы украинские повествуют, что убитые с обеих сторон составляли высокий вал около всего казацкого стана». Потери убитыми составили около 15 000 человек. Сражение

окончилось ничем – Хмельницкий отошел к Белой Церкви, а поляки покинули Украину. Их больше не поддерживал Ислам-Гирей, которой вернулся в Крым и скоро умер.

15 сентября 1655 года объединенное русско-украинское войско Хмельницкого, Бутурлина и Ромодановского при Слободородке разгромило польскую армию С. Понятовского.

Галичина была взята Хмельницким до Люблина. Львов, два месяца бывший в осаде, откупился – гетман, извещенный о нападении на Приднепровье нового крымского хана Мухаммед-Гирея, вернулся, и близ урочища Озерная Стрелка русские и украинские полки остановили татарскую орду. Сохранилось предание о встрече крымского хана и гетмана после боя. Хан угрожал Хмельницкому объединенным татарским нашествием. Богдан Хмельницкий ответил: «Ужели ты думаешь, хан, утратить меня подобно малоумному хлопцу. Война подобно обоюдоострому мечу, снисканное Батыем, потеряно Мамаем».

В части белорусских земель было введено гетманское правление, образован Гомельский полк, во главе которого после гибели наказного атамана Ивана Золотаренко встал Иван Нечай. В то время на Польшу напали войска шведского короля Карла-Густава. На Речь Посполитую надвигался Потоп – так сами поляки называли этот трагический период в истории Польши.

Богдан Хмельницкий «разболелся» в 1657 году. Историк А. Кузмин писал:

«Хмельницкий, измученный войнами и непрерывными десятилетними походами, а также многими огорчениями, заболел и почувствовал приближение смерти. В мае 1657 года была собрана рада, на которой он простился с народом, прося его свято хранить единение между собой, благодарил за все оказанные ему почести и предложил еще при жизни его избрать нового гетмана, которому он мог бы дать нужные советы и открыть тайны управления Украиной. Народ, прощаясь с любимым батько, плакал навзрыд».

Незадолго до этого, в 1656 году в Вильно Московское царство и Речь Посполитая подписали перемирие в военных действиях – без участия украинцев. Б. Хмельницкий, сразу же начавший переговоры со Швецией о возможном протекторате, писал царю Алексею Михайловичу:

«Шведы – люди честные: пообещав дружбу и союз, они держат слово. А царь, подписав перемирие с поляками, и имея намерение вернуть нас в их руки, поступил с нами бессердечно».

Польская Корона и Московское царство в сентябре 1656 года «делили» украинские земли, так, как будто бы там никто не жил. Часть территорий «получила» Москва, часть – Польская Корона. Историк Н. Березин писал:

«Хотя войны, последовавшие за вмешательством Москвы в малорусские дела и внутренние смуты на самой Украине, не прекращались, как не прекращались нашествия татар и турок и борьба с Польшей, тем не менее в это время малорусский народ, избавившись от тяжкого ига панов, быстро оправился от перенесенного разорения. Вскоре по договору с Польшей Левобережная Украина, в которую народ не переставал бежать на «вольные земли» с правой стороны Днепра, вошла в состав Московского государства, в то время как Правобережная явилась предметом раздора между Польшей, Турцией и собственными гетманами».

Именно с 1656 года пошло «политическое» разделение украинских земель на Левобережную и Правобережную Украину. Богдан Хмельницкий попытался создать новую антипольскую коалицию, чтобы сохранить территориальную целостность Украины. Великий гетман не успел – Богдан Хмельницкий умер в пять часов утра 27 июля 1657 года в Чигирине и был похоронен в Субботове – «множество людей, а больше всего казаков плакали много над гробом вождя своего».

«То не ветры осенние бушевали в дубраве;
то плакали неутешно и рыдали казаки,
погребая батька своего старого Хмельницкого».

Гетман был женат трижды, после его смерти остались жена Анна, сын Юрий, дочь Елена, вышедшая замуж за брата войскового писаря Данилу Выговского, и дочь Степанида, жена полковника Ивана Нечая.

О Богдане Хмельницком много писали почти все выдающиеся историки. М. Грушевский подвел итог его государственной деятельности:

«Великое народное движение, поднятое Хмельницким, сообщило новый строй всей Восточной Украине – Гетманщине. Казацкая военная организация уже в первых десятилетиях XVII века постепенно оседала и прикреплялась к земле, по мере того, как все большее число оседлого и хозяйственного крестьянского и мещанского населения отдавалось под казачий присуд и записывалось в войско. Разделение казачьего войска на полки переходило в разделение оказаченной территории на полковые округа.

Восстание Хмельницкого надолго устранило из обширных пространств Восточной Украины всякую иную власть – остались только выборные городские магистраты, остались монастырские поместья, вне этого было только свободные, в значительной степени оказаченное население. Те, кто не присоединялся к казакам, записывались в мещане, безразлично, жили они в городах или в селениях, и с них собирались различные доходы в казачью войсковую казну. Казачье население податей не платило и только отбывало военную службу.

Полковник был начальником своего полкового округа; полковая старшина, постепенно слагавшаяся по образцу генеральной – полковой обозный, судья, есаул, писарь – составляла совет при полковнике по всем делам своего полка; сотник управлял своим сотенным округом; казачьими общинами заведовали атаманы. Собственно говоря, с этими военными должностями была связана власть только над казачьим населением, но в действительности к ним перешла общая власть над всем населением.

Гетман сделался повелителем всей страны, главой украинского правительства, и все, что было на Украине, должно было ему повиноваться. Но гетман был главой военной казацкой организации, значит, и областные ее представители – полковники – должны были получать значение власти всеобщей, всеобщей. Военный штаб гетмана занимает место кабинета министров, украинского правительства. Генеральная старшина: обозный, судья, есаул, писарь – становятся советом министров при гетмане и решают все дела общегосударственного характера. «Рада» старшин – Генеральной старшины и полковников, и общая «войсковая рада» всего казачества собираются для важнейших дел и вершат судьбу страны.

Не сразу можно было искоренить старые взгляды, созданные всей предыдущей историей казачества, что центр казацкой жизни и строя – это Запорожье, Сечь, и что оттуда должны исходить и выбор гетмана, и общее направление всей украинской политики. В новых условиях центром украинской жизни делается гетманская резиденция, где сосредотачивается высшая казацкая старшина, где решаются всякого рода дела в войсковом суде и в генеральной войсковой канцелярии.

Казачья старшина, имея в своих руках власть и управление и заняв в этом смысле место шляхты, была расположена идти по следам последней и в общественно-экономической сфере: владеть землями, основывать села и заводить подданных».

Орест Субтельный подводил итоги деятельности Богдана Хмельницкого:

«Трудно переоценить то влияние, которое оказал на течение украинской истории Богдан Хмельницкий. Украинские, российские и польские историки связывают его достижения с достижениями таких гигантов XVII столетия, как Оливер Кромвель в Англии и Валенштайн в Богемии. В исследованиях, посвященных гетману и его эпохе, часто пишут о его умении достигать очень многого, имея так мало.

Независимо от научных оценок, украинский народ всегда проявлял любовь к «батьке Богдану». У огромного большинства украинцев, начиная с того периода до сегодняшнего дня, Хмельницкий остается великим освободителем, героем, который силой своей личности и ума поднял их из многовекового паралича бездеятельности и безнадежности и вывел на дорогу национального и социально-экономического освобождения».

Историк В. Ф. Остафийчук писал о эпохе великого гетмана:

«Несмотря на просчеты и неудачи, деятельность Б. Хмельницкого является уникальным явлением не только в украинской, но и в мировой истории. Именно Б. Хмельницкому принадлежит огромная заслуга в возрождении Украинского государства, которое после падения первой украинской государственности времен Киевской Руси и Галицко-Волынского

княжества почти триста лет находилась в составе других стран и, казалось, потеряла все государственно-политические идеалы. Хмельницкий способствовал пробуждению национально-политической идентичности украинского народа, что имело решающее значение для создания украинской казацкой державы. Послы могущественных государств хорошо знали дорогу к скромному казацкому городу Чигирину, который стал центром, где решалась судьба Восточной Европы, центром европейской жизни.

Поэтому Б. Хмельницкий всегда оставался символом борьбы за свободу, независимость и территориальную целостность своей Отчизны. Сформулированная им национальная идея стала неписанным завещанием для последующих поколений народа Украины. И сегодня пророчески звучат слова первого президента Украины – М. Грушевского – о том, что гетман Хмельницкий «останется героем украинской истории навсегда».

Сохранилось описание гетмана Богдана Хмельницкого, сделанное венецианским послом в Чигирине в 1650 году:

«Роста скорее высокого, широкий в кости, величественный. Его правление показывает зрелый и тонкий ум. Хотя и случается ему погулять, но дела он не бросает. Кажется, что в нем живут две натуры – одна деятельная, твердая, решительная, другая – сонная, утомленная, мечтательная. В поведении ласковый, простой и тем привлекает любовь воинов, которых он держит в повиновении железной дисциплиной».

Гетманство Хмельницкого открыло новую эпоху в истории Украины, одну из важнейших. Однако впереди было еще много лет борьбы и войн, прежде чем пришел период относительного покоя и столетия до образования суверенного государства. А Богдан Хмельницкий – оставил после себя созданную им и украинским народом независимую казацкую державу. Великий Григорий Сковорода писал через столетие о великом гетмане:

«Будь славен во век, о муже избраннее,
Вольности отче, герою Богдане!»

Время после Богдана Хмельницкого

За несколько месяцев до смерти Хмельницкий, на собрании старшин, просил выбрать гетманом своего сына, пятнадцатилетнего Юрия. Очевидно, Богдан хотел обеспечить Украине систему правления лучшую, нежели в Польше, где король практически был полностью зависимым от шляхты. С больным гетманом не стали спорить, и после его смерти Юрий около месяца был главой Гетманщины, но старшина уговорила подростка оставить гетманство и выбрала правителем войскового писаря Ивана Выговского.

Новый гетман происходил из овручской шляхты. Его отец Остап-Евстафий был наместником Киевского замка у воеводы Адама Киселя, владельцем имения Гоголево. Иван закончил Киево-Могилянскую академию, служил в польской армии в чине поручика, позже стал наместником луцкого подстароства, где служил в 1629–1636 годах. Тогда же Иван Выговский женился на княжне Солемирецкой. После разгрома польской армии под Желтыми Водами раненый Выговский был выкуплен Хмельницким у татар и до смерти гетмана оставался одним из его ближайших помощников, проявив, в частности, незаурядный дипломатический талант. Выговский организовал большую канцелярию и собрал в ней ряд талантливых сотрудников – должность войскового писаря стала главной, ведущей в генеральной старшине. Выговский имел большое влияние на Богдана Хмельницкого, который считался с ним, его предложениями. Когда хотели что-то решить или попросить у гетмана, посредником выбирали Выговского, который имел много сторонников.

После смерти Богдана Хмельницкого Речь Посполитая активизировала свои действия по новому порабощению Украины. Перед Иваном Выговским стояла сложнейшая задача – сохранить и приумножить сделанное великим Богданом для украинского народа.

Сохранилось описание нового гетмана – высокого роста, с большим носом, с аккуратной бородкой, спокойного характера, скрытный. Иван Выговский был также сторонником независимости Украины, но пути достижения этой цели у него были свои. Как стратег Выговский был намного слабее Хмельницкого – и проиграл. Именно после его правления Украину стали называть Малороссией. О. Субтельный писал:

«Выговский был одним из умнейших и образованнейших казацких предводителей. Во внешней политике он склонялся к основанию независимого украинского княжества. Однако Украина была еще слабой для того, чтобы сделать такой шаг, потому Выговский сосредоточился на поисках противовесов московским влияниям на Украине. С этой целью он усилил контакт с Польшей».

Основой нового украинского государства новый гетман считал казацкую старшину, шляхту и высшее духовенство. Эти три кита новой власти были связаны между собой экономическим положением, социальными интересами, культурой, постепенно сливались в единое общество. Казацкая старшина начала отделяться от остального казачества, она получила земли и сама собирала налоги, вела большое хозяйство, получала новые владения и практически слилась с остатками старой шляхты, став новым сословием, имевшим политическую и экономическую власть. Высшее духовенство также не хотело подчиняться московской церковной иерархии, считая, в частности, себя наследниками церкви Киевской Руси и более древним церковным образованием, нежели московское.

Главным советником гетмана Выговского стал Юрий Немирич, учившийся в Оксфорде и Кембридже. Новым митрополитом был выбран Дионисий Балабан, противник Москвы, ее методов управления и власти. Иван Выговский сделал ставку на аристократию и в итоге потерял гетманскую власть. Получая гетманскую булаву, он сказал: «Эта булава будет честному в помощь, плохому на кару. Никому в войске я потакать не буду – Войско Запорожское не может быть без страху».

Иван Выговский заключил договор со Швецией, снова договорился с крымским ханом о союзе, вел переговоры с Турцией, заключил перемирие с Польшей. Московскому послу он гордо заявил: «Пусть Великороссия будет Великороссией, Украина Украиной – мы есть войско непобедимое!» Талантливый дипломат умел говорить красиво, но этого было мало. Опора только на новую аристократию себя не оправдала. Раздел почти единого украинского общества на «высших и чернь» привел к народному восстанию во главе с Полтавским и Миргородским полками, поддержанными запорожцами, которых в 1657 году даже не пригласили в Чигирин на выборы нового гетмана.

В Москву были отправлены донесения запорожского атамана Якова Барабаша и полтавского полковника Мартына Пушкаря, обвинивших

Выговского в намерении вернуть Украину в состав Речи Посполитой. Московское правительство, как всегда, проводило двуличную политику – бояре начали проведение «комплекса мероприятий по расколу украинского общества», делая это, по обыкновению, очень неуклюже и непрофессионально.

Впрочем, Украина и сама уже разделилась на два лагеря – почти вся старшина не хотела московского абсолютизма и склонялась к союзу и неизбежному подчинению Польше; казачество, мещане и крестьянство были против возврата польской власти, издевательств шляхты, панщины, религиозных утеснений.

Полтавщина почти не была разорена Освободительной войной, там не было разрухи, экономика успешно развивалась, население практически не знало голода и грабежей. На юге и востоке Полтавщины бурно осваивались новые земли, появлялись новые города, местечки, села, население чувствовало себя свободно и независимо. Выговский стал давать полтавские земли своей старшине, новая шляхта пошла на Полтавщину и, как и на всей Украине, обложила посполство большой данью и повинностями, вплоть до введения крепостничества. Население поднялось против новых панов – началось восстание, лозунгами которого стали возвращение казацких вольностей, свободная охота и рыбная ловля, свободное «варение горилки», выбор гетмана Черной радой.

Выговский блокировал Полтавщину и Запорожье верными ему войсками, не желая расширения восстания. Первое боевое столкновение в феврале 1658 года закончилось победой полтавцев и запорожцев. Выговский позвал на помощь татар – против своего народа, прекрасно зная, как ведет себя орда с украинским населением! Несколько недель бои велись под Полтавой, которую не могли взять до середины июня. В кровопролитных боях погиб полтавский полковник М. Пушкарь и тысячи украинских казаков с обеих сторон – слава Богу, что Богдан Великий этого уже не видел! Выговский казнил запорожского кошевого Балабана и разрешил татарам грабить украинское население, что они и сделали. Иван Выговский думал, что победил, но это было началом его конца – правителю Украины нельзя безнаказанно уничтожать собственный свободолюбивый народ. Украинец потому и украинец, что у него всегда на боку сабля, даже если ее там нет.

После Полтавской победы гетман решил, что сможет разорвать союз с Московским царством. Немирич в манифестах, разосланных по всей

Украине, обвинял московское правительство в соглашении с Польшей и вмешательстве в украинскую политическую жизнь:

«Так обнаруживается хитрость и обман тех, кто сперва посредством внутренней междоусобной войны, а затем и открыто своим собственным оружием уготовили нам ярмо неволи, без всякого повода с нашей стороны. Свидетельствуя о своей невинности и призывая на помощь Бога, мы вынуждены для сохранения своей свободы прибегнуть к законной защите, чтобы сбросить с себя это иго и искать для этого помощи у своих соседей. Таким образом, не на нас падет вина этой разгорающейся войны. Мы были и остаемся верными великому князю и против воли своей беремся за оружие».

16 сентября 1658 года в Гадяче был подписан польско-литовско-украинский договор – Польша, Литва и Украина создают федерацию равноправных государств, к которой может присоединиться и Россия. В состав Украины, получившей название «Великое княжество Русское» с князем Иваном Выговским, должны были войти воеводства Киевское, Брацлавское и Черниговское, и сама Украина в качестве автономии возвращалась под верховную власть Польши. В Украине работают свои министры, находится казна, чеканится монета – по образу Великого княжества Литовского. Законодательная власть на Украине должна принадлежать Национальному собранию, исполнительная – гетману, которого выбирает все население и утверждает король Польши. Войско Украины должно составлять 30 000 воинов и 10 000 наемников. Польские войска не имеют права переходить украинскую границу, а если переходят – подчиняются гетману. Римско-католическая и православная религии признаются равноправными. На украинских землях основывается два университета, другие учебные заведения, типографии. Гадячский трактат сохранился:

«На вечную память тем, кто живет и тем, кто будет жить потом.

Комиссия между властями Короны Польской и Великого княжества Литовского с одной стороны и вельможным гетманом и Войском Запорожским с другой стороны дня 6 сентября, года Божьего 1658 года, Бог дал, счастливо и вечно закончила.

Таким способом постановили мы вечный, который никогда нельзя разорвать, мир.

Религия греческая стародавняя, да и та, с которой стародавняя Русь присоединились к Короне Польской, чтобы оставалась при своих прерогативах и там, куда язык русского народа достигает.

Академию Киевскую дозволяет Его Королевская Милость и власти коронные установить; она должна иметь прерогативы и вольности, как и Академия Краковская.

Вся Речь Посполита народов польского и Великого княжества Литовского, и Русского и провинций, которые к ним принадлежат, восстанавливается во всей полноте так, как было перед войной, то есть чтобы эти народы оставались в своих границах и свободах нерушимо, как было перед войной.

Войска Запорожского должно быть число 60 000, или как вельможный гетман укажет в реестре.

Никаких войск польских и литовских или чужеземных никто не будет вести в воеводства Киевское, Брацлавское, Черниговское.

Монетный двор для изготовления всяких денег в Киеве должен быть основан.

Объединенный совет и объединенные силы этих народов должны будут выступать против любого врага.

К великой русской булаве должно принадлежать Чигиринское староство. А гетман войск русских волен иметь резиденцию при Его Королевской Милости...»

Гадячский договор не был ни принят, ни реализован. Позднее один из тогдашних польских политиков писал:

«То, что соглашения с казаками не существуют до сих пор, то в этом не их вина, но наша, так как мы не считали их за людей. И за это покарал нас Бог, показавший, что они тоже люди, как и все другие, и наказал нашу гордость, и мы, как я думаю, потеряли больше, чем они. И мы должны были пасть, ведь они боролись за свободу, а мы за неограниченное «панування». Действительно, необходимо их признать за нацию, а не за партию.

Дадим наконец им покой, не будем плести интриги и разобщать их. Пусть будет с ними уния, такая, как литовская,

пусть другой народ не имеет с ними особых прав – никаких, ведь только через законные отношения существуют государства, а с поднятием одного народа над другим происходит разлад».

По невыполненному Гадячскому трактату Украина от Польши «получила» только автономию, а не государственное равноправие, и эта автономия распространялась только на небольшую часть украинских земель. Главная цель – объединение всех украинских территорий и государственная независимость – осталась неосуществленной. Зато московский царь, узнав о Гадячском мире, уже 24 сентября прислал на Украину свою грамоту, в которой назвал Выговского клятвопреступником и предателем, призывая украинский народ восстать против него – Иван Мазепа был не первым, кого «отметили» московские бояре.

Война Выговского и Боярской Думы началась в августе 1658 года. На московские полки Выговский повел наемников, татарскую орду и польские отряды, несколько казацких полков. Часть войск гетмана под началом его брата Данилы попытались взять Киев, в котором стоял небольшой московский гарнизон, но воевода В. Шереметьев 2–3 сентября 1658 года в кровопролитном бою отбросил нападавших.

Гетман пошел к московской границе, где стояло войско под началом боярина Ромодановского. Начавшиеся украинско-российские переговоры, на которых Москва признавала Украину на условиях Гадячского договора, окончились ничем – Выговского это уже не устраивало.

Весной 1659 года московское войско князя Трубецкого осадило Конотоп. Город взять не смогли – к Конотопу подошел гетман с казаками, татарами и поляками. После нескольких боев 8 июля 1659 года у села Сосновки произошло кровавое сражение. Московские воеводы, как обычно назначенные не по воинскому таланту, а по близости к царю, почти повторили сценарий Оршанской битвы 1514 года, в которой военачальник Великого княжества Литовского Константин Острожский во главе тридцатитысячной армии буквально разнес восьмидесятитысячную московскую армию во главе с боярином Челядниным, по своему обыкновению необоснованно презиравшего противника. Современные украинские историки В. Скляренко, В. Сядро и П. Харченко писали в работе «Конотопская битва – украинские Канны»:

«К переправе через реку у села Сосновки первыми подошли отряды Выговского, при этом большая часть татарской конницы,

отделившись от гетманского войска, переправилась через реку южнее Сосновки и зашла в тыл россиян, ожидая там разгара сражения.

Первой начала атаку московская кавалерия, ударившая в лоб казацко-татарских войск. Под натиском противника Выговский начал отступать вдоль болотистого русла реки по направлению к городищу Пустая Торговища. Это отступление частей Выговского, которое на самом деле было притворным бегством союзников, стало переломным переломным во всей битве. В запале царские войска переправились через Сосновку. В это время украинцы успели разрушить переправу и ниже ее запрудить реку, что сделало невозможным возвращение российской конницы на свои исходные позиции. Тяжелая царская кавалерия застряла в топких местах реки, «настоящих конотопах», как об этом писал один из участников событий. Отряды крымчаков во главе с ханом, улучив благоприятный момент, бросились на россиян с тыла. Московское войско оказались в западне: от Конотопа его отделяла заболоченная местность, а спереди и сзади были казаки и татары. Деморализованные ударом с тыла, россияне начали убегать и стали легкой добычей татарской конницы и казацкой пехоты.

Разгром был полный».

По данным исследователей, из пятидесятитысячной союзной армии Выговского погибли 10 000 воинов, из более чем стотысячной московской – 30 000 воинов, более 10 000 человек попали в плен. Большинство незнатных пленных, за которых нельзя было получить выкуп, были зарезаны. Иван Выговский после сражения заявил:

«Государевых людей побил не гетман, а Божья воля, так как написано: «пусть сильный не хвалится силой своей, богатый богатством своим, а мудрый мудростью своей».

Сам Трубецкой с остатками полков ушел за Сейм. Выдающийся русский историк С. Соловьев писал:

«Цвет московской конницы, совершившей удачные походы 1654–1655 годов, погиб в один день. Никогда позже московский царь не мог более вывести в поле такое сильное войско. В

траурной одежде вышел Алексей Михайлович к народу; Москву охватила тревога. Удар был тем тяжелей, что произошел совершенно неожиданно – после таких блестящих успехов! Еще недавно Долгоруков привел в Москву пленного литовского гетмана, недавно шли радостные разговоры о победах Хованского. Теперь Трубецкой, на которого надеялись больше всех, «муж благовейный и изящный, в воинстве счастливый и недругом страшный», погубил такое большое войско! По взятии городов, по взятии литовской столицы, царский город испугался, в августе по приказу царя люди всех чинов начали земляные работы по укреплению Москвы. Сам царь с боярами часто присутствовал на работах. Окрестные жители с семьями и имуществом заполнили Москву; шли слухи том, что царь собирается перебраться за Волгу в Ярославль и что Выговский наступает прямо на Москву».

Крымские татары Карач-бея смеялись над московскими послами: «Ваш царь хочет владеть запорожскими казаками. Польский король тоже этого хотел, но и свое королевство потерял. То же будет и с Московским царством, будет оно уничтожено казаками».

Украина узнала о том, что «Выговский подался к полякам». Началось народное восстание – украинцы даже не хотели слышать о Польше, войска которой Выговский размещал на Украине. На Левобережье действовали отряды наказного атамана Ивана Безпалова и полки Г. Ромодановского, запорожцы кошевого атамана Ивана Сирко напали на Крымское ханство и потом осадили гетманскую столицу Чигирин. Татары Карач-бея бросили Выговского и ушли домой, грабя и разоряя все на своем пути. Военная ситуация резко изменилась. Выговский был вынужден покинуть Левобережье. М. Грушевский писал:

«Мысль о польском господстве поднимала население, не хотевшее и слышать ничего о Польше. Польское войско, размещенное Выговским в Северщине, вызывало, по старой памяти, такую ненависть, что в здешних полках, преданных Выговскому раньше, теперь началось восстание».

Поляков, как и наемников гетмана, уничтожали повсеместно. Под Нежином был убит Юрий Немирич, автор Гадячского трактата. Против

Выговского шли почти все старые полковники Богдана Хмельницкого – Сомко, Золотаренко, Цецюра и другие. Левобережные города и местечки открывали ворота полкам Ромодановского и приносили присягу царю. На гетманство объявляли восемнадцатилетнего Юрия Хмельницкого. М. Грушевский писал:

«В первые дни сентября 1659 года сошлись и стали друг против друга под местечком Германовкой оба войска: Юрий Хмельницкий со своими сторонниками, Выговский со своими. Тут и остальные казаки покинули Выговского и перешли к Хмельницкому. Слухи, что Выговский отдает Украину обратно полякам, погубили его дело. С Выговским остались только его наемное войско и поляки. Войско собралось на раду и на ней заявило, что не желает подданства Польше, не хочет воевать с Москвой».

Ярость украинского казачества на раде около Белой Церкви 21 сентября 1659 года была такова, что Выговский покинул ее под охраной наемников и поляков, боясь за свою жизнь. На реке Узени собралась новая рада, избравшая гетманом Юрия Хмельницкого, которому по требованию казаков Иван Выговский в октябре 1659 года передал гетманские клейноды и отрекся от гетманства.

Под напором казаков и московских войск наемники и поляки Выговского отошли на Дубно, и сразу казаки вошли в Чигирин. Выговский стал польским сенатором и киевским воеводой. Он и в дальнейшем пытался участвовать в политической жизни, в 1664 году был обвинен поляками в тайных переговорах с Москвой и убит без суда и следствия. Нельзя было бороться за независимость Украины, не считаясь со своим народом, и уж тем более нельзя было это делать в союзе с Польшей.

Именно при Выговском продолжалось переселение украинцев на Левобережье. Заселение будущих Харьковщины и Сумщины происходило следующим образом.

В период Освободительной войны и Украинской революции XVII века сотник Винницкого полка Иван Фоменко привел в Сумскую область свою сотню и с разрешения московского правительства поселился на древнем городище, в пятидесяти километрах от нынешних Сум. Местечко называли Белополье – так же, как называлось казацкое население в Винницкой области. Позже «боярин» – воевода князь Григорий Ромодановский в Путивльском уезде на реке Вир построил город Белополье на старом

Вирском городище, и в том же городе, поселились из-за Днепра сотник с черкасами». Казаки на Левобережье жили по своим обычным казачьим законам. Белопольская сотня подчинялась полковнику Сумского казачьего полка.

Белопольская крепость второй половины XVII века была окружена рвом и земляным валом с деревянным острогом с башнями и пятью воротами. Высота стен доходила до десяти метров, а длина – более двух километров по периметру. В крепости было около десяти пушек, гарнизон составлял около тысячи казаков. В случае необходимости в Белопольской крепости могли укрыться жители окружающих сел. В период правления Ивана Выговского и некоторых его последователей казаков Левобережья призывали к участию в войне против Москвы, но безуспешно. Н. Березин писал:

«На левой стороне население состояло сплошь из переселившихся сюда в разное время малорусов, лично свободных, не делившихся на сословия, осевших на вальных землях, управляющихся собственными властями под высшим надзором московского правительства. И тем не менее здесь медленно и постепенно в новом, конечно, виде повторяется то же самое, что народ пережил в предшествовавшие столетия.

Понемногу масса малорусского народа стала расслаиваться. Из среды посольства, т. е. крестьян, занятых обработкой земли, и из среды казаков стали выделяться более богатые землевладельцы, которые разными путями очутились собственниками крупных имений. Хотя они не пользовались особыми правами и не составляли сословия, но по богатству, по образованию и положению в обществе естественно выделялись в высший слой, образуя как бы дворянство. Из среды этих влиятельных семей неизбежно пополнялась войсковая старшина, т. е. разные должностные лица гетманского управления. Сплошь и рядом этот верхний, господствующий слой населения соглашался пожертвовать в угоду Москве политическими правами, если это не мешало, а помогало его дальнейшему обогащению. В то же время в этой части украинского народа постепенно исчезал старый казацкий дух. От внешних врагов Левобережная Украина пользовалась защитой могущественной Москвы, народу ее не было более надобности отстаивать свою веру, иноверных и нерусских панов не было в ее среде.

Естественно, что казачество, которое питалось духом борьбы за народ против этих враждебных ему сил, становилось ненужным. Оно превращалось как бы в сословие, казаки являлись в это время чем-то вроде мелкопоместных или средней руки помещиков.

Гетманщина, то есть эпоха, протекающая от разделения Украины и до упразднения гетманов и закрепощения народа при Екатерине II, могла бы считаться самым лучшим временем в исторической жизни Украины, особенно в первое время.

Украинский народ по ту сторону Днепра не только пользовался личной свободой, но каждый, даже последний бедняк, был полновластным хозяином земли, которую он обрабатывал. Налоги и общественные повинности также не угнетали его, потому что управление было чрезвычайно просто – крестьянин не кормил панов, не содержал ни королевского двора с его пышной обстановкой, ни многочисленного войска, ни разных учреждений со множеством должностных лиц. Повинности он покрывал натурой, т. е. уделял на это скромную часть своего урожая или выполнял необходимые работы в свободное время.

Плодородная страна оживляется деятельной торговлей и промышленностью. Рядом со старыми силами возникают новые поселки, которые выдвигаются все дальше в степь на юг и восток по мере того, как эти места делаются безопасными от татар».

В самой Гетманщине 1660-х годов ситуация была запутанной и сложной. В стране начали постоянно меняться гетманы, иногда одновременно их бывало несколько. На Украину надвигалась Руина.

1657–1687-е годы в истории Украины называют Руиной. Это были страшные годы гражданской войны и интервенции, это были годы украинской Смуты. Современный украинский историк В. Губарев писал о ее причинах:

«К важнейшим объективным причинам гражданской войны следует отнести сформированную еще в период Хмельниччины очень слабую, плохо структурированную систему публичной власти, основы которой следует искать в устройстве Запорожской

Сечи. В основе этой системы лежала «казацкая демократия», на практике же все оборачивалось охлократией (власть толпы) и анархией. Власть московского царя была скорее номинальной, чем реальной, а основная масса народа – селянство – не имела никакого представительства в органах управления Гетманщины. В таких условиях внутренняя стабильность или нестабильность украинского общества целиком зависела от поведения «новой политической элиты» – казацкой старшины, в руках которой сосредоточилась реальная власть. Эта элита не была однородной.

В ней можно выделить три группировки, которые сложились в ходе Национально-освободительной войны. Первую группу представляла реестровая старшина, которая начинала Великое восстание 1648 года вместе с Хмельницким. В другой группе преобладала «показавшиеся» шляхтичи, которые присоединились к Хмельницкому уже в ходе войны. Третья старшинская группа сформировалась из бывших мещан и казацкой «голытьбы». Пока все имели общего врага – Речь Посполитую и пока был жив Богдан Хмельницкий, который умело руководил неоднородными массами повстанцев, противоречия между разными группами казацкой старшины, а также между старшиной и казацкими низами отходили на другой план. Однако когда Национально-освободительная война закончилась и умер Богдан Хмельницкий, амбиции отдельных казацких командиров, их стремление получить гетманскую булаву и захватить богатства Украины вышли на первый план. Вряд ли мы ошибемся, допустив, что не внешние обстоятельства, а собственно внутренние причины подтолкнули украинское общество к гражданской войне и поставили под сомнение само существование автономной казацкой республики.

Соседи Украины не могли не воспользоваться ее внутренней нестабильностью. Вторжение иностранных войск на территорию Гетманщины было прямым последствием этой нестабильности. Необходимо учитывать и тот факт, что казацкие группировки сами приглашали себе на помощь войска соседних государств и таким способом способствовали еще большему разгрому страны. Ни крестьянство, ни мещане, ни православное духовенство не были заинтересованы в гражданской войне. Основная часть ответственности лежит на казаках и их верхушке – старшине».

Украинская старшина уже не верила московскому правительству, не считавшемуся с украинскими интересами – но и союз, а тем более подчинение Польше, было невозможным. Украина должна была лавировать между соседями, должна была идти на уступки. Польский современник писал: «У них это самая высокая государственная правда – не быть ни под королем, ни под царем; хотят добиться этого, ссоря и пугая короля царем, а царя королем».

Трубецкой и Юрий Хмельницкий начали обсуждение договора между Украиной и Россией, который Москва подписывала с каждым новым гетманом. О. Субтельный писал:

«Трубецкой, который вернулся на Украину с новым войском, настоял на том, чтобы молодой гетман прибыл в его лагерь для пересмотра соглашения между его отцом и царем. Подчинившись, Юрий допустил первую из многих политических ошибок. Испуганный силой российского войска и угрозами Трубецкого, Юрий поверил подделанному тексту Переяславского договора 1654 года и в 1659 году подписал новый и очень невыгодный вариант документа. По новому Переяславскому пакту 1659 года российские гарнизоны располагались не только в Киеве, а и во всех больших городах. Более того, казакам запрещалось вести войны и вступать во внешние отношения без разрешения царя. Также им не разрешалось без утверждения Москвы выбирать гетманов, генеральную старшину и полковников. Молодой Юрий согласился на условия, которые пять лет назад его отец даже бы не рассматривал. Для Москвы же этот договор стал большим шагом вперед в ее постоянных действиях крепче ухватиться за Украину».

17 октября 1659 года Юрий Хмельницкий подписал новый договор между Гетманщиной и Московским царством. 19 статей Переяславского договора «образца 1659 года» значительно ограничили автономию казацкой державы:

«1. Без указу и без повеления великого государя, Его царского величества, самому гетману со всем войском Запорожским в войну никуда не ходить, и полками большими и

малыми людьми Войска Запорожского никаким окружающим государствам не помогать, и на помощь к ним людей не посылать, чтобы той помощью Войско Запорожское не уменьшалось. А если бы без гетманского ведома кто пошел самовольно, тех карать смертью.

2. Великий государь, Его царское пресветлое величество, приказал быть в своих царского величества черкасских городах: в Переяславе, в Нежине, в Чернигове, в Браสลаве, в Умани своим царского величества воеводам с ратными людьми.

3. Если какой гетман сделает какой проступок, то войску без указа царского величества самим гетмана не сменять. Также и гетману без рады и без одобрения всего простого люда в полковники и другие начальники никого не назначать.

4. Также и всех полковников и иных начальных людей обеих сторон Днепра не должен гетман казнить без посланного на суд от царского величества».

«Человеческий фактор» всегда играет в истории главную роль. Через три года после переяславского позора 1659 года неудачного сына Богдана Великого ему писали запорожцы:

«Поляки и татары далеко будут, чтобы тебя спасти. Должен благодарить Бога и про братство наше думать, чтобы тебя спасало, а не уничтожало и губило, что тебя, молокососа избрало гетманом.

Мы, низовое Запорожское войско, идем на тебя, и все украинцы, братья наши, встанут против тебя вместе с нами и захотят отомстить за многие обиды, которые от тебя имели».

Н. Полонская-Василенко писала о 1659 годе:

«Трагедия дальнейшей истории Украины была в том, что этот сфальсифицированный документ 1659 года стал единственным оригинальным текстом так называемых «Статей Богдана Хмельницкого», и его подписывали позже все гетманы».

Летом 1660 года началась война Польши и России за Украину и Беларусь. Московские войска и казаки наказного гетмана Цецюры пошли

на Галичину; охранявший южную границу от крымских татар гетман Юрий Хмельницкий двинулся на соединение с армией Шереметева. Между ними оставалось всего несколько километров, но полякам и этого хватило – жолнеры разбили Шереметева под Чудновом, а Хмельницкого под Слобожищами. Польские войска поддержала татарская орда. 17 октября 1660 года Юрий Хмельницкий подписал Чудновский трактат с поляками, который отменял Переяславский договор 1659 года и разрывал союз с Москвой. Польша и Украина должны были взаимодействовать на условиях Гадячского трактата 1658 года. Поляки, как обычно, и не подумали выполнять новые-старые договоренности, убрав из всех текстов трактатов статью о Великом княжестве Русском. Польские войска традиционно стали грабить Левобережье. Воинов Богдана Великого в строю было еще много, и против поляков поднялись казаки во главе с переяславским полковником Я. Сомко и нежинским полковником В. Золотаренко.

Левобережье не признало «союза» с Польшей, которая и не собиралась помогать Юрию Хмельницкому объединить Украину, которую грабила крымская орда. На Левобережье наказным атаманом стал Я. Сомко – казацкие полки очистили свои земли и от поляков, и от татар. Украина разделилась на две части. Началась Руина – «не было ни одной власти, на Правобережье правил один гетман, на Левобережье другой. Идея независимой Украинской державы угасала, «соседи» хозяйничали на украинских землях, как у себя дома, а сами украинские верхи накликали на себя врагов. Богатая, цветущая, вольная страна подошла к краю пропасти; на месте больших сел серели руины, на месте вспаханных полей – дикое поле».

Положение все ухудшалось. О ситуации 1662 года писал С. М. Соловьев:

«В то время, как раздоры между Сомком, Золотаренком и Брюховецким волновали восточную сторону Днепра, на западной Юрий Хмельницкий собрался с силами и, подкрепленный поляками и татарами, начал наступательное движение. 12 июня казаки западной стороны с поляками и татарами, в числе шести тысяч, напали внезапно на Сомка, стоявшего табором в трех верстах от Переяславля. Битва длилась с полудня до ночи, и Сомко отбилсЯ. К нему на выручку прислал князь Волконский из Переяславля московских ратных людей, которые и дали ему возможность отступить в Переяславль.

Хмельницкий осадил его здесь, но 8 июля Сомко с Москвою

и казаками вышел на вылазку и поразил неприятеля, который отступил к Каневу. Кременчугские казаки изменили, 23 июня впустили в город две тысячи казаков Хмельницкого, но пятьсот человек московского гарнизона вместе с мещанами отбили осаждавших. Узнав об этом, князь Ромодановский немедленно выслал к ним на помощь десять тысяч московского войска. 1 июля это войско подошло к Кременчугу и ударило на осаждавших. Кременчуг был очищен от изменников. Ромодановский с главными силами своими и с Золотаренком вступил в Переяславль, соединился здесь с Сомком и 16 июля напал на таборы Хмельницкого, который потерпел совершенное поражение. Канев и Черкассы были заняты царскими войсками».

В 1663 году Юрий Хмельницкий наконец отрекся от гетманства и ушел в монастырь. Правобережье выбрало гетманом Павла Тетерю, Левобережье – Ивана Брюховецкого.

Киевский шляхтич Павел Тетеря получил хорошее образование. Из Владимира-на-Вольни в 1648 году он перешел к Б. Хмельницкому и дослужился до чина переяславского полковника. Дважды по поручению Богдана Хмельницкого П. Тетеря ездил послом в Москву. В 1661 году при поддержке поляков он стал в старшине Юрия Хмельницкого генеральным писарем. Решительный сторонник Польши, П. Тетеря был женат на дочери Хмельницкого Елене. В письмах он называл Украину «польской провинцией», короля – «господином Украины». На Правобережье расположились польские гарнизоны.

На Левобережье вражда полковников Я. Сомко и В. Золотаренко привела к власти Ивана Брюховецкого, «полуляха», служившего «на дворе» Богдана Хмельницкого, а в 1660 году ставшего кошевым атаманом Запорожской Сечи. Он писал об украинской старшине – «они хотят быть гетманами над запорожским войском и завидуют нашей степной саламате, – мы с ними поменяемся на их городскую кашу, пусть попробуют, какая сладкая степная саламата».

Иван Брюховецкий был решительным врагом Польши. 26 июня 1663 года при его избрании на Черной раде в Нежине, где одинаковые голоса имели и казаки, и посполитые, погибли и Я. Сомко и В. Золотаренко. М. Грушевский писал об этих событиях:

«В Левобережной Украине спорили из-за булавы Сомко и Золотаренко, и все время созывали рады, так как тот из них, кому не удалось быть избранным, опротестовывал раду и добивался новой. Московское правительство водило их обоих, а между тем выдвигался новый кандидат на булаву и делался все более опасным конкурентом.

Это был Иван Брюховецкий, запорожский кошевой. Он выступает как представитель Запорожской Сечи, противник старшины, в духе Пушкаря и Барабаша. Уже осенью 1659 года, сделавшись кошевым, он принимает небывалый титул, «кошевого гетмана». Играя на запорожских амбициях, он пропагандирует мысль, что булава по старым порядкам должна быть в руках Сечи, а запорожцы должны иметь первый голос при выборе гетмана. Вместе с тем в тон Запорожью, где собирался, главным образом, люд неимущий и неродовитый, он выступал против богачей-старшин и противопоставляя им себя как носителя настоящих запорожских кандидатов.

Против старшины боролся он не по-рыцарски, а доносами в Москву, несправедливо обвиняя противника в измене, а одновременно своей агитацией против старшины он рыл опасную пропасть в украинских отношениях, в интересах московской политики и во вред украинской жизни. Перед московскими кругами он заявлял себя человеком наиболее податливым для московских планов и этим подкапывался под главного противника своего – Сомка. Увидев грозящую опасность Золотаренко в последний момент соединился с Сомком – но было уже поздно».

Ни П. Тетеря, ни И. Брюховецкий не хотели уступать друг другу. Тетеря уговорил польского короля Яна Казимира, чтобы тот организовал польский поход на Левобережье и вернул земли, которыми до Богдана Хмельницкого владела Польша.

Осенью 1663 года королевское войско перешло Днепр. Поляки не взяли ни Киева, ни Переяславля, а были остановлены у Глухова и были вынуждены вернуться на Правобережье. Тетеря был разбит и вскоре ушел с политической арены. Однако Брюховецкому не удалось укрепиться на Правобережье.

Поляки по подозрению в возбуждении антипольского восстания

расстреляли И. Выговского. Они казнили и выдающегося казацкого полководца – Ивана Богуну.

Киевский шляхтич Иван Богун во время Украинской революции 1648–1654 годов стал уманским полковником, участвовал во всех битвах Богдана Хмельницкого, под Збаражем был тяжело ранен, в 1651 году прославился при обороне Винницы, под Берестечком спас казаков от полного разгрома, в 1653 году дрался с С. Чарнецким под Монастырищем. В 1654 году Иван Богун был противником договора с Москвой, на Переяславской раде не был и царю не присягал. Он не подписал и Переяславский договор Юрия Хмельницкого 1659 года. Поляки арестовали его и посадили в Мальборгскую тюрьму. Тетеря освободил его с условием участия Богуну в походе на Левобережье. Города без боя открывали перед ним ворота. Поляки обвинили Ивана Богуну в переговорах с Брюховецким и москвичами. 27 февраля 1664 года под Новгород-Северским выдающийся казацкий деятель, борец за независимость Украины был расстрелян. О. Сублинский писал:

«Желая отомстить землям, которые стали колыбелью восстания 1648 года, поляки везде жгли, грабили, издевались. Польский магнат Стефан Чарнецкий даже приказал раскопать могилу Богдана Хмельницкого и разбросать его останки. По требованию Тетери поляки арестовали и расстреляли Выговского как его потенциального соперника. Юрия Хмельницкого вытащили из монастырской кельи и кинули в польскую тюрьму. Теперь стало абсолютно очевидно, что всякое соглашение между украинцами и поляками стало практически невозможным, как бы ни выгодно звучали аргументы в его пользу».

На короткое время гетманом на Правобережье объявил себя сотник Опара, как вассал крымского хана, но был выдан полякам и казнен.

При помощи татар гетманом на Правобережье стал Петр Дорошенко, правивший до 1676 года. Казаки признали его в августе 1665 года. Внук гетмана Михаила Дорошенко, полковник Черкасского полка, соратник Богдана Хмельницкого, он ставил своей целью объединение Украины и освобождение ее от польской и московской власти с помощью Крымского ханства и Турции. После украинско-турецких переговоров Дорошенко признал турецкого султана своим верховным повелителем, который ему обещал помощь в освобождение Украины, даже приказал крымскому хану

помогать новому гетману. Дорошенко очистил Правобережье от поляков, уничтожил московского сторонника брацлавского полковника Дрозда, планировал объединение Правобережья и Левобережья.

Тогда левобережный гетман И. Брюховецкий поехал за помощью в Москву. Еще в 1663 году в Батурине он подписал новый гетманский договор с Москвой. Теперь в самой Москве он нанес еще один удар украинской государственности. Во главе пышной свиты из полутысячи человек, с генеральным писарем, обозным, судьей, есаулами, полковниками, старшинами, делегатами казаков, мещан, духовенства, в сентябре 1665 года И. Брюховецкий въехал в Москву. Гетмана торжественно принял царь. Обеды, приемы, почести продолжались почти четыре месяца. Брюховецкий принял титул боярина и женился на боярской дочери. Многим из старшины были даны дворянские звания. 1 ноября И. Брюховецкий подписал новый гетманско-царский договор, так называемые «Московские статьи», увеличившие количество московских воевод на Украине и обязывавшие собирать на царя подати с крестьян и мещан, содержать московские полки на территории Украины:

«1. Малороссия, для охранения в ней должного порядку, прежними гетманами нарушенного, имеет поступить в совершенное подданство Его Царского Пресветлого Величества, и с тамошних жителей, кроме казаков, собираемы будут в казну всякие доходы.

2. Гетману и старшинам малороссийским судить и наказывать казаков по прежним войсковым правам и обычаям, а российским начальным людям в их расправу не вступаться.

3. Каждый новоизбираемый из Запорожского войска гетман обязан являться в Москву для получения гетманских клейнод. Гадячу с принадлежностями состоять при гетманской булаве.

4. В Киеве, для большей верности, быть российскому митрополиту. О сей статье государь хотел писать к цареградскому патриарху.

5. Воеводам российским, имеющим находиться с войском в Киеве, Переяславе, Чернигове, Нежине, Полтаве и других городах, по требованию гетманскому и полковников, вспомоществовать им ратными людьми, без всяких отговорок.

6. Государевым ратным людям запрещается давать фальшивую монету малороссиянам.

7. Гетману, без воли государевой, с чужими землями не

ссылаться.

8. На право Магдебургское последует от государя выдача жалованной грамоты, согласно их преимуществам».

Историк Д. Бантыш-Каменский писал:

«Выгодна была для Брюховецкого поездка в Москву, но в Малороссии ожидала его ненависть народа, который не мог простить своему повелителю сделанного им в Украине значительного переворота».

В Украинские города вошли московские войска, содержать которые было обязано местное население. Начались ссоры и недоразумения между воеводами и полковниками, конфликт солдат и стрельцов с мещанами и крестьянами. Приехали московские переписчики, установившие невиданные на Украине налоги. Начались народные волнения, восстания против и старшин и против воевод. Недовольно было и духовенство, категорически отказавшееся принимать московского митрополита. Левобережье еле терпело власть И. Брюховецкого.

На Правобережье П. Дорошенко пытался строить казацкую державу. Часто собирались казацкие рады, где участвовали все казаки, от рядовых до старшин, решая проблемы государственной важности. Сам Дорошенко создал двадцатитысячное наемное войско – сердюков, которые подчинялись только ему. Во время восстания против короля в Польше в 1666 году П. Дорошенко с помощью татар разбил польское войско Маховского у Брацлава – польские историки сравнивали этот разгром с разгромом польской армии под Желтыми Водами. Два войска – украинское и польское – сошлись в Галичине, но шляхта договорилась с татарами и боя не случилось.

В 1667 году Москва и Польша в селе Андрусово заключили долгое перемирие, которое закрепило деление Украины на две части, нарушив и Переяславский договор 1654 года. Одной из причин подписания перемирия многие историки почему-то посчитали переход П. Дорошенко в вассальную зависимость к турецкому султану – в 1666 году. В. Ключевский писал:

«Москва и Польша, казалось готовы выпить друг у друга последние капли крови. Их выручил враг обеих гетман Дорошенко, поддавшись с Правобережной Украины султану. Ввиду грозного общего врага Андрусовское перемирие 1667 года положило конец войне».

По Андрусовскому договору Левобережье Украины, Северская земля и Смоленск отходили к Москве, Правобережье Украины – к Польше; Запорожская Сечь попадала под протекторат обеих держав. В. Ф. Остафийчук писал:

«Без украинских представителей Украину поделили на две части. Андрусовский договор был последним гвоздем в гроб Переяславского соглашения 1654 года, по которому царь обязывался защищать Украину от поляков. С этого времени общественно-политическое развитие этих частей Украины проходило отдельно.

Это создало большие проблемы на пути консолидации украинских земель в границах независимого национального государства. На долгое время затормозился и деформировался процесс развития украинской нации, языка, культуры».

Известие о расколе Украины вызвало восстание. В феврале 1668 года в столице И. Брюховецкого Гадяче и в других левобережных городах казаки потребовали вывода московских гарнизонов, что и было сделано. И. Брюховецкий издал универсал, в котором говорилось об уходе «от московской руки» в связи с тем, что Москва и Польша «решили Украину, отчизну нашу милую, разрушить, опустошить и в ничто обратить». Но было уже поздно – время И. Брюховецкого кончилось, пора было ответить за подписанные в 1665 году «Московские статьи».

Рада, проведенная на Правобережье, также решила не признавать власть Польши и Москвы, а подчиниться Турции. П. Дорошенко с полками переправился через Днепр и пошел на Брюховецкого. Казаки Левобережья переходили к Дорошенко.

Оба войска сошлись на Полтавщине, у города Опошни. Начались переговоры, на которых старшина почти в полном составе поддержала П. Дорошенко. На Брюховецкого бросились казаки, привели его в лагерь Дорошенко, где и убили. Петр Дорошенко на общей Раде был

провозглашен гетманом всей Украины.

На украинские земли вошли польские и московские войска. П. Дорошенко вернулся на Правобережье, а на левом берегу Днепра вместо него остался черниговский полковник Демьян Многогрешный, назначенный наказным атаманом.

Против П. Дорошенко выступили и запорожцы, выставив своего претендента на гетманство Петра Суховея, которого тут же признало Крымское ханство. Год Дорошенко боролся с Суховеем, потом – с признанным Польшей гетманом М. Ханенко. Дорошенко уже было не до Левобережья. Ему на помощь пришли турецкие войска – началась долгая война Правобережья Украины и Польши. М. Грушевский писал:

«После отъезда Дорошенко в Чигирин Ромодановский с московским войском опять вступил в Северщину. Все, что тяготело к Москве или боялось сопротивляться ей, стало склоняться на ее сторону. От Дорошенко не было помощи, и Многогрешный, выждав еще некоторое время, в конце концов известил Ромодановского о своей согласии и был избран гетманом на раде старшин, где решено было признать власть московского государя, но обеспечить при этом украинскую автономию. Все это были хорошие слова, но поздно было говорить их, уже поддавшись. Можно было торговаться с Москвой, держась заодно с Дорошенко. Теперь же московские политики, убедившись в возможности добиться уступок, ничего уже не хотели выпускать и начали тянуть, пока не поставили на своем».

Д. Многогрешный перешел на сторону Москвы и в 1669 году в Глухове был избран гетманом Левобережья, где подписал гетмано-царские «Глуховские статьи»:

«Его Величество не только прощает все измены малороссийского народа, но предает их вечному забвению, обещает впредь содержать малороссиян в царском своем призрении и милости.

Подтверждает пожалованные им при гетмане Богдане Хмельницком права и вольности.

А подати, которые должны идти на него, великого государя, в

казну, то чтоб те подати поручить собирать гетману, а он приставит для этого верных людей. А учинить бы собиранье этих податей тогда, когда на Украине возобновятся прежние достатки.

Чтобы, как при Богдане Хмельницком, войску реестровому, которое будет всегда на службе, было Царского величества милостивое жалованье и плата из его царской казны.

А сколько в каком полку будет казаков, то для этого провести реестр, а казаки могут быть только реестровые; а в реестр записывать бы казаков старых, которые долгую службу служили. А если старых казаков в полках на тридцать тысяч хватит, то в это число принимать в казаки мещанских и селянских детей. А на Войско Запорожское установить налоги со всех имений без исключений, чьи бы они не были, кроме монастырей.

Чтобы дозволено было гетманам от соседних государств всякие присланные письма принимать и прочитывать, а прочитав, к великому государю отсылать и от себя бы им к ним не писать.

В дозволении переписываться с соседними государствами отказано.

Многогрешному разрешено иметь пребывание в Батурине».

Московские стрельцы вели себя на Украине как в завоеванной стране. Единственный пункт в «Глуховских статьяx», в котором «Его царское величество» пошел навстречу казакам, касался вывода стрелецких гарнизонов из многих украинских городов – их было за что выводить:

«Царские ратные люди вместо обороны причинили нам еще больший вред и пакости. В наших городах они докучали бедным людям частными злодействами, поджогами и убийствами и разными муками; они к нашим обычаям не привыкли. Настоятельно просим, чтобы великий царь приказал своих людей из наших городов вывести, а в казну подати мы сами будем давать через своих людей, которых войско выберет».

Еще со времен Ивана Грозного московские стрельцы обесчестили себя издевательствами над мирным населением, беззащитными людьми. Исследователи говорят о том, что целые белорусские деревни в XVI–XVII веках оставались без мужского населения – там проходили стрельцы, которые убивали мужчин, чтобы те не мешали издеваться над женщинами.

Через день стрельцы уходили, а в изуродованных деревнях десятилетиями стоял молчаливый вой.

Учитывая недовольство на Украине, царское правительство в «Глуховских статьях» уменьшило количество воевод, а вместе с тем разрешено иметь гетману наемное войско, которое предназначалось для борьбы против крестьянских восстаний. Казачья столица была перенесена в Батурин. Новый гетман, правивший четыре года, не ладил со старшиной, но царское правительство его поддерживало, тем более, что он оказал ему большие услуги при подавлении восстания Степана Разина, которое охватило значительную часть Слободской Украины. Впрочем, этих услуг на всю жизнь Демьяна Многогрешного не хватило – хорошо, что гетмана в итоге не казнили, а только сослали.

Имея против себя и Правобережья два сильных государства, Петр Дорошенко позвал на помощь турок – на следующих условиях:

«Запорожское войско обязывается воевать с врагами Блистательной Порты.

Порта взаимно обязана вспомоществовать Запорожскому войску: крымскими, ногайскими, буджакскими и другими татарами.

Гетман получит от султана знамя и булаву.

Запорожцы имеют быть свободны от всяческих податей и налогов, и предводитель их Петр Дорошенко да сохранит по свою смерть гетманское достоинство.

Вспомогательное турецкое или татарское войско не должно разорять Божии храмы и казацкие имения, также брать в плен тамошних жителей.

Духовенство имеет быть под управлением своего митрополита. Оттоманская Порта и хан крымский без согласия и предварительно сношения с гетманом и войском Запорожским да не приступят к миру и не начнут брани с королем польским и царем московским.

Когда Запорожское войско, с помощью турецкого овладеет каким-либо городом или местечком, оные имеют оставаться за гетманом и войском Запорожским».

П. Дорошенко фактически скрывал свой договор с Турцией от

населения. В 1671 году турецкий султан Магомет IV со стотысячной армией и пятнадцатитысячный корпус Дорошенко пошли на Польшу. Турки взяли Каменец-Подольский, а казаки Дорошенко с татарами выгнали польские отряды из Правобережья. 7 октября 1672 года был подписан Бучачский договор, по которому Правобережье под властью Дорошенко переходило к Турции. Подолия и часть Галичины фактически стали турецкой провинцией. Турки переделывали церкви в мечети, грабили население, брали пленных и уводили в Турцию. Народ обвинял Дорошенко в своих бедах, союз с «ненавистными басурманами» уничтожал популярность гетмана и лишал его поддержки народа. Границей Украины Дорошенко обозначал Перемышль и Ярослав, когда-то до них доходила «держава русская и этих границ тоже должна достичь украинская держава». Лозунгом гетмана стало объединение всех украинских земель, «целостность Отчизны». Он не верил ни Польше, ни Турции, но союз с Портой и Крымским ханством был главной ошибкой П. Дорошенко, который говорил: «хотя Божьей волей украинцы обеих сторон Днепра раздвоены и считает себя врагами, однако никто чужой нам не поможет, как мы сами себе, друзья».

В это тяжелое для Украины время казацкую славу «до небес» поднял знаменитый военный деятель и кошевой атаман Войска Запорожского – Иван Сирко.

Будущий герой родился до 1610 года на Харьковщине. Представитель древнего рода в 1645–1646 году участвовал в походе во Францию, ходил в походы на Турцию и Крым. В 1645 году он отказался участвовать в Переяславской Раде. В 1658 году Иван Сирко – винницкий полковник, после подписания Слободищевского мира он ушел в Запорожскую Сечь, где в 1663 году был избран кошевым атаманом, и осуществил совместный русско-украинский поход на Крымское ханство. С 1664 года Иван Сирко участвует в гражданской войне, с 1667 года – полковник Харьковского слободского полка, участвует в антимосковском восстании после подписания Андрусовского мира. В 1673 году по возвращении из Тобольской ссылки Сирко снова избирается кошевым атаманом. Историк XIX века Н. Морковин писал в «Очерке истории запорожского казачества» о подвигах кошевого:

«Лучшим представителем стремлений Запорожья может считаться, в смутное время Малороссии после Хмельницкого, кошевой атаман Сирко. Еще когда Брюховецкий был на

Запорожье кошевым, Сирко, имеющий особую дружину, сходил с ним для совещания, не приклоняясь ни к государю, ни к польскому королю. Сирко был остаток прежних героев Украины; это был слепок с колоссальных образов Федора Богданки, Подковы, Шаха, Сагайдачного, Трясилы, Полтора-Кожуха.

В 1664 году он ходил на Крым; Аккерман был взят им приступом, разграблен и сожжен, Буджак, Паланка и Каутаны не устояли против кошевого; все селения были разорены.

В 1665 году Сирко разбил при Носаковском урочище турецкие суда, высланные против Сечи. После Андрусовского договора кошевой с запорожцами ворвался в Крым, разорял тамошние города, жилища предал огню и мечу, а хана самого загнал в горы.

Когда царь писал Сирку, чтобы он соединился с гетманом Брюховецким, Сирко ответил, что ляхи и татары ежедневно около их украинских городов докучают, и он не прежде пойдет к гетману, как неприятель отступит. Это означало – я сам знаю, что делаю и что нужно делать.

В 1673 году Сирко истребил все села татарские до Аккермана, взял этот город, разграбил его, предал огню и мечу; потом собрал суда в Гаджибее, поплыл с пехотой на полуостров, коннице приказал идти берегом. Пристав у Карасубазара, к которому нельзя было подойти с моря, собрал и разграбил все города приморские, прошел по беззащитному Крыму, все истреблял, у Перекопа соединился с конницей, и, обремененный добычей, возвратился на свои неприступные днепровские острова».

Выдающийся исследователь Д. Яворницкий писал в «Замечательной странице из истории запорожских казаков», цитируя украинского летописца Самуила Величко:

«Не насытившись поглощением премногого казако-русского народа, разорением семнадцати городов во главе с Уманью, не удовольствовавшись обращением их в пепел и сравнением с землей, турецкий султан задумал истребить все запорожское войско и разорить самый кош его. На это дело он прислал осенью 1674 года на кораблях из Константинополя в Крым 15 000 отборных стамбульских янычар и велел крымскому хану с этими

янычарами и со всей крымской ордой, при наступлении зимы, постараться выбить всех запорожцев до конца, а самую Сечь разорить до основания.

Когда кончился Филиппов пост, тогда сам хан, снявшись с Крыма со всем названным войском своим, пошел по направлению к Запорожской Сечи, стараясь держаться в нескольких милях от берега Днепра, чтобы не быть замеченными запорожцами. На третью или четвертую ночь Рождества Христова, в самую полночь, хан, приблизившись к Сечи, захватил сечевую стражу, стоявшую в версте от Сечи на известном месте, и от этой стражи узнал, что войско пьяное спит по куреням и что другой стражи нет ни около, ни в самой Сечи. Хан очень обрадовался этому и сейчас же, выбравши самого лучшего из пойманных сторожевых и, пообещав ему свободу и большую награду, приказал провести пехотных янычар внутрь Запорожской Сечи через ту форточку-калитку, которая, по показанию самих сторожевых, не была заперта в эту ночь.

Отправив всех янычар в Сечь, хан приказал им, вошедши в нее «учинить надлежащий военный над пьяно спящими запорожцами промысел». Сам же, объехавши с ордой вокруг Сечи и густо обступив ее, стоял наготове, чтобы не выпустить и «духа имеющих утекать» запорожцев. Но надежда хана погубить все запорожское войско и разорить самый кош не осуществилась. Хотя хан и знал, что войско запорожское привыкло в праздничные дни подпивать и беспечно спать, но не вспомнил того, что множество этого же самого войска имело обыкновение собираться в праздник Рождества Христова до Сечи со всех днепровских лугов и что большинство из этого войска были трезвые, а не пьяные люди.

Но вот настал «полуночный час». Все войска, не слыша ни о какой тревоге и не имея вести о намерении басурман, «зашпунтовавшись» в куренях, беспечно опочивало. В это самое время янычары, тихо введенные через скрытую фортку пойманным запорожским сторожевым, вышли в Сечь и наполнили собой все ее улицы и переулки и так стеснились, как то бывает в церкви. Однако, имея в руках готовое оружие, они помрачены были всевидящим Богом в их разуме: войдя в Сечь, они не подумали о том, что дальше делать и каким способом разорить то рыцарское гнездо низоводнепровских казаков, наших

мальтийских кавалеров, и как их всех выбить до конца; или быть может начальники янычар, за теснотой, не могли сойтись и посоветоваться между собой, как начать и кончить свой злодейский умысел. Так или иначе, но, наполнив собой всю Сечь, захватив все сечевые арматы, заступив все открытые места, янычары стояли несколько времени в недоумении и тихом молчании. Когда же повернуло с полночи и Бог Вседержитель благославил соблюсти в целостности то православное и преславное низовое запорожское войско, тогда он отогнал сон некоему Шевчику, казаку одного куреня.

Этот Шевчик, вставши для своего дела, начал сквозь оконную щель присматриваться, рано ли еще или нет, и неожиданно увидел людей, неприятелей-турок, всю улицу заполонивших собой. Шевчик пришел в ужас, однако тот же час тихо засветил несколько свечей в своем курени, сообщил знаками пятерым или шестерым товарищам своим, еще не ложившимся спать, но сидевшим в углу куреня. Когда они же увидели, что Сечь их наполнена неприятелями-турками, то немедленно и возможно тихо побудили всех товарищей своего куреня, которых было до полутора человека, и сообщили им о грозившей беде. Товарищи быстро повставали, тихо поодевшись, осторожно забрали в руки оружие и потом, после совета с куренным атаманом, решили устраивать следующее: поставить к каждому окну по несколько человек лучших стрелков, чтобы они беспрестанно стреляли, а другие чтобы только заряжали ружья и первым подавали.

Устроивши все это без великого шума и помолившись Богу, казаки сразу поотворяли все окна и начали густо и беспрестанно стрелять в самое скопище янычар, сильно поражая их. Тогда другие курени, услышав выстрелы и увидевши неприятеля, тот же час открыли со всех сторон через куренные окна густой и беспрестанный мушкетный огонь, и как бы молнией осветили темную ночь в Сечи, тяжело поражая турок, кои от одного выстрела падали по двое и по трое человек. Янычары же, не имея возможности, вследствие своей тесноты, направлять оружие прямо против куренных окон, стреляли на воздух и, «аки собой мятущихся» падали на землю убитыми и утопали в собственной крови.

Когда же толпы янычар стали редеть по улицам и переулкам,

так что их едва третья часть осталась в живых, тогда запорожцы, видя, что, стреляя из куреней в неприятеля, они стреляли друг против друга и наносили себе тем вред, крикнули единогласно до ручного боя. И так по той команде тотчас все разом, высыпавши из куреней, с мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольем, начали доканчивать ручным боем еще оставшихся в живых турок, нещадно поражая их.

На самом рассвете дня они покончили с турками, и всю Сечь и все курени со всех сторон, и всю божественную церковь и все арматы окрасили и осквернили басурманской кровью, а все сечевые улицы и переулки неприятельскими трупами завалили. Трупы те лежали, облитые их же собственной кровью, склеенные и замороженные сильным морозом, бывшим в то время. Как велико было их число, видно из того, что из 15 000 янычар едва полторы тысячи ушло из Сечи и спасено татарами на лошадях.

А между тем хан, стоявший около Сечи и ожидавший конца задуманной облавы, увидев несчастный конец неудавшегося замысла, взвыл, как волк, подобно древнему Мамаю, видя, какое великое число отборных стамбульских янычар он потерял и погубил, рассчитывая завоевать Запорожскую Сечь. Пораженный вследствие этого несчастья великим страхом, он бросился от Сечи, днем и ночью спешил в Крым, боясь, чтобы раздраженные запорожцы, севши на коней, не догнали и не разгромили его самого.

Всего в ночном бою было убито пятьдесят казаков, а ранено до восьмидесяти. Трупы убитых янычар оттащили в днепровские проруби.

После очистительной церемонии все войско до самого вечера весело гуляло и подпивало, а знатные казаки у кошевого атамана Сирка собравшись гуляли тихо без арматных и мушкетных громов».

Иван Сирко писал о ситуации на Украине:

«Теперь у нас четыре гетмана: Самойлович, Суховей, Ханенко, Дорошенко, но не от кого ничего доброго нет; дома сидят и только христианскую кровь проливают за гетманство, за земли, за имения».

В 1672 году казацкая старшина, ложно обвинив в измене, схватила Д. Многогрешного и отправила его в Москву, откуда он с семьей был сослан в Сибирь.

После ареста Д. Многогрешного в Москву выехал Иван Лысенко, делегат взбунтовавшейся Украины, который вез с собой новые украинско-московские «статьи», в которых сама старшина просила московские власти ограничить самостоятельность гетмана, в частности, его судебную власть и устранить от выборов гетмана «казацкую чернь и посольство». Довольные московские бояре сразу согласились с этим и послали в Батурин боярина Григория Ромодановского, для проведения выборов нового гетмана и подписания новых статей.

Выборы украинского, левобережного гетмана прошли в 1673 году под Конотопом. «Конотопские статьи» подписал бывший войсковой судья, избранный гетманом – Иван Самойлович, организатор интриги против Д. Многогрешного.

В это время умер король Речи Посполитой, и русско-казацкие войска пошли на Правобережье. Самойлович и Ромодановский дошли до столицы Дорошенко Чигирина, но были отброшены с помощью турецких и татарских отрядов. На Правобережье началась резня, оно «обратилось в пустыню, засеянную людскими костями, наполненную развалинами и пожарищами». Убивали все – поляки с новым королем Яном Собесским, турки, крымские татары, казаки Дорошенко, московские войска и левобережные полки.

Поляки под Хотинем разбили турецкую армию. На Правобережье вновь вошли Самойлович и Ромодановский. М. Грушевский писал:

«Свой поход Самойлович начал с Канева. И действительно, население и старшина, видя всеобщее нерасположение к Дорошенко, без сопротивления признавали власть Самойловича. Напрасно Дорошенко звал на помощь турок и татар; хан и при Хмельницком, был недоволен, что Дорошенко хочет командовать им через султана, и не спешил с помощью. Почти все оставили Дорошенко, и он сидел беспомощный на своей Чигиринской горе. Но Самойлович даже не пошел на Чигирин, он совершенно игнорировал Дорошенко. Он поместил свои войска в Каневе и Черкассах. Депутаты из десяти правобережных полков – Каневского, Белоцерковского, Корсунского, Черкасского,

Поволоцкого, Кальницкого, Уманского, Брацлавского, Торговицкого – признали над собой власть Самойловича и московскую протекцию. По приглашению Самойловича они прибыли в Переяславль и здесь 15 марта 1657 года по предложению Ромодановского «вольными и тихими голосами» – как гласило донесение боярина в Москву – признали Правобережным гетманом Самойловича. Ханенко, прибывший также на эту Раду, передал ему и свои знаки гетманского достоинства. Так Самойлович был провозглашен единым гетманом всей Украины».

Последним ударом для Дорошенко стал Чигиринский поход 1675 года московских и левобережных войск, когда гетман опять оказался в «стане неверных против православных соотечественников». Тогда же умер его соратник митрополит Тукальский, Дорошенко решил отказаться от гетманства. Он передал гетманские клейноды Ивану Сирко и был отправлен в Москву. В 1679 году его назначили воеводой в Вятку, а через три года бывшему гетману дали поместье Яропольче под Волоколамском, где П. Дорошенко и умер в 1698 году. Когда-то, еще будучи гетманом, он писал Ивану Сирку:

«До страшной Руины дошла ненька Украина. Там, где с времен Богдана Хмельницкого гордо стояли украшенные садами города и села, теперь торчат только одни почернелые трубы и воют голодные собаки. Церкви Божии сожжены, а если где и остались целы, то стоят пустые, так как нет кому и нет для кого службу править. Поля позарастили бурьяном, и веселый край превратился в пустыню. Во всем этом виновен Самойлович, что любит быть гетманом, но из пуховиков вылезать не хочет, чтобы взяться за оружие и оборонять родную землю от врагов.

Когда я Божей волей был должен взять эту печальную должность и держал ее около десяти лет, ни в чем ином не было моих намерений, кроме того, чтобы умножить вольности Запорожского Войска и сохранить безопасность и целостность отчины, чтобы процветанием церквей народ украинский христианский мог утешаться. Поэтому не только с христианами, но и с басурманскими народами я всегда старался жить дружно и приятно, чтобы Украину видать в желанном мире».

Турция не могла допустить объединение Украины под булавой Самойловича и послала на украинские земли армию, с которой шел монах Юрий Хмельницкий. В 1677 году турки «назначили» его гетманом Правобережья. О. Субтельный писал:

«Он был монахом и архимандритом, а потом попал в польскую тюрьму. После освобождения участвовал в походе на татар, был взят в плен и отвезен в Константинополь, где еще шесть лет провел за решеткой. Неожиданно турки вытащили из камеры этого несчастного человека, впихнули ему в руки гетманскую булаву и, чтобы придать своей малосимпатичной марионетке большой вес, присвоили ей помпезный титул «князя Сарматии и Украины, владетеля Войска Запорожского».

Столицей Юрия Хмельницкого стал Немиров. Летом 1677 года турецкая армия попыталась взять Чигирин, который защищала тридцатитысячная армия наказного гетмана Горобченко. На помощь Чигирину шли войска Самойловича и Ромодановского. Первую турецкую осаду Чигирина описал историк Д. Бантыш-Каменский:

«Турецкая армия приближалась к малороссийским границам под предводительством Ибрагима-паши. Хмельницкий находился в сем войске с шестьюдесятью только казаками, данными ему султаном. Худое предзнаменование для князя Малороссийской Украины! Неприятель переправился через Днестр 13 июля. Крымский хан с татарами присоединился к Ибрагиму. 3 августа обе армии явились у стен Чигирина.

Около четырех недель продолжалась осада сего города без всякого успеха. Незадолго до прибытия неприятеля один казачий полк и три городовые сотни Гадячского и Лубенского полков были присланы гетманом для подкрепления гарнизона. Князь Ромодановский только 10 августа соединился с Самойловичем. Неприятель старался овладеть Чигирином прежде их прихода, но все усилия его были бесполезны: осажденные защищались с удивительной храбростью, наносили чувствительный урон мусульманам. 17 августа Ромодановский и гетман, прибыв в Снятин, отправили в Чигирин новый вспомогательный отряд, состоящий из одного казацкого полка и тысячи драгун. Толпа

басурман не утравила отважных воинов: с твердым упованием на Бога вторглись они в многочисленные ряды неприятельские, с мужеством проложили себе дорогу по окровавленным трупам своих противников, и славою достигли города. Ибрагим-паша и крымский хан удивлялись храбрости христиан, но не без огорчения взирали на полученный ими успех. Делание подкопов и шанцев более всего занимало мусульман.

Вскоре они узнают о приближении российско-казацких войск и решаются взять Чигирин приступом. 27 августа турки и татары с ожесточением устремляются на город, взрывают подкопы, стараются войти на стены, делают разные проломы и везде находят смерть и опустошение. Битва продолжается даже ночью; осажденные сражаются, как львы. Тщетно Юрий Хмельницкий выставляет на другой день знамена с изображением святого креста, желая тем преклонить на свою сторону чигиринцев; они не помышляют о сдаче. Уже царское войско подходит к неприятелю; мусульмане возобновляют приступ со всех сторон; отчаяние наполняет сердца их; ожесточение и мужество неверных увеличивается, по мере того, как радость и надежда придают новые силы христианам.

В это время князь Ромодановский и Самойлович вступают у бужинской крепости в бой с отдельным татарским отрядом. Ханский сын, восемь мурз и десять тысяч крымцев падают под их ударами. Ибрагим-паша и хан, известясь о сем поражении, отставляют часть войска под Чигирином, спешат на помощь к татарам, чтобы удержать переправу россиян и казаков через Днепр, но орудия мусульман не останавливают царских воинов; они под ядрами достигают на судах берега; отражают пушечной и ружейной пальбой приведенного уже в беспорядок неприятеля.

Турки и татары отступают к Чигирину; смятение и ропот увеличивается между ними. Распространившийся слух о скором прибытии свежих российских войск под предводительством князя Голицына устрашает их военачальников; с поспешностью снимают они осаду Чигирина 29 августа; оставляют весь лагерь, обоз и даже пушки; спасаются бегством. При переправе через Днестр татары, мстя туркам за свою потерю, обращают против них оружие и многих убивают. Стольник Косагов и переяславский полковник Лысенко, преследовавшие неприятеля до Ингула, не могли догнать его.

Так закончился в 1677 году турецко-татарский поход, для завоевания ни одного Чигирина, но также Киева и всей Малороссии предпринятый».

В 1678 году турки, татары и Юрий Хмельницкий снова атаковали Чигирин, который защищали войска воеводы Ржевского, пушкари генерала Гордона, казаки наказного атамана Павла Животовского. За удержание Чигирина прошли молебны по всей Украине, ранее на содержание компанейских и сердюцких полков был введен новый налог с продаж горилки, табака и дегтя.

Осада Чигирина началась в середине июля и продолжалась более месяца. В августе погиб Ржевский, а через неделю после этого генерал Гордон заминировал укрепления и с остатками гарнизона пробился сквозь войска неприятеля в лагерь Самойловича. Исследователи этой эпохи пишут о том, что Московское царство тогда не хотело длительной войны с Турцией, в которой победа была проблематична, и Правобережье удерживать за собой не могло или не стало. Турки ворвались в оставленный Чигирин – в это время укрепления города взорвались, похоронив под собой около четырех тысяч захватчиков. Чигирин перестал существовать. Население Правобережья было переселено на левый берег Днепра у реки Орели. В истории это переселение получило название «большого сгона».

В 1680 году вассалы султана крымские татары напали на Слободскую Украину, были отброшены и в 1681 году Россия и Турция в Бахчисарае заключили мир. Левобережье осталось за Россией. По польско-турецкому миру в Журавне южнее Правобережье и Подолия остались за Турцией. Юрий Хмельницкий, после казни некоторых своих старшин, осенью был убран с политической арены.

По русско-турецкому договору земли между Бугом и Днепром в течение двадцати лет должны были оставаться незаселенными. Однако турки, отдавшие Правобережье молдавскому князю Ивану Дуке, были отброшены с территории Украины польским королем Яном Собесским. По «вечному» русско-турецкому миру 1686 года, направленному против Турции и Крымского ханства, за Москвой был оставлен Киев и все приобретения по Андрусовскому перемирию.

Подолия и южная Киевщина начали заселяться казацким обычаем. Гетманом Правобережья король Ян Собесский назначил Степана Куницкого

со ставкой в Немирове. Куницкого сменил запорожец, Андрей Могила, который организовал заселение Правобережья, очищенного от турецких отрядов. Правобережные казаки отличились в разгроме турок поляками под Веной. В 1684 году после выхода универсала Яна Собесского об обновлении казачества, на Правобережье пошел народ, в том числе и с левого берега Днепра. Организаторы казацких полков стали Искра в Корсуне, Самусь в Богуславе, Абазин на Побужье, Семен Палий в Фастове.

Левобережье, управляемое Самойловичем, не было разорено. Гетман старался сохранить автономию Украины, он делал все возможное, чтобы не допустить очередного польско-российского договора, за счет Украины. Однако по «вечному миру» Польша навсегда отказалась от Левобережья и Киева, обязалась не колонизировать среднее Поднепровье с Ржищевом, Трахтемировом, Каневом, Черкассами, Чигирином. Московское царство обязалось идти на Крымское ханство войной.

Иван Самойлович советовал царю Федору Алексеевичу предъявить Польше претензии на Западную Украину, Волынь, Подолию, Червоную Русь, но успеха не добился, хотя отношения с Москвой сохранял хорошие; его дочь вышла замуж за боярина Ф. Шереметева, его дети учились в Москве.

В 1685 году украинская церковь была подчинена московскому патриарху. М. Грушевский писал:

«В то время, как Правобережная Украина переживала такие резкие перемены, такие страшные катастрофы, переходила из польских рук в московские, из московских в турецкие, пустела и заселялась, умирала и оживала, стонала под экзекуциями и снова возрождалась при первом дуновении свободы, неумирающая, как сама жизнь – жизнь Левобережной Украины тихо и постепенно катилась под гору, приближаясь к закату своей политической и общественной свободы. С 1668 года, от восстания Брюховецкого, в продолжение нескольких десятков лет она не переживала никаких смут, никаких сильных потрясений».

Левобережье превращалось в центр политической и культурной жизни Украины. Запорожская Сечь, недавний центр казачества, постепенно утрачивает свое значение как основа политических, религиозных, социальных дел всей Украины; становится относительно изолированным казацким братством в пределах десяти тысяч воинов. С 1686 года

запорожские земли полностью перешли под власть царя, хотя запорожцы часто вступали в конфликты с гетманами, воеводами, турками, татарами. На Запорожской Сечи действовали казацкие обычаи, существовало «казацкое братство», дававшее укрыться бунтарям и беглецам с севера. Н. Полонская-Василенко писала:

«До восстания Богдана Хмельницкого Запорожье было тесно повязано с казачеством и являло собой основной центр, из которого выходили политические почины. После Богдана Хмельницкого оно утратило политическое значение. В Сечи стояли небольшие отряды казаков под началом кошевого атамана, которого назначал гетман. Интересно, что в 1654 году, когда проходила присяга Москве, Хмельницкий не считал необходимым привести к присяге запорожцев потому, что они «люди маленькие».

Однако Запорожье начало играть значительную роль в общей жизни Украины, и сюда сходились оппозиционные элементы, недовольные политикой гетманов. Хмельницкий мог своей твердой рукой удерживать порядок на Запорожье, но после его смерти, когда началась борьба за булаву, и был выбран Иван Выговский, запорожцы выступили с протестом, почему их не позвали на выборы гетмана. Кошевой атаман Яков Барабаш обратился в Москву с доносом на Выговского. Его поддержал полтавский полковник Мартын Пушкарь. Москва, которая разжигала социальные противоречия в Украине, поспешила поддержать всякого рода оппозицию против старшин. Поэтому она поддерживала Запорожье, которое выступало против гетмана-«ляха», который потакал старшине. Чем далее шло социальное расслоение Украины, тем более Запорожье выдвигалось на руководящее место и часто играло при этом негативную роль, выступая на стороне Москвы против собственной старшины.

Однако на Запорожье не было стабильной ориентации и его политика постоянно колебалась. Контакты с Москвой не всех устраивали, наоборот, они вызывали неудовольствие той части казаков, которые относились враждебно к политике Москвы и понимали ее опасность для Украины. На Запорожье существовала противоположная ориентация – на помощь Крыма и Турции. Поэтому во время борьбы с Дорошенко с Польшей запорожцы выставили против него молодого писаря Петра Сухова, которого поддерживали татары, и он объявил себя гетманом под протекторатом Крыма.

Типичным представителем Запорожья второй половины XVII века Иван Сирко, который несколько раз был кошевым атаманом. Он был талантливым стратегом, полководцем, но как дипломат принес много вреда делу освобождения Украины и в критические моменты уничтожал ее успехи. Нападением на Крым во время Конотопской победы он принудил татар покинуть Выговского и этим оставил его без помощи союзников. Сирко повторил этот маневр в 1667 году во время осады Дорошенко Подгайцев, где засел Ян Собеский: нападением на Перекоп Сирко принудил татар изменить Дорошенко. Последствием этой измены была капитуляция Дорошенко. А служа интересам Москвы, он в том же году разбил отряд татар, которые служили Дорошенко.

Такая «гибкая» политика Сирко оттолкнула от него даже Москву, и после того, как Сирко выставил свою кандидатуру в гетманы, он был арестован и сослан в Сибирь. Правда, оттуда его вскоре вернули, и он продолжал свою деструктивную и губительную игру в Запорожье, где всегда находил сторонников. Он умер в 1680 году.

Андрусовское перемирие 1667 года поставило Запорожье под совместный протекторат Польши и Москвы, но фактически Запорожье оставалось независимым. Так же было, когда после подписания «вечного мира» Москвы с Польшей в 1686 году отдано Запорожье в подданство Москвы: это подданство имело только номинальный характер и Запорожье вело свою собственную политику».

Рядом с Левобережной Украиной – Гетманщиной располагалась Слободская Украина, вокруг современных Сум и Харькова, формально находившаяся под Московским влиянием. Московское правительство разрешило поселяться на этой практически пустой земле несколькими полками украинских казаков, уходившим от Руины. Аналогично Левобережью Слободская Украина делилась на полки – Сумской, Харьковский, Ахтырский, Острогожский, Изюмский. Полковники на Слобожанщине выбирались пожизненно. Царь назначал только белгородского воеводу, которому подчинялись все пять полковников по отдельности.

Правобережье успешно заселялось благодаря разумной политике короля Яна Собесского.

В Западной Украине – Галичине и Волыни, – густонаселенной с давних времен, где давно укрепилась и шляхта, казачество, как

пограничное войско, так и не возникло. Южная Буковина была в руках турок, Закарпатье – венгров.

Гетманщина была автономным политическим образованием, давшим украинцам самоуправление, которого они не имели со времен Даниила Галицкого. Монопольная власть Московского царства выступала против идеи украинского самоуправления, как, впрочем, поступали и все другие европейские страны, считавшие централизованное управление наиболее эффективным. В составе Гетманщины, занимавшей уже треть территории державы Богдана Хмельницкого, было десять полков – Черниговский, Стародубский, Киевский, Нежинский, Переяславский, Прилуцкий, Полтавский, Гадячский, Миргородский, Лубенский.

Со времен Д. Многогрешного резиденция гетмана и столица Украинской автономии была в Батурине. 11 городов, 120 местечек, 1 800 сел заселяло более миллиона человек – к концу XVII века.

В 1687 году начался крымский поход московского князя В. Голицына, фаворита правящей царевны Софьи Алексеевны. К стотысячной московской рати присоединились пятьдесят тысяч казаков Ивана Самойловича. По выжженной степи армия с трудом дошла до Перекопа, и оставив арьергард, повернула домой. Поход был плохо подготовлен, по тогдашней московской привычке, и изначально вряд ли мог достигнуть цели. Казачья старшина использовала ситуацию и решила сменить гетмана, который не устраивал ее своей самовластной политикой, планами сделать гетманство наследственным в своем роде. Большую роль сыграли и действия Самойловича по подчинению украинской церкви Московскому патриарху.

Старшина, возглавляемая генеральным обозным Борковским, судьей Кочубеем и писарем Прокоповичем, обвинила Самойловича в измене. Голицына это полностью устраивало, с него снималась ответственность за провал Крымского похода. Своего фаворита поддержала и Софья, не обращая, как обычно, никакого внимания на заслуги гетмана. Письмо-донос старшины Голицыну сохранилось:

«Все войско Запорожское чрезвычайно скорбит от неудачного похода Крымского, на который весь свет христианский обратил очи; единственный же виновник ему – гетман.

1. До постановления вечного мира с Польшей всегда желал он, чтоб государи держали перемирие с турками и татарами, а с поляками не мирились.

2. Когда состоялся последний договор, чрезвычайно огорчился и говорил войсковым старшинам, что «Москва за свои деньги купила себе лихо».

3. Не велел молебствовать в церквях по сему случаю.

4. Никогда не радовался победам христиан над неверными.

5. Семейство его говорило женам генеральных особ, что он намеревается идти по следам Брюховецкого.

6. На пагубу российских войск настоял, чтобы их вывели в Крым весною, а не осенью.

7. Во время похода отсоветовал боярину посылать передовые полки для открытия неприятеля, не проводывал о местном положении и, когда пылали поля, не велел гасить оных.

8. Жаловался в то время на глазную болезнь и говорил: «Лучше бы Москве сидеть в покое дома и беречь рубежи, нежели ненадобную войну заводить с Крымом и лишать меня через то последнего здоровья».

9. Присоветовал боярам для вечного бесславия российских и казацких войск возвратиться назад, вместо того, чтобы придумать, каким бы образом вредить неприятелю, хотя и с меньшими силами.

10. Самовольно владеет Малороссией, делает, что хочет, и города малороссийские не государевыми, а своими именует, приказывая казакам верно служить ему, а не монархам.

11. Сын гетманский, Григорий, и другие говорили многие дерзкие слова о государях при гетмане, и он не только их от того не удержал, но и сам то же делал.

12. 4 июля, перешедши со своими полками через мосты, построенные россиянами на реке Самаре, гетман велел их сжечь, оставивши боярину, бывшему на той стороне со всем войском, только два моста.

13. Когда ему объявляли о множестве больных в российском лагере, он говорил: «Хотя бы и все пропали, то я бы о том не печалился».

14. Один российский полковник поссорился с лубенским полковником Гамалеей, который, верно надеясь на гетмана, сказал при нем: «Что ты укоряешь меня? Нас не саблей взяли».

15. Продает за дорогие деньги полковничьи уряды.

16. Утесняет старинных войсковых заслуженных людей, а с мелкими обходится благосклонно.

17. Забирает себе все, что полюбится; чего же не возьмет, отбирают дети.

18. Генеральные старшины от его гнева и похвальных слов мертвы бывают и не живут в покое.

19. Четыре года не определяет никого на судейский уряд, требуя за оный большие деньги, от чего погасло право, обидимым людям нет управы, и плачут многие.

20. Более занимается домовыми делами, нежели исправлением монаршеских.

21. Запретил, против указа великих государей, отпускать в Польшу хлебные запасы, в то время как повелевал возить оные в Крым и турецкие городки.

22. Будучи мелкого рождения, гнушается всеми, и не только не почитает никого себе равным в Малороссии, но даже и за великороссиянина не хотел выдать своей дочери, для коей приманил из-за границы князя Четвертинского, а все же делает, чтобы учредить со временем в Украине удельное княжество.

23. Что же от его сыновей претерпевают Черниговский и Стародубский полки, того и описать не можно.

По тем причинам и за его неспособностью все войско Запорожское желает и со слугами Господа Бога молит, чтоб великие государи, для лучшего управления Малороссии и утolenия многих слез, указами снять с него гетманский уряд и на оный повелели избрать, вольными голосами, другого, бодрственного, вернейшого и преданнейшого человека.

И о том просит войско Запорожское: чтобы по снятии с гетмана уряда его, не оставался он в Украине, а взят был со всем домом в Москву и, как изменник, казнен. Если же на то прошение не последует монаршего соизволения, войско Запорожское, из меньших чинов, соблюдая свою верную службу, принуждено будет поступить с ним по своим войсковым правам и обычаям, как с явным к великим государям недоброхотом».

Михаил Грушевский писал об этом «более чем грозном деле»:

«Келейно и конспиративно убрала старшина неприятного ей

«мужичьего сына» и посадила на его место ловкого и осторожного поповича – так же точно, как спустя 15 лет, келейно покончила она с поповичем и заменила его Мазепой. Келейно упразднила или позволила московскому правительству упразднить остатки украинских политических прав и покорно исполняла требования московских правителей».

К концу XVII века старшина «приватизировала» свои посты, вытеснив оттуда рядовых небогатых казаков, удалив их от принятия решений. Руководители времен Богдана Хмельницкого были стратегами и политиками, смелыми и решительными. Новое руководство Гетманщины состояло из прагматичных, беспокоящихся о своих выгодах землевладельцев, боящихся потерять свое положение.

22 июля 1687 года в лагере у реки Коломака гетман Иван Самойлович был арестован и вместе с сыном выслан в целях в Москву, второй сын – казнен. Через два года Самойлович умер в Тобольске.

При известии о низложении Самойловича начались волнения в некоторых казацких полках. Украинская старшина и московские бояре выбрали нового гетмана – Ивана Мазепу.

Время Ивана Мазепы

В конце XVII века украинская казацкая старшина продолжала экономически крепнуть, увеличивая свои землевладения за счет захвата войсковых земель, угодий посполитых и казаков. Барщина составила два дня в неделю. Старшина увеличивала свои богатства торговыми и промысловыми операциями, занималась винокурением, устраивала железные и поташные заводы, брала в аренду сбор таможенных пошлин. Вся власть на Украине была в руках старшины. С ее усилением выборы полковников стали почти фикцией, должности казацких начальников начали передаваться по наследству. Сами же украинские земли находились в тяжелом положении: многие города и местечки были полуразрушены, жители погибли или были уведены в плен, украинская автономия с каждым новым гетманом сокращалась как шагреновая кожа. Сама Гетманщина занимала только треть территорий, входивших в державу Богдана Хмельницкого.

Московские власти с самого начала хотели ввести на Украине прямое правление. Союз с Москвой больше не ставился генеральной старшиной под сомнение. Гетманы надеялись, что, показывая свою лояльность Московскому царству, им удастся вернуть автономию Украины времен Богдана Хмельницкого. Решающий момент в отношениях Москвы и украинского казачества наступил в период гетманского правления Ивана Мазепы – одного из самых выдающихся и самых противоречивых политических деятелей Украинского государства. В.Ф. Остафийчук писал:

«Его любили и ненавидели, уважали и боялись, ценили и остерегались, прославляли и лгали о его делах. Несмотря на историческую правду и мнение, которые сложились в Европе о И. Мазепе, как о выдающемся политическом и культурном деятеле, царские, а за ними и официальные советские историки в продолжение трех веков показывали его только в отрицательном свете, проклинали, обливали грязью, фальсифицировали его поступки».

Иван Мазепа-Колединский происходил из православной шляхты Белоцерковщины. Его отец Степан был белоцерковским атаманом и

собственником села Мазепинцы, принадлежал к партии Выговского и участвовал в составлении Гадячских статей. Его мать Мария-Магдалина, из старого шляхетского рода Мокиевских, была выдающейся женщиной, много и успешно занималась общественными и церковными делами; с 1686 года она стала игуменьей Киево-Печерского Вознесенского монастыря и до своей смерти в 1707 году являлась фактически советником сына-гетмана. Возможно, благодаря матери утонченный и прекрасно образованный Иван Степанович вкладывал большие средства в развитие украинской культуры, построил по всей Гетманщине целое ожерелье красивейших церквей в стиле, получившем название мазепинского «казацкого барокко», очевидно, под влиянием своей матери. Он основал много учебных заведений и типографий, чтобы «украинская молодежь могла в полную меру своих возможностей пользоваться благами образования». Только в Киево-Могилянской академии благодаря Мазепе учились более двух тысяч студентов.

Будущий гетман родился около 1630 года – точная дата рождения неизвестна. Иван Мазепа учился в Киево-Могилянской академии, в иезуитской коллегии в Варшаве, с 1649 года служил королю Польши, при дворе которого проникся аристократическим духом и хорошо изучил механизм придворных интриг. Король посылал его за границу для изучения артиллерийского дела и получения европейского образования. Молодой офицер побывал в Голландии, Франции, Италии, германских княжествах, овладел, наряду с хорошим знанием украинского, польского, французским, немецким, итальянским, татарским языками, прекрасно знал латынь, хорошо разбирался в истории, философии, поэзии, музыке.

Как офицер по особым поручениям, Иван Мазепа в 1659 году ездил к гетману Ивану Выговскому, в 1660 году – к Юрию Хмельницкому, в 1663 году – к Павлу Тетере. Как и его отец, Мазепа был сторонником Гадячских статей. В 1663 году, после похода короля Яна Казимира на Украину, Мазепа оставил королевскую службу, женился и вел жизнь белоцерковского помещика.

В 1669 года Иван Мазепа поступил на службу к гетману Петру Дорошенко, сначала как сотник гетманской гвардии, позднее генеральный есаул и генеральный писарь. В 1673 году Мазепа выполнял дипломатическую миссию в Крымском ханстве, у левобережного гетмана Ивана Самойловича. В 1674 году Мазепа опять ездил с миссией в Крым, был взят в плен запорожцами и чуть не убит – П. Дорошенко «передавал» для султана пятнадцать левобережных казаков, а запорожцы совершенно

справедливо считали «выдачу христиан басурманам» страшным преступлением и приговорили главу миссии к смерти. По легенде Мазепу спас кошевой атаман Иван Сирко, сказавши: «Не убивайте его – возможно, когда-то он пригодится родине». Иван Сирко передал Ивана Мазепу левобережному гетману Самойловичу. В тот период от «потуречившего» П. Дорошенко к И. Самойловичу переходили многие выдающиеся деятели правобережной администрации, разочаровавшиеся в протурецкой политике правобережного гетмана – Лизогуб, Ханенко, Гамалий, Кандыба, Скоропадский, Кочубей.

Своим дипломатическим талантом и опытом Иван Мазепа убедил Самойловича сделать его доверенным лицом – в 1682 году он стал генеральным есаулом и исполнителем важнейших гетманских миссий. Иван Мазепа стал свояком Самойловича, почти ежегодно ездил в Москву с важными поручениями, имел большое влияние на гетмана. В Москве Иван Мазепа познакомился со многими членами Боярской Думы, знал фаворита царевны – правительницы Софьи Васи́лия Голицы́на – тогдашнего фактического правителя Московского царства.

В падении гетмана Самойловича в 1687 году Мазепа, возможно, не играл большой роли, хотя историки говорят о наличии его подписи под старшинским доносом в Москву на гетмана, послужившим поводом для его ареста. Он не принадлежал к этой части старшины, однако сумел воспользоваться ситуацией. Великолепное образование, иезуитская школа, дипломатический талант, харизма и обаяние, привлекавшие к нему людей, взятка «культурнейшему политику XVII столетия» В. Голицыну помогли пятидесятилетнему Ивану Степановичу Мазепе получить булаву правителя Гетманщины.

25 июля 1687 года под Коломаком собралась Генеральная Войсковая Рада, выбравшая гетманом генерального писаря Ивана Мазепу. Рада утвердила новые Коломацкие статьи, в основу которых легли Глуховские статьи 1672 года – это был очередной шаг на пути дальнейшего ограничения автономных прав Украины, сделанный царскими приказными холопами:

«1. Подтверждены прежние права и вольности, дарованные гетману Богдану Хмельницкому.

2. Воеводам находиться: в Киеве, Чернигове, Переяславе, Нежине, Острее, но в права, вольности казацкие и в суды их не вступаться.

3. Реестровым казакам быть тридцати тысячам человек.
  4. Ничего не брать в войсковой скарб с маетностей генеральных старшин и особ знатных и заслуженных.
  5. Запрещено гетману отнимать у подчиненных жалованные государственные грамоты.
  6. Не иметь гетману сношений ни с какими посторонними монархами.
  7. Содержать крепко вечный мир и союз, заключенный с королем польским, не подавая никаких причин к нарушению оногo.
  8. Против крымцев, турок и мятежных заднепровских казаков чинить военные промыслы, в которых будут участвовать и российские войска.
  9. Как старшинам и войску гетмана, так и гетману старшин, без указа государей, кроме измены, не переменять.
  10. При гетмане, для охранения его, быть в Батурине московскому стрелецкому полку.
  11. Гетману и старшины обязаны стараться и соединении малороссийского народа с великороссийским посредством супружества и другими способами, для чего дозволено малороссийским жителям иметь вольный переход в города великороссийские.
  12. Для удержания крымцев от набегов, гетман и старшины должны сделать шанец на сей стороне Днепра против Кодака, а у реки Самары и Орели и при устьях речек Берестовой и Орчика построить городки и населить их украинскими жителями.
- И великие государи, и великая государыня, их царское пресветлое величество, про реестровое войско наказали говорити на раде, сколько быть войсковых казаков тысячам. А что в той их статье написано, чтобы войску плата с их царского пресветлого величества казны, и того в статьях Богдана Хмельницкого не положено; а надлежит, чтобы были налоги, где нужно собирать в казну царского пресветлого величества, и с того сбора давать на войско по реестру, кому что в статьях положено».

В Коломацкой раде участвовали две тысячи казаков. Всем старшинам, принимавшим участие в заговоре против Самойловича, на раде были повышены чины, для «охраны» Мазепы в Батурин был введен стрелецкий

полк, сам гетман не мог производить кадровых изменений в руководстве войском без согласия Москвы. К Глуховским статьям на Коломаке было добавлено много приложений в пользу Москвы. «Сила солому ломит» – Коломацкие статьи впервые возражали против государственного характера гетманской власти, а вместе с этим и против государственности Украины.

В 1687 году изменить что-либо у Мазепы не было никаких шансов – гетманом на Коломаке просто стал бы другой. Но в арсенале Ивана Степановича было не только «атака с фронта».

Новый договор не был реализован. Украинский историк А. Оглобин писал:

«Коломацкое соглашение было очевидным успехом Москвы в её историческом наступлении на Украину, и только государственный гений и глубокий патриотизм нового гетмана Мазепы сделали так, что цепочка вредных для Украины статей Коломацкого договора осталась нереализованной».

Двадцать один год управлял Украиной гетман Иван Степанович Мазепа, постоянно находясь в ситуации, о которой так писал М. Грушевский:

«Считали невозможным бороться с силами Москвы, имея против себя население, враждебно настроенное против старшины по мотивам социальным и подозрительно относившееся к самым чистым побуждениям её, и такое же враждебное и подозрительное Запорожье. Легче было плыть на московском буксире и пользоваться милостями московских правителей для собственного благополучия.

Ограничивая политические свободы Украины, добиваясь всё новых и новых уступок от старшины в политических вопросах, московское правительство предупредительно шло навстречу её желаниям и просьбам, касавшимся поместий и имений, и в эту сторону направляли интересы старшины. Создать на Украине владельческий, помещичий класс, закрепить её крестьянское население – это значило приблизить Украину к такому же помещичьему, рабовладельческому строю Московского государства. Вместе с тем это усиливало вражду между украинским народом и политическими руководителями украинской жизни и всё более углубляло разделявшую их

пропасть.

Весной 1869 года стотысячное московское войско под командованием князя В. Голицына второй раз двинулось на Крым. У Коломака к Голицыну присоединились полки Мазепы. Войско вновь дошло до Перекопа и, постояв у перешейка, вернулось домой. Некоторые авторы того времени писали, что будто бы крымские татары подкупили Голицына, и тот увёл войско, пытаясь в Москве представить свой поход как победу над ханом.

В Москву приехал и Иван Мазепа со свитой из трёхсот человек. Именно тогда к власти в Московском царстве пришел семнадцатилетний Пётр I, сваливший свою сестру Софью и её фаворита. После состоявшегося в Кремле короткого разговора с Петром, Ивану Мазепе вернули из конфискованного имущества Голицына деньги, которые гетман заплатил ему за своё избрание, дали пожалованья на поместья для старшины. У Петра I и Ивана Мазепы сложились почти дружеские отношения. Современники писали, что «царь скорее не поверит ангелу, чем Мазепе». Возможно, особые доверительные отношения царя и гетмана и вызвали такую резкую реакцию Петра на события 1708 года.

Гетман Иван Мазепа вернулся домой с триумфом, с благосклонностью и доверием Петра I. Новый обладатель булавы опирался на старшину, увеличивая народное недовольство. Родовые казаки и посполитые временами восставали, раздраженные действиями гетмана. Во главе оппозиции стояли запорожские казаки и фастовский полковник Семен Палий.

Казачьи полки во главе с гетманом участвовали в 1690 году в походах на турецкие крепости Очаков и Кади-Кермен, в 1661 году – на Аккерман».

В 1961 году старший канцелярист Генеральной Войсковой организации Петр Иваненко-Петрик, родственник генерального писаря Василия Кочубея, ушел в Запорожскую Сечь, был выбран войсковым писарем и стал вести агитацию против гетмана, старшины и Москвы. Петрик говорил запорожцам:

«Я стою за посполитый народ, за бедных и простых. Богдан Хмельницкий освободил украинский народ из ляшской неволи, а я хочу освободить его из новой неволи – от москалей и своих

панов. Я, пан кошевой, ставлю свою голову – прикажите меня на части рассечь, если вся Украина, начиная с самой Полтавы, не поклонится тебе!»

Слухи о походе пошли по Украине, посполитые говорили – «когда придет Петрик с Запорожским войском, пристанем к нему, побьём старшину, арендарей и сделаем по старому, чтобы все были казаками, панов не было». Однако запорожцы не поддержали Петрика и не пошли на Мазепу.

Петрик отправился в Крым с немногими единомышленниками и 26 мая 1692 года подписал с крымским ханом договор между Крымским ханством и «Удельным Княжеством Киевским, Черниговским и всего войска Запорожского, Городового и Народу Украинского». На основании этого договора между Петриком и Крымом заключался «вечный мир» для взаимных действий против Москвы и Польши.

Петрик писал в одном из своих универсалов в июне 1692 года:

«Хватит удивляться, что нашим врагом есть польский король. Когда-то мы ему подчинялись, а с Божьей помощью, при Богдане Хмельницком, освободились от его власти и столько навредили польскому государству, что оно до сих пор не может прийти в себя. Не удивительно, что враждует с нами крымский хан – с давних времен боролись мы с крымским государством и до сих пор боремся. Но зато удивительны действия московских царей – не саблями, же они нас завоевали, но прадеды наши ради веры христианской, поддались по вольной воле. Они перевели наших людей с правого берега Днепра на левый, они защитились нами от всех своих врагов так, что откуда бы враги не пришли, жечь будут сначала наши города и села, наших людей брать в полон, а Москва будет сидеть за нами, как за стеной. Но и этого мало Московщине, всех нас хочет превратить в невольников и холопов. Сначала забрали в неволю гетмана Многогрешного, потом Самойловича, которые обороняли нас, а теперь хотят ввергнуть нас в вечную неволю. Нынешнему гетману позволили раздавать имения старшине Запорожского войска, а старшина разделила наших братьев между собой, записала их за собой и своим и детьми в вечную панщину и только того не делает, что в плуг не запрягает. А Москва потекает старшине во всем, так как знает, что когда наши люди помужичатся, то она завладеет

Днепром, Самарою и везде построит крепости, из-за которых нельзя будет и пошевелиться! Я бросил отца, мать, жену, семью и немало добра и теперь призываю вас к борьбе за целостность нашей отчизны и воли. Не для того мы начинали дело, чтоб разрушить собственную Родину, ведь плохи те птицы, что собственное гнездо рушат; плох тот хозяин, что собственное имение рушит. Мы идем на Украину с тем, чтобы освободить наших братьев и себя от разбоя Москвы и её холоуев. Сами вы, разумные люди, подумайте: лучше ли страдать в неволе, быть батраком или хозяином своей земли? И пусть вам, панове, будет ведомо, что сам гетман, после рады со всеми полковниками, послал ко мне тайного человека сообщить, что, как только мы с ордой дойдем до Самары, – все они откажутся от Москвы и вместе с нами станут сражаться с душителями. Если вы не встанете за свои вольности, то знайте, что потеряете их навсегда, и будете вечными московскими невольниками, и никто уже потом не заступится за вас».

В июле 1692 года Петрик с татарской ордой выступили в поход на Украину. У Каменного Затона Петрик опять обратился к запорожцам с призывом о совместных действиях. Но кошевой Гусак вновь отказался идти против гетмана Мазепы. Около пятисот запорожских добровольцев во главе с Василием Бужским пошли с Петриком.

У Каменного Затона прошла Черная Рада, избравшая Петрика своим гетманом. Калга-военачальник крымского хана, вручил ему гетманские клейноды – булаву, бунчук, знамя. Мазепа выслал против Петрика четыре казацких полка и один компанейский, а сам с пятью сердюцкими полками встал под Гадичем и рассылал по Украине универсалы против Петрика – «гибельного сына», несущего на Украину новую Руину. Петрик дошел до Маяка, где его встретили полки Мазепы. Татары сразу ушли, грабя округу, а за ними и сам Петрик, которого население не поддержало – никто не хотел союза с ордой.

Выждав, когда в Крыму воцарился новый хан Селим – Гирей, Петрик поехал к нему, показав две настоящие или поддельные грамоты – от Мазепы и генерального писаря Кочубея. Крымский хан дал ему орду, Петрик снова выступил в поход на Украину, у Полтавы был встречен гетманским войском, покинут татарами, опять занявшись грабежами, отступил и вернулся в Перекоп. Запорожцы не верили в успех Петрика, не хотели действовать и в союзе с «басурманами», хорошо их зная, и не

поддерживали Петрика, который писал им:

«Не искушайтесь, братья, что московские цари присылают вам червонцы. Не прижимайтесь к Москве, как судак-рыба к неводу, еще не пойманная, но дергающая за нитки невода, и рыбак ловит её. Так и вы по доброй воле прислонились к Москве, а она делает с вами, то же самое, что перед этим сделала с теми, которых раньше прибрала к своим рукам».

Запорожцы ответили Петрику:

«Ты вдался в мятеж, забыл Бога. Пошел ты в Крым без нашего ведома, без нас и поход делай, а нас не морочь!»

В 1665 году Петрик снова с татарами пошел в поход на украинские земли и был убит одним из правобережных казаков.

В 1695–1696 годах в результате Азовских походов Петра I, в которых активно участвовали украинские казаки Ивана Мазепы, Азов был взят. В 1700 году было подписано российско-турецкое перемирие, по которому за Москвой остался Азов с северным побережьем Азовского моря. Шестидесятилетний Мазепа являлся советником Петра I и в турецких и польских делах. Войска Москвы и Польши постоянно проходили по украинским землям – в 1699 году гетман Мазепа писал царю, что за двенадцать лет своей власти он совершил одиннадцать походов, в которых Украина ничего не получила для себя; самого Мазепу называли «отчимом Украины».

В начале VIII века Батурин посетил французский дипломат Ж. Балюз, оставивший описание своей поездки:

«На границе Украины меня встретила почетная стража и с великим почетом сопроводила меня до города Батурина, где в замке находится резиденция владетеля Мазепы. Когда-то он, хоть и казак, но не знатного шляхетского рода, был придворным при дворе короля Казимира. Мой и его отцы были хорошо знакомы, я даже в молодости видел пана Мазепу, красивого и стройного при Польском дворе. Он очень любит украшать свой разговор латинскими цитатами. Разговор его вообще хорош и изыскан, правда, при разговоре, он любит больше молчать и слушать других.

Вид у него суровый, глаза сверкающие, руки тонкие и белые, как у женщины, хотя тело его крепче, чем тело немецкого рейтара, и всадник из него знаменитый.

Он имеет большой опыт в политике и, в противовес москвитам, следит и знает, что делается в чужеземных странах. Он показывает мне свою коллекцию оружия, одну из наилучших, что я видел в жизни, а также прекрасную библиотеку, в которой много книг на латыни».

В 1699 году по Карловецкому миру Польша «вернула» Подолию. Стоявший во главе местного казачества полковник Семен Палий, много лет до этого проведенный в Запорожской Сечи, являлся авторитетным вождем на Правобережье – в его полковом городе Фастове собирались все казаки и селяне, готовые бороться за свободу своей родины. Ещё в 1689 году Палия арестовали поляки, но он почти сразу отбился и вернулся в Фастов. Его поддержали богуславский полковник Самойлов Самусь, корсунский полковник Захар Искра, брацлавский полковник Андрей Абазин. Запорожцы писали: «Как станет Палий гетманом, то сможет управиться со всей начальной старшиной, и будет при нем, как при Хмельницком».

Как кандидат в гетманы, Палий для Мазепы был более чем реальной угрозой. Он опирался на рядовых казаков, на крестьян, которых переводил в казаки, на мещан, был тесно связан с православным духовенством и финансово поддерживал его. Коронный гетман Польской Короны Потоцкий предупреждал шляхту, что «Палий пытается идти следами Хмельницкого и зажигает факел холопской войны».

Семен Палий зажег факел – на Правобережье началось антипольское восстание. Незадолго перед этим польский сейм вынес решение об уничтожении казачества – польская элита, почему-то любила по несколько раз «наступать на одни и те же грабли». Правобережным полковникам приказали распустить казаков. Когда чиновники польского польного гетмана Яблоновского явились в Фастов с приказом, Семен Палий отказался его выполнять: «Я поселился в вольной Украине, и Речи Посполитой нет никакого дела до этого края. Только я, настоящий казак и вождь казацкого народа, имею право командовать тут».

В сентябре 1700 года казаки Палия разгромили пятитысячную польскую армию, попытавшуюся осадить Фастов. Палий создавал армию казаков Правобережья, советовался с запорожцами, посылал гонцов на Левобережье. По всему правому берегу Днепра начались крестьянские восстания. Палия полностью поддержал и назначенный – выбранный

поляками гетман С. Самусь.

Во главе Правобережного восстания встал Семен Палий. Казаки Палия и Самуся двинулись на Белую Церковь, польскую опору на правом берегу Днепра. Разбив польский арьергард под Бердичевом, казаки за неделю взяли Белую церковь, потом Немиров. Уже началась Северная русско-шведская война – на территорию Речи Посполитой вошел с армией шведский король Карл XII, преследуя саксонского курфюрста и выборного польского короля Августа, союзника Петра I, который дважды вызывал к себе полки Ивана Мазепы.

Оказать помощь Палию на Правобережье стало невозможным по дипломатическим причинам, хотя к Палию с левого берега Днепра шли и шли казаки-добровольцы. К 1702 году шведы взяли Варшаву и Краков и выдвинули своего кандидата на польский престол – познанского воеводу Станислава Лещинского. Польша, как обычно разделилась на два лагеря. Поляки под напором шведов отступали на Правобережье – положение Палия стало почти критическим, однако он упорно держался в Белой Церкви.

Весной 1704 года пятьдесят тысяч казаков Мазепы перешли на правый берег Днепра. Задача, поставленная гетману Петром I, была дополнена самим Мазепой, решившим присоединить Правобережье к Гетманщине. Мазепа быстро занял Киевщину и Волынь и устроил штаб-квартиру в Бердичеве. Ему необходимо было договориться и объединиться с народным героем Палием, но Мазепа этого не сделал, совершив стратегическую ошибку, – именно они меняют судьбы правителей и государств.

Гетман-аристократ и полковник-демократ не объединились – люди Мазепы арестовали Палия, который был отправлен в Батурин, оттуда в Москву, и затем выслан в Сибирь. Иван Мазепа, не веривший в опору на простых казаков, на народ, за четыре года до Полтавской битвы сделал очень много для того, чтобы её проиграть. Гетман стремительно терял доверие казачества, а Семен Палий стал героем поэм и романов, народных писем и баллад:

«Пише, пише та гетьман Мазепа
Та до Палія листи:
«Ой, прибудь, прибудь, Палію Семене,
Та на банкет до мене ...»
Ой, вже Семен, ой, вже Палієнко
На подвір`я виїжджає,
А там його вельможний Мазепа

Вином-медом напуває...
Ой, як крикнув вельможний Мазепа,
Гей, на свої сердюки:
«Ой візьміть, візьміть Палія Семена
Та закуйте йому руки».

Гетман Иван Мазепа стал вторым кавалером ордена Андрея Первозванного, введенного Петром I, получил титул князя Священной римской империи, стал владельцем обширных имений. В условиях Северной войны и полной реорганизации российской армии Петр I требовал от казаков биться за интересы России со шведами в Ливонии, Беларуси, Центральной Польше – потери казацких полков в боях с лучшей европейской армией доходили до 70 % личного состава. К сожалению, Петр I ставил во главе казаков немецких и русских командиров, часто использовавших казаков как пушечное мясо. В прочем, так относились ко всем солдатам.

К 1706 году Россия осталась без союзников, разбитых Карлом XII. Мазепа получил приказ строить укрепления на Днепре. Сами московские войска строили новую крепость в Киеве, украинское население нищало, отдавая на нужды Северной войны продовольствие, фураж, коней, скот. До гетмана дошел слух, возможно специально запущенный, о том, что Петр собирается отменить казачество и отдать Украину князю А. Меншикову. Казацкие полковники Горленко и Апостол писали Мазепе:

«Все мы за душу Хмельницкого Бога молим, за то, чтобы он вызволил Украину из-под польского ярма, а твою душу и кости дети наши проклянут, если ты оставишь казаков в такой неволе».

Эмоции всегда мешают принимать решения в управлении государством. Современные украинские историки В. Скляренко, В. Сядро и П. Харченко писали:

«Иван Степанович понимал, какие перспективы ждут его самого и Украину в целом. Процесс создания единого, жестко централизованного государства сопровождался ликвидацией остатков обособленности, автономии его окраинных частей. Украина не являлась исключением. Рано или поздно контроль над

ней должен был перейти в руки чиновников центрального правительства. Старшина от этих изменений ничего не теряла, превращаясь в составную часть российского дворянства. Но о государственном суверенитете «неньки» пришлось бы забыть на веки вечные. На третьем десятке лет своего гетманства Мазепа убедился, что ни верная служба царю, ни выполнение договорных обязательств не обеспечивает Украине свободного существования. Крепнувшая империя всё больше и больше вмешивается в украинскую государственность политически, считая Украину лишь источником для обогащения империи, перекачивания её природных богатств, рабочей силы, умов и талантов».

Что же касается гетмана, то ему светило превратиться из властелина в обычного командующего войском. Так что Мазепе пришлось задуматься о смене покровителя. Причем ни Польша, ни Турция для этого не подходили. Кровавый опыт «руины» как нельзя лучше его продемонстрировал. Гетману требовалась сила, способная защитить его от гнева Петра I, помочь казацкой старшине превратиться в «отечественных» не зависящих от воли московского царя помещиков нового государства, главой которого Мазепа собирался стать сам».

Украина очутилась между двух огней. При победе Петра I и Августа II ее делили бы между Польшей и Россией, при победе Карла XII и Лещинского – Украина была бы под Польшей и Швецией. Весной 1707 года в Жолкве на тайное собрание в доме генерального обозного Ломиковского собралась старшина для поиска выхода из политического тупика. Возникли две концепции: первая – создание великого княжества Русского в федерации с Речью Посполитой, вторая – союз с Крымским ханством и Турцией для борьбы за независимость Украины. Сам гетман Мазепа решил создать независимое княжество. Когда гетман Мазепа начал переговоры с Карлом XII и с его ставленником С. Лещинским, точно не известно. Бывший при Мазепе генеральным писарем Филипп Орлик вспоминал:

«Связи эти начались ещё в 1705 году, когда Мазепа был с войском в Польше. В 1707 году мысль Мазепы про разрыв с Москвой уже выкристаллизовалась. Семидесятилетний старец, проживший двадцать лет на гетманстве, среди богатства и роскоши, которых не знал никто из его предшественников, в уважении и доверии царя, который награждал его титулами и

орденами поклялся передо мной:

«Призываю всемогущего Бога в свидетели и клянусь, что не для почестей, не для богатства или каких-то иных целей, а для всех вас, которые находитесь под моей властью, для жен и детей ваших, для добра Матери нашей, несчастной Украины, для добра всего украинского народа, для умножения его прав и возвращения вольностей, хочу я при Божьей помощи так сделать, чтобы вы с женами вашими и край наш родной не погибли ни под москалями, ни под шведами. Если же это я делаю ради каких-нибудь личных целей, то пусть покарает моё тело и душу Бог и Святая Троица».

О выборе гетмана Ивана Мазепы писал О. Субтельный:

«Неудовлетворение, что в итоге толкнуло Мазепу искать другого покровителя, было связано с вопросом защиты Украины. Когда польский союзник Карла XII, Станислав Лещинский, стал угрожать нападением на Украину, Мазепа обратился за помощью к Петру I. Царь, ожидая наступления шведской армии, ответил: «Я не могу и десяти человек дать, защищайся, как знаешь». Это было для гетмана последней каплей. Петр I нарушил обязательства оборонять Украину от ненавистных поляков, что являлось основой договора 1654 года, и украинский гетман перестал считать себя обязанным соблюдать верность царю».

Очевидно, в 1707 году был подписан украино-шведский договор, о котором в своих воспоминаниях писал Ф. Орлик:

«Украина должна быть независимым государством, украинским княжеством, Мазепа – пожизненным князем или гетманом. После его смерти должен быть выбран новый правитель. Король шведский должен защищать Украину от врагов».

Тогда же Мазепа заключил договор с Лещинским, по которому тот признавал Мазепу князем Черниговским, вассалом Польши. Гетман вел переговоры с Крымским ханством, Турцией, Молдовой, Валахией. Переговоры велись втайне от всех, даже от старшины и от окружения, но полностью скрыть их Мазепе не удалось.

Доносы на Мазепу в Москву шли часто. Летом 1708 года генеральный судья Кочубей и полтавский полковник Искра написали Петру I о тайных переговорах гетмана. В вину Мазепе ставилась, в частности, даже песня, сочиняемая самим гетманом:

«Самопали набивайте,
Гострих сабель добувайте,
А за віру хоч умріте
І вольностей бороните!
Нехай вічна буде слава,
Ми чрез шаблю маєм права».

Обвинение Мазепы изложено Кочубеем и Искрой в 26 пунктах и сохранилось в записи московских дьяков. Гетману ставилось в вину:

«1. В 1706 году гетман Мазепа говорил ему, Кочубею, наедине, в Минске, что княгиня Дольская, мать Вишневецких, с согласия близкого родственника её, короля Станислава, обещала доставить ему княжество Черниговское, а войску малороссийскому всякие вольности и выгоды.

2. Мазепа поманил польского гетмана Огинского за преданность его краю...

6. Сказывал Кочубею, что король шведский из Саксонии пойдет прямо через Польшу в Москву, где намерен низложить царя и на его место возвести другого.

Под Киев же подступит король Лещинский, с польским войском, и генерал Реншельд со шведским. Когда же, прибавил Мазепа, ведал сие, я просил у царя вспомогательное войско, он отвечал мне: довольно у вас войск казацких и московских, находящихся в Киеве; и так заключил гетман, придется нам соединиться с армией короля Станислава.

9. Мая 29-го Мазепа, пригласив дочь Кочубея окрестить с нею одну жидовку, сказал ей за обедом: «ой, Москва сильно прибирает в свои когти всю малороссийскую Украину!».

15. Слышали от гетмана сии слова, что если осмелится, кто бы то ни был, из подвластных ему, противится его предприятию, тот будет замучен до смерти...

17. 10 июня 1706 года Мазепа, выпив у Кочубея лишнюю

рюмку, сказал со вздохом, когда пили за его здоровье: «что мне за утеха, коли я живу никогда не маючи совершенной надел своей целости и всегда ожидая, як вол обуха»! Потом стал хвалить жене Кочубея гетманов Выговского и Брюховецкого, предпринявших выбиться из воли московской, в чем и усилили бы они, если бы, по несчастью, злые люди не перешкодоли.

18. Мазепа также говорил некоторым полковникам в Киеве: «треба нам, согласясь с королем Станиславом, зараз приниматься за сабли»...

21. Не только запрещал малороссиянам в супружеские связи вступать и дружить с великороссиянами, но даже угощать их хлебом и солью.

22. Нимало не радеет об укреплении малороссийских городов, чтобы не могли обороняться от неприятеля.

23. Внушает запорожцам, что государь хочет всех их истребить, стараясь посредством сего вооружить сих казаков против его Величества...»

Петр I, которому Мазепа сильно помог в подавлении восстания Кондратия Булавина, доносу не поверил и выдал Кочубея и Искру Мазепе, который пытал и казнил их. О «шведских» планах Мазепы знали Орлик, Ломиковский, Горленко, Апостол, Зеленский. Однако так, как Кочубей и Искра, думали и делали многие полковники и старшины.

Весной 1708 года шведская армия Карла XII в количестве 70 тысяч солдат двинулась из Великого княжества Литовского на Москву. Армия была разделена на несколько частей – с Карлом XII шли 35 тысяч солдат.

Армия Петра I защищала Новгород и Псков. Король Швеции решил идти через Смоленск или Брянск. Однако 28 сентября 1708 года шведский корпус генерала Левенгаупта в 16 тысяч солдат, везший припасы и громадный обоз Карлу, был разбит русскими войсками у белорусской деревни Лесной. Карл XII был отрезан от своих баз снабжения, население уничтожало всё, что могло пригодиться шведам. Карл XII попытался пойти на Москву по левобережной Украине, но войска Петра и казаки отбили нападение.

Сконцентрировавшись в районе Сумы-Белополье, объединенные войска Петра и украинских казаков выдавили шведскую армию из Ромен. В Сумах прошел военный совет во главе с Петром I, на котором был выработан российский план военных действий. Армия Карла XII двинулась к Батурину – в гетманской столице были собраны громадные запасы

продовольствия и военного снаряжения. Н. Полонская-Василенко писала:

«Вступление шведских войск на территорию Украины было страшным ударом для Мазепы, и он принужден был принять непосредственное участие в событиях. В тот период у десяти украинских полков только три было в Украине – Миргородский, Лубенский и Прилуцкий. Полтавский был ещё на Дону, Киевский и Гадячский – на Правобережной Украине для помощи польским союзникам Москвы, а четыре полка – Стародубский, Черниговский, Нежинский, Переяславский – в Беларуси, в распоряжении московских командиров. Оставалось ещё три компанейских и четыре сердюцких полка».

Этот, в общем-то, ожидаемый, поворот шведской армии на Украину, смешал все планы Мазепы. Петр I вызвал гетмана с оставшимися полками к себе. Мазепа, сославшись на болезнь, тянул со своим отъездом, сколько мог. Про то, что шведы идут к Батурину как союзники гетмана, знали только несколько старшин. Казаки и селяне не принимали шведов и воевали против них, как против захватчиков – шведские солдаты своим поведением этого вполне заслуживали.

24 октября 1708 года Мазепа с частью генеральной старшины, несколькими полковниками и пятью тысячами казаков вышел из Батурина, в котором оставался десятитысячный гарнизон во главе с полковником Чечелем. Через четыре дня Мазепа прибыл к Карлу XII, который, очевидно, разочарованный количеством мазепинцев, даже по началу не принял его и не пошел к Батурину, главной базе и столице Гетманщины. Из пяти тысяч казаков не все пошли в шведский лагерь, услышав обращение гетмана:

«Моё мнение такое: когда король Шведский, всегда непобедимый, которого вся Европа уважает и боится, победит царя Российского и разрушит царство его, то мы по воле победителя, неминуемо будем причислены к Польше, и уже тут нет и не будет места договорам о наших правах и привилегиях.

А если допустить царя Российского выйти победителем, то уже лиха година придет к нам от самого того царя.

Так что, остаётся нам, братья, из видных зол, которые нас окружают, выбрать меньшее, чтобы потомки наши, брошенные в рабство, проклятиями своими нас не вспоминали.

Виделся я с обоими воюющими королями, Шведским и

Польским, и всё мастерство своё использовал перед ними, чтобы убедить первого о протекции и милости для Отчизны нашей от военных напастей и разрушений в будущей войне».

Достоверных сведений о соглашении Карла XII и Ивана Мазепы не сохранилось – многие документы были уничтожены в течение нескольких дней после Полтавской битвы. Некоторые источники говорят о том, что хотел гетман Иван Мазепа:

«Украина, по обе стороны Днепра с войском Запорожским и народом малороссийским должна быть навеки свободна от всякого чужого владения. Швеция и другие союзные государства ни с целью освобождения, ни с целью опеки, ни с какими другими видами не должны претендовать на власть над Украиной и войском Запорожским или на какое-нибудь верховенство, не могут захватывать или занимать своими гарнизонами украинских крепостей, какие были бы оружием или договором добыты у Москвы. Должны свято сохранять целостность границ, неприкосновенность свобод, законов, прав и привилегий, чтоб Украина на вечные времена пользовалась свободно своими правами и вольностями без всякого ущерба».

Об Иване Мазепе в 1708 году писал Феофан Прокопович:

«Мазепа сколько был предан в глубине души своей полякам, сколько ненавидел россиян; но никто не мог заметить сего, ибо он всегда оказывал им великое почтение, любовь и доброжелательство. Проницательный ум его наблюдал за поступками людей, взвешивал все их слова и даже старался угадывать сокровенные намерения. Он был до такой степени скрытен и осторожен, что часто казался не понимавшим говоренные при нём двусмысленные речи. Когда же намеревался выведать какую тайну, выдавал себя за человека откровенного и в подобных случаях прибегал обыкновенно к просьбам вина, притворялся пьяным; нападал на хитрых людей, восхвалял чистосердечных и неприметным образом доводил разгоряченных напитками собеседников до желаемой цели.

Намереваясь вновь присоединить к Польше Малую Россию и зная, сколько жители сего края не любили поляков и вводимую

ими унию, оказывал он мнимое усердие к православию: созидал каменные церкви, снабжал разные монастыри и храмы богатыми сосудами и утварью. Обманывая набожных малороссиян, отдалял всякое подозрение насчет неверности и со стороны двора притворялся тяжко больным и дряхлым. Доктора не покидали его ни на одну минуту; часто не мог он ни ходить, ни даже стоять от чрезвычайной слабости, лежал на одре, покрытый пластырями, мазями и повязками, и, подобно полумертвому человеку, испускал столь тихие стенания, что едва можно было слышать его голос».

Петр I узнал о переходе Мазепы на сторону шведов в Новгород-Северске. Вместе с гетманом Мазепой к шведам перешли генеральный обозный Ломиковский, генеральный судья Чуйкевич, генеральный писарь Орлик, генеральные есаулы Гамалея и Максимович, генеральный хорунжий Сулима, генеральный бунчужный Мирович, полковники: миргородский – Апостол, прилуцкий – Горленко, лубенский – Зеленский, корсунский – Кандыба, киевский – Мокиевский, компанейские – Андрияш, Галаган, Кожуховский, полковник сердюков Покотыло, бунчуковые товарищи, гетманские дворяне, канцеляристы. С гетманом были части Миргородского, Прилуцкого, Лубенского полков, три полка компанейских, один сердюцкий – всего около 4 тысяч человек. Это было очень мало – от всей Украины.

От Запорожской Сечи с боями в лагерь гетмана несколько тысяч запорожцев привел кошевой Кость Гордиенко, выступивший на военном совете с обращением к Ивану Мазепе:

«Мы, войско Запорожское и я, благодарим вас за то, что вы как начальник Украины приняли близко к сердцу, как честный человек, положение, в котором вынуждено оказалась наша Отчизна, и за то, что вы начали освобождать ее от панования москалей. Поскольку мы уверены, что именно из-за этой великой цели, вы попросили защиту у короля Швеции, то мы решили верно помогать вам, рискуя нашей жизнью и покоряясь вам во всем, так что вы имеете право приказывать нам для достижения желанной цели. Мы желаем вам взять на себя этот груз, чтобы облегчить вам его, мы сделаем все возможное».

27 октября 1708 года Петр I издал манифест к украинскому народу «об исчезновении Мазепы» и приказал старшине явиться в Глухов на Раду для

выборов нового гетмана. В новом манифесте от 28 октября извещалось «об измене Мазепы», о его желании передать Украину полякам». Началась «война манифестов». Мазепа и Карл XII призывали украинцев к себе, говоря, что шведская армия только хочет защитить Украину «от московского ига».

Командующий кавалерией российской армии А. Меншиков получил приказ взять Батурин, в котором хранились громадные запасы продовольствия и вооружения. Гарнизон крепости имел столько же воинов, сколько и корпус Меншикова, и отказался сдаваться. В городе не все знали о переходе Мазепы к Карлу XII. Меншикову показали тайный проход в крепость, и после кровопролитного боя Батурин был взят и сожжен – со всеми своими военными запасами. Население в несколько тысяч человек, почти без исключений, было вырезано. О. Сувельный писал:

«Через несколько дней после перехода Мазепы к шведам на гетманскую столицу Батурин напал командующий российскими войсками на Украине князь Меншиков и вырезал всех жителей: 6 тысяч мужчин, женщин и детей. Известие о бойне в Батурине и террор, который начали на Украине российские войска, арестовывая и казня при наименьшем подозрении в симпатиях к Мазепе, сменило планы многих потенциальных союзников гетмана».

Ужасный пример Батурина, жестокость российских войск сеяли страх среди украинцев, одновременно протестанты-шведы вызывали у них настороженность. Поэтому большая часть украинского населения не захотело поддержать Мазепу. Она хотела подождать и увидеть, как будут развиваться события.

В новой штаб-квартире Петра I в Лебедине, на Слободской Украине, начала работу следственная комиссия, искавшая союзников Мазепы. Современный автор писал:

«Их находили в домах и отдавали на страшные муки, колесовали, четвертовали, сажали на кол, и уже совсем игрушкой считалась казнь через повешение и отсечение головы».

Как обычно, пытками доводили схваченных до того, что люди, не причастные к делу, признавали себя виновными, после чего их казнили.

Ужасающая отчетность увеличивалась с помощью и «проскрипционных списков», составляющих в общем количестве чуть и не половину невинно убиваемых – только в одном Лебедине было уничтожено около тысячи человек. Движимое и недвижимое имущество казненных, соответственно, до казны не доходило, оседавая в карманах добровольных садистов, по совместительству и членов следственных комиссий – ещё со времен Ивана IV царская власть не любила наказывать своих слуг – исполнителей, несмотря на их отрицательный профессионализм и неимоверную жадность. Н. Полонская-Василенко писала:

«Трагедия Батурина была только началом длинного ряда трагедий, перенесенных Украиной. Террор охватил всю страну. Начались следствия и тяжелые кары на всех, кто был причастен к делу Мазепы. Ужас распространялся по городам и селам, население которых спешило засвидетельствовать перед московской властью свою лояльность: Прилуки, Лубны, Лохвица, сотни Лубенского, Миргородского, Прилуцкого полков. Петр охотно принимал многочисленные доносы. Сторонников Мазепы ждали казни, ссылки, конфискация имущества, которые распространялись и на родственников. А тех, кто писал доносы, награждали чинами, именьями, конфискованными у жертв. Глубокая деморализация охватила Украину, где каждый боялся за свою жизнь, за жизнь родных».

В ноябре 1708 года в Глухове по указанию Петра I, новым украинским гетманом был избран стародубский полковник Иван Скоропадский, правивший Гетманщиной до 1722 года. Чуть позже из сибирской ссылки возвратили Семена Палия. Во время избрания нового гетмана попыталась дискредитировать и Мазепу – с его куклы – «персоны», повешенной в Глухове, палач сорвал орден, духовенство огласило проклятие Мазепе, в Москве его объявили изменником и провозгласили анафему. Все это произвело большое впечатление на население. Меньшую часть Украины заняли шведы, большую – Россия с новым гетманом Скоропадским. Шведская армия осталась зимовать на Украине, население повело против неё партизанскую войну, на которую шведы отвечали жестокими репрессиями, ухудшавшими их положение – украинские партизаны сократили полки Карла XII на четверть.

Иван Мазепа вел переговоры о создании антимосковской коалиции с поляками, турками, крымскими татарами, Молдавией, Валахией,

Трансильванией, донскими казаками, калмыками, казанскими татарами, башкирами – все выжидали, понимая, что «дело» решат Швеция и Россия. Сам Карл XII застрял под Полтавой, пытаясь занять стратегический пункт на перекрестке дорог, но отчаянно защищавшийся город взять не смог, оставив на валах Полтавы несколько тысяч своих солдат.

Московские полки, несколько потрепанные запорожцами под Нехворощей пошли на Сечь и уничтожили её. Н. Полонская-Василенко писала:

«Во времена Мазепы Запорожье под началом кошевого Гордиенко стало в оппозицию к гетману, так как запорожцы противились политике Мазепы в социальных вопросах и в отношениях с Москвой. После перехода Мазепы к шведам Гордиенко, не смотря на личные разногласия с гетманом Мазепой, перешел к Карлу XII, приведя с собой восемь тысяч казаков. Это имело огромное значение, подняв восстание Мазепы в глазах народа и обеспечив гетмана значительной военной силой.

Вследствие присоединения запорожцев к Мазепе восстали почти весь Полтавский полк, всегда тесно связанный с Запорожьем, часть Слобожанщины, Правобережной Украины. Кость Гордиенко рассылал письма всюду, где мог найти поддержку, и призывал украинцев присоединиться к шведам.

Петр решил уничтожить Запорожье. Три полка под командой Яковлева 18 апреля 1709 года взяли Переволочну, разрушили замок и порубили около тысячи запорожцев, много их потонуло в реке. 11 мая была взята и разрушена Сечь.

Гордиенко с казаками все время был с Мазепой, участвовал в Полтавской битве, отступал в Бендеры, и остался с гетманом Орликом. Запорожцы участвовали в 1711 году в неудачном походе на Правобережную Украину. А после того пошли «под татарский протекторат» и основали Сечь в Алешках».

27 июня 1709 года на перекрестке дорог из Запорожья, Крыма, Турции, Правобережной Украины, Дона, Украины, России произошла Полтавская битва – армия Петра и казаки Скоропадского разгромили шведов Карла XII и мазепинцев. Российский историк XIX века писал:

«Шведы открыли огонь перед рассветом: пехота их

устремилась на российские редуты и вскоре овладела двумя, ещё не оконченными, в то время, как кавалерия сильно атаковала нашу конницу, позади них поставленную, но была отражена. Здесь неприятель лишился четырнадцати знамен. Несмотря на сей успех, Петр велел генералу Боуру податься назад, желая завлечь неприятеля под выстрелы ретраншементов, что и удалось ему исполнить. Шведы, увлекаемые храбростью, бросились за этими эскадрами и, проходя близ российских укреплений, подвергли сильному картечному огню правый фланг свой. Происшедший от того беспорядок заставил их отступить влево к лесу. Между тем атака на российские редуты продолжалась генералом Россом, отрезанным тогда от главной шведской армии. Меншиков напал, на сей отряд, разбил его, обратил в бегство и принудил сдаться его генералу Реншелю.

Еще не начинались тогда главные сражения. В десятом часу утра левое крыло российское вступило в бой с правым шведским, и вскоре битва сделалась общей. Тщетно король, растянувший свою пехоту, старался воспрепятствовать россиянам, окружить себя с флангов: превосходное число последних и их многочисленная артиллерия превозмогли мужественное сопротивление шведов, которое, после получасового сражения, обратились в бегство и были преследуемые в самый лес, а оттуда бежали по дороге в Решетиловку. В одиннадцать часов утра победа совершенно увенчала россиян!

Любопытно, что славный Палий, возвращенный из Сибири, находился также в Полтавском сражении. В последний раз в жизни сей престарелый воин обнажил тогда меч свой. Несколько малороссиян поддерживали его на лошади, и если победоносная мышца, ослабевшая от трудов многолетних, не могла уже разить противников, одно присутствие его достаточно было для воспламенения соотчичей к мужественным подвигам».

Карл XII и Мазепа с остатками войск бежали на юг – у шведского короля в дуэли с Петром I фактически не было никаких шансов на победу. У Переволочны 30 июня уйти на турецкие земли смогли только несколько сот человек. Армия шведов перестала существовать.

6 июля 1709 года Карл XII и Мазепа были в Очакове, а 1 августа – в Бендерах, где турки назначали им местопребывание. 22 сентября Иван Степанович Мазепа умер – историки говорят, что от отчаяния или приняв

яд. Его похоронили в монастыре в Галаце, на Дунае. Украинские историки В. Склярченко, В. Сядро, П. Харченко писали:

«После смерти Ивана Степановича наука и культура Украины быстро пришли в упадок, большинство украинцев стали неграмотными. Россия, создававшая, огнем и мечем, крепкое государство, рассматривала Украину только в качестве мостика к Западной Европе. Московское царство, превращаясь в Российскую империю, разнообразными запретами и ущемлениями сумело подчинить Киев политически и экономически. Запорожская Сечь – одна из самых демократичных республик в Европе, очаг украинских вольностей в течение веков, была уничтожена. Даже сам язык Украины оказался под запретом и стал считаться «языком пастухов и свинопасов». Поэтому можно сказать, что последний поступок гетмана история оправдала...

Более двух веков имперские идеологи проклинали имя гетмана, называя его преступником и хриstopродавцем. Интересно, что проклинали Мазепу, именно за то, что восхваляли Хмельницкого, – за восстание против иностранного господства! Выходит восстание против Польши – событие праведное и величественное, а восстание против России – преступление? А ведь даже в отношении России Мазепа не являлся, по сути, предателем. Но действовавшему тогда в Европе закону вассал имел право выбрать себе сюзерена. Как и поменять его в случае притеснений. Так что гетман просто сделал свой выбор...

Современные историки, давая оценку деятельности Мазепы, прежде всего принимают во внимание его вклад в укрепление украинской государственности. Именно ему удалось поднять украинское хозяйство, науку, образование и культуру, достичь определенной стабилизации общества. Стремление Мазепы создать собственную элиту, его политика преследовала далеко идущую цель, обеспечила почти восьмидесятилетие существования гетманского государства, повлияли на все дальнейшее развитие украинского народа и его государственных традиций, на формирование национальной культуры.

Да, Мазепа был хорошим политиком, умеющим своевременно покинуть своего покровителя, чье положение пошатнулось, и перейти на сторону нового, перспективного

шефа; умеющим обдумывать и проводить в исполнение свои замыслы втайне, всегда следуя поставленной цели. Но ведь нарушение соглашений власть имущими в те времена было такой же нормой, как и заключение этих соглашений! Не раз предавали украинцев поляки, россияне, турки и татары, да и украинцы часто вынуждены были идти на подобную измену...

Так может, пора закрыть вопрос о степени вины загадочного гетмана? Вспомним: «Не судите, и не судимы будете».

Современный историк Т. Таирова-Яковлева писала в своей работе «Мазепа», вышедшей в 2007 году в серии «Жизнь замечательных людей»:

«Давно уже пора уйти от политических анафем и проклятий в адрес Мазепы и постараться извлечь урок из трагедий наших предков. Не стоит следовать пропагандистским штампам, которые пытались объяснить русско-украинский конфликт начала XVIII века корыстью одного «изменника-гетмана». Надо набраться мужества и признать, что интересы и цели молодой Российской империи и ослабленной Гетманщины были очень различными. В некотором роде Украина стала заложницей геополитических планов России. Петр стремился создать новое государство, способное как в военном, так и в экономическом плане соперничать с европейскими державами. Эта политика была возможна только при жесточайшей централизации. Военная и экономическая ситуация позволяла провести объединение Украины и вырвать из страшной бездны Руины Правобережье. Однако эти планы были принесены в жертву дипломатической игре. Перед лицом шведского наступления Левобережье должно было превратиться в выжженную землю, арену военных действий. Именно два этих фактора, наряду с личными обидами, и вынудили Мазепу на попытку союза с Карлом XII.

Ещё одним фактором был план ликвидации Гетманщины и включения её в общую структуру Российской империи. Самой страшной трагедией Гетманщины являлось то, что у неё не было альтернативы. Все попытки договоров с Польшей и Крымом заканчивались провалом. Швеция же была слишком далеко. Поэтому все политические лидеры Гетманщины, включая даже Мазепу, рано или поздно вынуждены были возвращаться к идее союза с Россией, каждый раз надеясь на «хорошие условия» и

«милость царя».

Украинский историк В.Ф. Остафийчук писал об Иване Мазепе в «Истории Украины: современный взгляд»:

«Одним из важнейших направлений политики Мазепы была культурно-просветительская деятельность. Как щедрый и добрый человек, Мазепа значительную часть своих личных доходов вкладывал в развитие украинского просвещения, науки, искусства, архитектуры, литературы, книгопечатания, справедливо считая, что только таким способом можно сравняться с европейскими государствами. Как покровитель православия он строит по всей Гетманщине за свои средства около двадцати прекрасных храмов, возведенных в пышном стиле, который часто называют мазепинским, или казацким барокко. Много старинных храмов княжеской эпохи было реконструировано. Среди них такие величественные сооружения, как храмы Николая и Богоявленская в Киеве. Значительно обновил гетман и знаменитый Софийский собор в Киеве, Успенский собор Киево-Печерской лавры и Михайловский собор Выдубецкого монастыря. Гетман финансировал и сооружение новых стен, которые окружают сегодня Киево-Печерскую лавру. На эпоху гетмана приходится и расцвет Киево-Могилянской академии, которую Мазепа взял под свою опеку. Благодаря его поддержке были сооружены новые корпуса и до двух тысяч увеличена численность студентов. Был основан Черниговский коллегийум. Царицей культурной деятельности Мазепы было печатное дело. Издания мазепинской эпохи – одни из лучших украинских книгоизданий. Сам гетман имел лучшую на Украине библиотеку и дарил книги монастырям, церквям, отдельным людям».

Такая целенаправленность и всеохватывающая культурная деятельность Ивана Мазепы позволят говорить о ней не просто, как о меценате, а как о спланированной далекоидущей государственной политике.

Через двадцать дней после Полтавской битвы гетман Иван Скоропадский передал в Москву на утверждения «Решетилковские статьи»:

«1. О подтверждении прав и вольностей, дарованных войску Запорожскому царями Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем.

Решение: обещано содержать оные без всякого нарушения.

2. Чтоб во время похода наказной гетман не был подчинен российским генералам, часто заставляющим казаков возить дрова, сено и пасти лошадей.

Решение: дозволено наказным гетманам приносить, в таком случае, жалобы государю на генералов, которые понесут за то жестокий гнев.

3. О возвращении войску взятой в Батурине артиллерии.

Решение: не отданные доселе пушки имеют быть отведены в московский цейхгауз вместе с другими доспехами, отнятыми у неприятеля.

4. О таком же возвращении гадячских пушек и неотторжении от помянутого полка местечка Котельвы.

Решение: пушки, взятые из Гадячского полка, велено возвратить в те только места, в которых жители сохранили верность к российскому престолу, а местечко Котельва, по просьбе тамошних жителей присоединенное к Ахтырскому полку, не может быть возвращено Гадячскому.

5. О запрещении находящимся в Украине российским выводам нарушать права и вольности малороссийские, также вступаться в тамошние суды и расправы и о выведении из малороссийских городов российских гарнизонов.

Решение: по первой просьбе будет исполнено, а гарнизоны оставлены только в Полтавском полку, бывшем, большей частью, в согласии с запорожцами.

6. Чтоб никто самовольно не останавливался на казацких дворах, через что нарушается вольность казацкая, за которую они только служат.

Решение: о подобных обидах должно приносить жалобы определенному к гетману ближнему стольнику Измайлову.

7. О запрещении брать самовольно подводы в Украине и чинить обиды и разорения малороссиянам во время переходов великороссийских войск.

Решение: на сие последует государев запретительный указ.

8. Чтоб, по случаю понесенного разорения малороссиянам от шведов, уволены были казаки на несколько лет от военной

службы.

Решение: увольняются на одно лето.

9. О дозволении малороссиянам пользоваться по-прежнему рыбным, звериным и соляным промыслами в большей Запорожской сечи.

Решение: отложено до некоторого времени, для воспрепятствования запорожцам селиться вновь под тем предлогом в означенных местах.

10. О запрещении называть изменниками малороссиян, не последовавших примеру Мазепы.

Решение: будет запрещено высочайшим указом.

11. Чтоб верные государю компанейские полки и сердюцкий, по причине разорения мест, в которых они квартировали, и недостатка войсковой казны, были приняты в милостивое его царского величества покровительство.

Решение: полки сии имеют быть расположены в местах, менее прочих потерпевших разорение, и увольняются от военного похода; о войсковых доходах доставить государю немедленно подробную ведомость.

12. О дозволении черниговским жителям строиться вновь на тех местах, где сломаны были их жилища.

Решение: запрещено, по причине сломки их домов для городского управления, желающих же строиться велено отводить в других местах удобные земли.

13. Чтоб государевы указы были присылаемы к одному только гетману, а не в полки и города малороссийские.

Решение: изъявлено на сие высочайшее соизволение.

14. О подорожных, по которым имеют быть выдаваемы подводы в городах и селах малороссийских.

Решение: они должны быть из Москвы за подписью судей малороссийского и ямского приказов, из похода – фельдмаршалов, а из городов – за подписью комендантов или воевод».

Малороссийский приказ, созданный в 1662 году, ведал отношениями с Украиной до 1667 года, когда он был подчинен Посольскому приказу. С лета 1710 года, для надзора за действиями гетмана и казацкой старшины на Украине находились и русские резиденты.

Первым резидентом стал ближний стольник Андрей Измайлов.
По указу Петра I в его обязанности входило:

«Чтобы он находился при гетмане для управления, с общего с ним совета, делами великого государя по случаю бывшего возмущения в Малороссийском краю и бунта запорожцев.

1. Надлежит ему стараться, вместе с гетманом, о сохранении тишины и благоустройства в Малороссии, посредством ареста всех возмутителей.

2. Препятствовать, вооруженною рукой, запорожцам селиться вновь в Сечи или в другом каком месте.

3. Иностранных посланцев принимать вместе с гетманом, доставлять к государю привозимые ими письма и без высочайшего соизволения не отвечать, равно и казацких посольств никуда не отправлять.

4. Иметь смотрение, чтобы гетман, без указа великого государя, никого из старшин и полковников не оставлял, и вновь избираемы они были с общего совета и с утверждения царского.

5. Препятствовать принятию поляков и других иноземцев.

6. Наблюдать, чтобы гетман никого не казнил без изволения великого государя.

7. Описать все имущество изменников, прислать ведомость оным; впредь гетману никаких местностей и земель не давать и не отнимать ни у кого без царского соизволения; за усердную их службу назначать с общего согласия генеральных старшин; потом представлять государю.

8. Гетману иметь свое пребывание в Глухове.

9. С городов в Полтавском полку и в других, замешенных в измене Мазепиной, взыскать в казну по два ефимка с каждого двора; в противном случае разорить их до основания, подобно Батурину.

10. Истребовать от гетмана и полковников подробную ведомость о войсковых доходах.

Сверх сих статей даны были Измайлову тайные:

1. Чтобы он имел неослабное смотрение за поступками гетмана, старшины и полковников и препятствовал им сноситься с турками; в случае же чьей измены или народного возмущения требовал пособия от воеводы киевского и от других соседственных, а для скорейшего прекращения всякого

беспорядка употреблял пехотные великороссийские полки, данные ему в команду и находившемся прежде при Мазепе.

2. Проведал тайно, сколько прежде сего собиралось и ныне собирается доходов для гетмана, генеральных старшин, полковников и прочих урядовцев.

3. Узнавал из разговоров и обхождения, кто из старшин и казаков более привержен к государю и какого уряда достоин».

С «согласия» гетмана и старшины несколько украинских местечек были переданы Меньшикову и Шафирову – впервые на Украине появились российские землевладельцы.

Время великих гетманов на Украине закончилось.

Вместе с Мазепой в Бендерах оказались пятьдесят представителей казацкой старшины, около пятисот казаков из левобережных полков и около четырех тысяч запорожцев – это была первая украинская политическая эмиграция. Во главе ее были генеральный обозный Иван Ломиковский, генеральный бунчужный Федор Минович, генеральный есаул Григорий Герцик, прилуцкий полковник Дмитрий Горленко и генеральный писарь Филипп Орлик.

5 мая 1710 года при одобрении турецкого султана новым гетманом – в изгнании – был выбран Филипп Степанович Орлик.

Он родился в 1672 году на Виленщине в шляхетской семье чешского происхождения, учился, как и кошевой Кость Гордиенко, в Киево-Могилянской академии, где одним из его учителей был знаменитый Стефан Яворский, будущий «местоблюститель патриаршего престола» в Москве.

Орлик служил в митрополичьей канцелярии, из которой перешел на службу гетману в генеральную войсковую канцелярию и в 1707 году стал генеральным писарем.

После смерти И. Мазепы Орлик заключил соглашения со шведским королем и крымским ханом о военной помощи против Москвы и совместных действиях.

В день выборов Орлика была утверждена «Конституция прав и свобод Запорожского войска» – «*Pacta et constitutiones*» – так называемая Бендерская конституция. Основными ее пунктами стали провозглашение независимости Украины от Польши и Москвы, восстановление казацких рад, ограничение власти гетмана в пользу старшины:

«Отчизна наша чтобы в подтвержденных договорами Речи

Посполитой и Московского государства границах, которые отошли по реку Случь с времен гетманства славной памяти Богдана Хмельницкого, была отделена, вечно отдана и договорами укрепена от Речи Посполитой в гетманскую область, чтобы не были насильно изменены и нарушены ее границы».

Тридцать лет после Полтавской битвы «казацкий гетман» Ф. Орлик ездил по Европе – Швеции, Германии, Франции, Греции, Молдавии – ища поддержки своему движению против Российской империи. В 1712 году он опубликовал «Манифест к европейским правительствам» и «Свод прав Украины»:

«Какие бы великие не были московские насилия, они не дают никакого законного права москалям на Украину. Наоборот, казаки имеют право человеческое и естественное, один из главных принципов которого:

Народ всегда имеет право протестовать против гнета и вернуть использование своих древнейших прав, если будет иметь для этого подходящее время».

Сохранилось письмо короля Франции Людовика XV от 1732 года:

«Я очень интересуюсь судьбой и положением пана Орлика, считаю полезным для интересов Франции поддержать пана Орлика. Нужно, чтобы Порта помогла гетману Орлику собрать вокруг себя свою нацию, такую великую и храбрую, чтобы она могла скинуть московское владычество».

М. Грушевский писал о Конституции и деятельности Филиппа Орлика:

«Указывается, что в последнее время гетманы присвоили себе «самодержавную власть, узаконили самовластие и такое право «так хочу, так повелеваю». Для предотвращения этого на будущее время эта конституционная хартия устанавливает такие порядки: три раза в год, на Рождество, Пасху и Покров, должны происходить «генеральные рады» в гетманской резиденции для решения важнейших дел – на эти рады должны являться: генеральная старшина, полковники со своей полковой старшиной и сотниками, выборные от полков «генеральные советники» и

депутаты от Запорожской Сечи.

Если бы в правлении гетмана или в его действиях замечено было что – либо вредное для народного блага, тогда старшина и советники имеют право «выговорить гетману, а он не должен за это на них гневаться или наказывать. Без воли этой генеральной рады гетман может решать только спешные дела, не терпящие отлагательства, и то по совещании с генеральной старшиной. Никаких тайных сношений и корреспонденций гетман не имеет право вести. Он не может также распоряжаться войсковой казной: для этого должен был избран генеральный подскарбий, а гетман может располагать только доходами, назначенными «на булаву и особу его гетманскую». В обязанность гетману вменялось попечение о том, чтобы людям войсковым и посполитым не чинилось притеснений, не налагались на них чрезмерные тяжести, отчего они бросают свои селения и уходят искать более легких условий жизни в заграничных краях. Старшине и всяким войсковым и посполитым урядникам запрещалось силой принуждать казаков к продаже земель, забирать за какие-либо вины имущество провинившихся или заставлять отрабатывать свои вины.

Все это было хорошо, но не удалось составителям этой хартии возвратиться на Украину и завести эти новые порядки.

Турция, боялась усиливавшегося могущества Московского государства, заключила со Швецией союз осенью 1710 года, разорвала отношения с Москвой и весной открыла военные действия. Орлик со своими казаками и татарами и отрядами польских панов из шведской партии двинулся весной 1711 года на Правобережную Украину, в правобережные полки, с 1704 года признававшие власть московского правительства.

Здесьние поселения сдавались ему: сдались Умань, Богуслав, Корсунь, генеральный есаул Бутович, высланный из-за Днепра, был Орликом разбит. Но когда он приступил к Белой Церкви, тут его постигла неудача много его людей погибло, а татары в это время начали грабить край; сочувствие населения было потеряно, и после этого Орлик вынужден был отступить.

Летом 1711 года двинулся против турок Петр. Понадеявшись на молдавские обещания, он неосторожно углубился за Прут – как шведы на Украину. Здесь его окружили турецкие войска, и он попал в отчаянное положение. Орлик надеялся, что теперь можно

будет продиктовать царю свои требования относительно Украины: Петр должен был отказаться от всяких прав на Украину. Но все поправили царские деньги: турецкий визирь был подкуплен, выпустил Петра с его армией на очень легких условиях, а об Украине в договоре упомянуть в таких неясных выражениях, что каждая сторона могла толковать по-своему. Орлик доказывал, что на основании этого договора Москва обязалась отказаться от Украины по обе стороны Днепра, а царские уполномоченные доказывали, что такого обязательства для Москвы не содержится.

Турецкое правительство приняло толкование Орлика и объявило новую войну Москве за то, что она не очищала Украину. Но снова все изменили московские деньги.

Договор был подтвержден, а пункт об Украине был разъяснен в таком смысле, что царь отказывался от Правобережной Украины (кроме Киева) и Запорожской Сечи, а Левобережная Украина остается под верховенством Москвы. Стоило это царю еще сто тысяч червонцев, но зато после этого, как ни старался Орлик побудить турецкое правительство добиваться от Москвы Левобережной Украины, как они обещали казакам – все было напрасно. Да и с Правобережной Украиной дело не сладилось, так как на основе прежних трактатов на нее заявила претензию Польша.

Однако дела затянулись еще на несколько лет, так как царь не выводил своих войск из Правобережной Украины. Только в конце 1714 года московские войска сдали Белую Церковь и ушли за Днепр. Орлик с запорожцами в конце 1712 года попробовали захватить Правобережье под свою власть, но силы у них были незначительные, и польское войско под предводительством гетмана Сенявского, отправленное для оккупации Правобережной Украины, разогнало их без большого труда. Москва и Турция пришли к полному оглашению, и Карл вынужден был уехать из Турции. С ним отправился и Орлик с несколькими товарищами по изгнанию: остальные вернулись на Украину. Запорожцы тоже стали проситься обратно, но московское правительство принимало отдельные отряды, а всей Сечи целиком принять не соглашалось, ввиду соглашения с Турцией 1712 года, и только много позже, когда решена была новая война с Турцией, дало свое согласие на возвращение и восстановление Сечи в 1733

году».

В 1742 году Орлик так и умер в изгнании. Наступало новое время – время Российской империи. Н. Полонская-Василенко подвела итоги жизни гетмана в изгнании:

«Тридцатилетняя деятельность Орлика не имела практический последствий, но он много сделал в идеологическом отношении: распространил в Европе идею независимой Украины, необходимой для Европы, для европейского равновесия против все усиливавшейся России. Работа Филиппа Орлика и его сына, генерала французской армии Григория Орлика, была важной в другом отношении: они создали традицию мазепинцев-эмигрантов, апостолов Украинской Независимой Державы, которые долгое время пугали могучую Российскую империю».

Время до Кирилла Разумовского. Конец гетманства. Украинское казачество после гетманства

Поглощение Гетманщины Российской империи продолжалось до конца XVIII века. Московские власти добивались на Украине «совершенного покорения украинской элиты и посольства, «порядка» в управлении и экономике Украины, максимального использования украинских людских и хозяйственных ресурсов».

Полтавская битва и польско-московско-турецкое перемирие на долгие годы определили политическое будущее Украины. Волынь и Подолия остались под Польшей, Киев и Левобережье – под Москвой, юг украинских земель – под Турцией.

Ставка гетмана была перенесена из Батурина в Глухов, в котором стояли два московских полка, а царские резиденты имели тайный приказ при необходимости арестовать гетмана и старшину. Эти «условия» сильно подрывали гетманскую власть.

Практически гетман мало что мог сделать без ведома и разрешения царя; все хорошо понимали – где теперь сила и политическая власть. Московские резиденты распоряжались на Украине, города которой вновь приняли московские гарнизоны. Украинцы строили Ладожский канал и Санкт-Петербург, крепости на Волге и на Кавказе. Московские власти вмешивались в гетманское управление, назначали старшину и полковников – все чаще или становились «московские чины». Князь Голицын писал канцлеру Головкину:

«Ради нашей безопасности нужно прежде всего посеять вражду между полковниками и гетманом. Не нужно исполнять просьбы гетмана. Когда народ увидит, что гетман не имеет такой власти, как Мазепа, то, надеюсь, будет приходить с доносами. Нужно, чтобы во всех полках были полковники, несогласные с гетманом. Если между гетманом и полковниками не будет согласия, то все их дела будут нам открыты».

В 1722 году была учреждена Малороссийская коллегия – как орган, контролирующей гетмана и деливший с ним власть на Украине. Указ Петра

1 от 29 апреля создал структуру из семи московских высших офицеров, командовавших расквартированными на Украине войсками, во главе с бригадиром Степаном Вельяминовым. Коллегия, формально созданная для приема жалоб на гетманское правление, практически сводила на нет власть Скоропадского:

«Для прекращения возникшего в малороссийских судах и войске, велено быть при гетмане бригадиру Вельяминову и шести штаб-офицерам из украинских гарнизонов на основании договоров, поставленных с прежними гетманами.

1. Обязанность коллегии надзирать за скорым и беспристрастным производством дел во всех присутственных местах и обиженным оказывать законное удовлетворение.

2. Иметь вредную ведомость о денежных, хлебных и других спорах и принимать оные от малороссийских урядников и войтов.

3. Производить из сил денег жалованье, с гетманского совета, сердюкам и компанейцам; иметь приходные и расходные книги и ежегодно представлять их прокурору в Сенат.

4. Препятствовать, с гетманского также совета, генеральным старшинам и полковникам изнурять работами казаков и посполитых людей.

5. Смотреть, чтобы драгунам отводимы были квартиры без всякого исключения, даже в гетманских поместьях, кроме двора, где он имеет жительство; также во дворах старшин, священников, церковнослужителей.

6. Рассматривать вместе с полковыми командирами, имеющие поступать жалобы от нижних чинов и малороссиян.

7. Наблюдать, чтобы присылаемые гетманом указы от государя и Сената были записываемы в Генеральной канцелярии, и в свое время доставлялись рапорты; также препятствовать писарем гетманским подписывать вместо него универсалы и отправлять оные из Коллегии».

Гетман Иван Скоропадский происходил из правобережной шляхты, его отец входил в генеральную старшину и погиб, сражаясь под знаменами Хмельницкого, под Желтами Водами. Иван Скоропадский служил у Самойловича, несколько раз ездил с поручениями в Москву, ходил в Крымский поход. Во время правления Мазепы Скоропадский дослужился до генерального бунчужного, второго генерального есаула, старобудского

полковника. Как патриот Украины гетман часто обращался к Петру Великому по вопросам Управления Гетманщиной и всегда получал ответ: «Украинцы имеют под царской рукой столько свободы, как ни один народ в мире». После принятого царского указа о создании Малороссийской коллегии почти восьмидесятилетний И. Скоропадский поехал в Санкт-Петербург просить об отмене указа, ничего не добился, вернулся в Глухов и через несколько месяцев умер.

Смерть Скоропадского ускорила введение на Украине прямого московского правления. В Глухов приехал бригадир Вельяминов и «взял руководство на себя». Коллегия начала со сбора жалоб на старшину, количество которых измерялось сотнями. Уже в августе 1722 года Коллегия передала Генеральной войсковой канцелярии несколько десятков распоряжений; были введены и налоги на полковников и старшину.

Генеральная старшина отправила Петру I просьбу об утверждении нового гетмана. Наказным гетманом был избран Павел Полуботок, черниговский полковник и бывший конкурент Скоропадского на выборах 1708 года. Тогда царь не допустил избрания Полуботка, заявив, что он «очень умный и из него может выйти второй Мазепа». Москву больше устраивал И. Скоропадский, бывший под каблуком решительной и энергичной жены – «Настя носит булаву, а гетман запаску».

Императору из Глухова было отправлено письмо:

«Изволь, Твое царское величество, подтвердить права и вольности наши войсковые, как из веков бывало в войске Запорожском, что своими правами суживались и вольности свои имели в добрах и судах, чтобы ни воевода, ни боярин, ни стольник в суды войсковые не вступались, но от старшин своих чтоб товариществу сужены были: где три человека казаков, тогда два третьего должны судить.

Не только родитель твой, но и ты, государь, собственноручно утвердил сию статью при избрании покойного гетмана Скоропадского, обещая цело, свято и ненарушимо содержать постановленный с Хмельницким договор».

23 июня, перед отъездом на войну с Персией, Петр I ответил старшине:

«Как всем известно, что со времен первого гетмана Богдана

Хмельницкого, даже до Скоропадского, все гетманы являлись изменниками, и какое бедствие терпело от того наше государство, особливо Малая Россия; то и надлежит приискать в гетманы весьма верного и известного человека, о чем и имеем мы непрестанное старание.

А пока оный не найдется, для пользы вашего края, определено правительство, которому велено действовать по данной инструкции, и так до гетманского избрания не будет в делах остановки, почему о сем деле докучать не надлежит».

Бригадир Вельяминов орал на наказного гетмана Полуботка:

«Что твоя служба против моей! Знаешь что я бригадир и президент, а ты против меня ничто! Уже ваши старшины велено отменить и поступать с вами по-новому – я вам указ!»

Павел Полуботок был человеком твердым – он добился того, что Сенат отдал приказ Малороссийской коллегии знакомить старшину со своими планами и документами и согласовывать их с гетманским управлением. Полуботок стал решать жалобы украинцев на администрацию и суды, чтобы не передавать их в коллегию. Он реорганизовал суды, сделав их коллегиальными, боролся со взятками, назначил инспекторов для контроля исполнения своих приказов, призывал старшину к справедливым решениям.

Вельяминов написал жалобу Петру о том, что наказной гетман мешает работе Малороссийской коллегии. В марте 1723 года он прислал императору «двенадцать пунктов», в которых предложил изменить государственное устройство Украины для увеличения доходов царской казны.

Император вызвал П. Полуботка в Петербург. С ним поехали генеральный писарь Семен Савич, генеральный судья Иван Черныш, другая старшина. Тогда же, летом 1723 года, командующий российскими войсками на Украине князь Голицын отправил казацкие полки на юг, в поход против крымских татар.

В Петербурге наказной гетман подал Петру I петицию о возвращении Украине старых прав и вольностей. Император отправил на Украину П. Румянцева, «чтобы выяснить, чего хотят казаки и население – сохранения старых украинских порядков – как Стародубский полк». Д. Бантыш-Каменский писал:

«Тщетны были надежды Полуботка и товарищей его получить от государя желаемое решение. Каждый день сенаторы откладывали произнести роковой приговор, целым народом ожидаемый. Влекомый пламенной к отечеству любовью и долгом носимого звания, Полуботок решился пожертвовать собою для своих единоплеменников и с сею мыслью, представ, в сопровождении других старшин, перед грозным монархом, произнес ему следующую сильную и вместе дерзкую речь:

«Знаю и вижу, государь, что без всякой причины, по приискам гордого Меньшикова, восстал ты на мою отчизну, желаешь уничтожить преимущество, предками твоими и тобой самим торжественно утвержденные, и для приведения в упадок воинственного духа казаков употребляешь их в тягчайшие работы, принуждая рыть каналы, проводимые в обширных твоих областях. Но что огорчительнее всего, ты лишил нас драгоценнейшей свободы избирать по собственному произволу себе гетманов и начальников и, отняв древнее право судить своих соотечественников, определяешь нам судей из граждан великороссийских, которые, не ведая или притворяясь не знающими законов и преимуществ наших, не перестают нарушать их при всяком случае и нас угнетают.

Неужели, государь, отказывая в должной справедливости, ты думаешь сим воздать Богу благодарение за все успехи от Него посланные? Ты занимаешься только блеском величия и могущества, дарованных тебе от Его щедрот, не помышляя о Его правосудии. Да позволено мне будет представить тебе, государь, в последний раз, что ты не получишь ни малейшей пользы от угнетения моих соотечественников, и что для тебя не столь славно повелевать ими силой и властью, как быть главой и отцом народа, преисполненного твоих милостей и всегда готового проливать всю кровь свою за твои выгоды и твою славу. Знаю, что оковы меня ожидают и что буду ввергнут в мрачную темницу, где оставят меня умереть с голода, но что мне до того? Я говорю за отечество и охоту предпочитаю самую жестокую смерть ужасному зрелищу всеобщей гибели моих единоплеменников!

Помысли, великий государь, и будь уверен, что отдать некогда отчет Царю всех царей за несправедливости, оказываемые тобой народу, принятому под твое покровительство».

В ноябре 1724 года Павел Полуботок и его сторонники были посажены в Петропавловскую крепость – через месяц гетман, его товарищи Д. Володковский и И. Карпека, умерли. В памяти украинцев Павел Полуботок остался как один из самых почитаемых героев, который защищал украинскую автономию и заплатил за это жизнью, храбрый борец за национальную свободу. Под портретами Полуботка, хранившихся в украинских домах как национальная святыня, можно было прочитать его слова: «Защищая Отчизну, я не пугаюсь ни кандалов, ни тюрьмы, и лучше мне горькой смертью умереть, чем смотреть на гибель моих соотечественников».

Малороссийская коллегия стала верховным органом власти на Украине. Генеральная войсковая канцелярия стала вспомогательной структурой, его документы без утверждения коллегией не имели юридической силы. Вельяминов докладывал в Петербург о повышении сборов налогов на 600 %; сколько он собирал «для себя» неизвестно.

В 1726 году возобновился российско-турецкий конфликт. В ожидании войны, князь А. Меншиков, украинские имения которого также подверглись налогообложению, добился того, что сенат распустил малороссийскую коллегию и перевел управление Украиной снова в коллегию иностранных дел. Сенат издал указ, по которому «для удовлетворения и спокойствия местного населения гетманом должен быть выбран человек достойный и преданный».

В июне 1727 года в Глухов выехал российский тайный советник Наумов с поручением провести выборы гетмана и старшины. 1 октября на Великой Раде новым гетманом был избран семидесятилетний миргородский полковник Даниил Апостол (1658–1734). Именно его казачий корпус в начале Северной войны разбил шведские полки генерала Шлиппенбаха под Эрестофером. Позже бывший соратник Мазепы, Д. Апостол перешел на сторону Петра I, был прощен и отличился в боях под Дербентом в 1722 году, командуя десятитысячным войском.

Новый гетман окружил себя новой старшиной и полковниками – сторонниками автономии Украины. В 1728 году Д. Апостол присутствовал в Петербурге на коронации Петра II. В северной столице были подписаны «Решительные пункты», регламентирующие государственно-правовое

положение Украины. Не восстанавливая «Статьи Богдана Хмельницкого», новые пункты все же отменяли часть нововведений на Украине, сделанных после 1708 года:

«1. Суд и расправа оставлены в Малороссии по-прежнему, как изображено о том в Статьях гетьмана Богдана Хмельницкого; на сотенные суды установлено приносить жалобы полковникам, на полковников генеральному суду, а на последнего в Коллегию иностранных дел. Сверх сего гетману, как президенту генерального суда и членам оного дана власть наказывать денежными пенями нижних судей, уличенных в несправедливости и лихоимстве, и сили деньгами удовлетворять обиженую сторону.

2. Гетмана выбирать, вольными голосами, только с согласия и соизволения государя, от которого единственно зависит и отставка его. Избранный гетман обязан являться в Москву, для получения подтвердительной грамоты и клейнодов.

3. В генеральные старшины и полковники также выбирать вольными голосами из заслуженных, верных и не подозрительных людей и представлять двух или трех кандидатов на утверждение государю; то же самое делать и при отставке их. В полковые старшины возводить целым полком, а в сотники казакам той сотни и потом на утверждение представлять гетману, который со своей стороны обязан доносить о том государю. Казнить смертью без высочайшего повеления запрещено, равно как и принимать власть наказывать виновных полковых старшин и сотников отрешением от мест и лишением даже имущества, но о таких велено представлять государю.

4. Доходы с города Коропа впредь употреблять на содержание казацкой артиллерии под надзором генерального обозного. О состоянии оной ежегодно составлять сведение.

5. Расположенным в Украине, для охранения сей страны, великороссийским войскам отводить квартиры с общего согласия главнокомандующего и гетмана, – от прокормления же их не исключаются поместья ни российских, ни малороссийских владельцев.

6. Для уменьшения податей, взимаемых с народа, число компанейских полков ограничено тремя, полагая в каждом полку только по пятьсот человек.

7. Уничтожены сборы, определенные бывшей Малороссийской коллегией, и войсковой скарб восстановлен, – над сборами иметь главное смотрение двум подскарбиям, одному великороссиянину, а другому малороссиянину.

Сборам быть следующим:

а) с винного промысла и дегтя;

б) с пчелиного и табачного прибитка, из чего, однако ж, исключены казаки;

в) с товаров и муки, привозимых на ярмарки и рынок;

г) с мостов, перевозов и гребель;

д) с откупных разных статей и ратушных сел. От сих сборов изъяты монастырские владения.

8. Всякое законное имение, как у крестьян, так и у казаков по смерти отца семейства, должно остановиться за вдовой и детьми его. Об отличных заслугах малороссиян гетман обязан представлять государю.

9. Определенный на гетманскую булаву вместо Чегиринского староства Ключ Гадячский оставлен за гетманом. Относительно розданных Скоропадским поместей, принадлежащих гетманскому уделу, положено сделать исследование и потом сопричислить их к оному.

10. Утверждены, по-прежнему, за генеральными старшинами, сотниками, ратушами, войсковой и судебной канцеляриями ранговые поместья, несправедливо розданные Скоропадским бывшим в его время чиновникам.

11. Предоставлено гетману, по возвращению в Малороссию, представить государю: где желает он иметь свое пребывание вместо Глухова.

12. Относительно беглых великороссиян, наносящим помещикам своим чудовищные убытки, руководствоваться указами 1718 и 1723 годов (взыскание с виновных в укрывательстве крестьян всех убытков).

13. Индукте или пошлине, взимаемой с иностранных товаров, брать по-прежнему на откуп, без всякого отягощения народа; откупные деньги имеют поступать в императорскую казну.

14. Дозволено в мирное время как малороссиянам в пограничные города, так и из-за границ в Малороссию купцам с незапрещенными товарами приезжать, евреям не возбранено

торговать в Украине на ярмарках, только оптом, и не велено им увозить серебра, золота и меди, но покупать на сии деньги товары; жительство же им в Малороссии запрещено.

15. Дозволено великороссиянам в Украине и малороссиянам в России покупать и продавать недвижимые имения, но с тем, чтоб они платили установленные подати, были подчинены тамошним узаконениям и опасением тяжкого наказания не насиляли украинских деревень русскими крестьянами и российских украинскими.

16. Отказано гетману в просьбе его, чтоб выведены были из полков Стародубского и Черниговского поселившиеся в оных раскольники, но положено казнить тех, кои будут привлекать к своей ереси малороссиян или великороссиян; об обращении же сих раскольников к православной вере всячески велено стараться.

17. Владельцам слободских полков, купивши землю в полках Гадячском и Полтавском, руководствоваться 15-ю статью.

18. Духовенству малороссийскому никто не должен продавать, закладывать или иначе отдавать земли; если же, невзирая на сие запрещение, духовные приобретут монастырям недвижимые имения, в таком случае отбирать оные безденежно и возвращать по принадлежности; в монастыри и церкви позволяется вносить вклады деньгами; принадлежащие же монастырям и церквям вотчины должны состоять под судом малороссийским.

19. Письма иностранных государем к гетману переводить и пересылать в Москву, а самим посланникам оставатися в Глухове, относительно же пограничных дел, крадки лошадей, скота и тому подобного, отвечать польским и татарским командирам с общего сонета и в присутствии царского полномочного, о чем доносить в коллегию иностранных дел.

20. Многообразные и часто противоречащие Магдебургские и Саксонские права перевести на русский язык, и посредством сведущих людей, составить из них целое.

В прочем обязан гетман всеми силами содействовать к пользе его императорского величества и во всех делах совещаться с имеющим быть при нем российским министром и с генеральными старшинами по прежнему войсковому обычаю».

Гетман Даниил Апостол упорядочил запутанные дела землеведения на

Гетманщине; много занимался экономикой Украины, был сильным хозяйственным руководителем, уделял большое внимание развитию украинской торговли. При нем практически впервые был определен государственный бюджет Украины в сумме 145 000 рублей ежегодно. Основной доходной статей стали пошлины с вывозимым из Украины товаров. Прибыль распределялась на администрацию, наемные полки и артиллерию. В своей деятельности на благо Украины Д. Апостол вел государственную деятельность на основе громадного жизненного опыта. В украинской истории Д. Апостол остался как «последний казак на гетманском столе», «один из наилучших украинских исторических деятелей, при этом решительный защитник автономии Украины», «не испачкавший свои руки народной кривдой», человек которому «удалось укрепить гетманскую власть и авторитет гетмана у российских и местных украинских властей». Украинский историк Д. Дорошенко писал:

«Гетманство Апостола, проникнутое духом обороны автономных прав Украины и даже национальным духом, несмотря на частичные неудачи политики гетмана, все же очень поддержало украинский народ, подняло его настроение.

Его шестилетнее гетманство было короткой светлой полосой на темном фоне украинской жизни после падения Мазепы. Ему удалось укрепить гетманскую власть и авторитет гетмана. Гетманщина начала дышать вольнее и отдохнула после страшного террора под которым она жила двадцать лет».

Составленные по инициативе Д. Апостола «Генеральные следствия о местностях», и «Свод украинских законов» стали драгоценными источниками по истории Украины. Д. Апостол очень хорошо знал латынь, польский, французский, итальянский, немецкий, русский языки, разбирался в фортификации:

«Д. Апостол возвратил малороссиянам древние права, Скоропадским утраченные, водворил спокойствие в вверенной ему стране; ходатайствовал неоднократно об уменьшении налогов и воинских постоев; испросил у монархини прощение виновным запорожцев и делами своими умел заслужить общую любовь и уважение».

Даниил Апостол сам назначал Генеральную канцелярию и полковников, резко уменьшил количество русских и иностранцев на украинской службе, поставил под свою юрисдикцию Киев, находившийся в ведении российского губернатора. Венцом его деятельности стала организация возвращения запорожцев на родину – в этом ему помогла приближающаяся русско-турецкая война 1735–1739 годов.

Хотя запорожские казаки, после 1709 года переселившиеся в Крымское ханство и основавшие там Алешкинскую Сечь, и получили широкие права в землевладении, промыслах, торговле, внутренней жизни, данные им турецким султаном – эти права постоянно нарушали Казаки участвовали в боевых действиях на стороне Турции и Крымского ханства, восстанавливали Перекопский вал. Им запрещалось иметь свою артиллерию, свои крепости.

Пока кошевым атаманом алешкинских запорожцев был непримиримый враг Москвы Кость Гордиенко, о возвращении на Хортицу не могло быть и речи. В 1725 году запорожцы сменили кошевого и начали искать способы возвращения на Украину. Кость Гордиенко вернул власть, и только после его смерти в 1733 году начались переговоры о возвращении. В Польше умер король, опять возникла угроза войны, и царская канцелярия послала запорожцам грамоту с амнистией. Однако им не разрешалось вернуться на Гетманщину.

Крымский хан приказал запорожцам идти на войну с Польшей, и, не дожидаясь разрешения из Петербурга, весной 1734 года они перешли из Алешек на Базавлук. Летом в Лубнах на Полтавщине было утверждено соглашение запорожских делегатов с царскими посланниками о полной амнистии для запорожцев, которым было оставлено внутреннее самоуправление с условием подчинения в военных делах командующему российскими войсками на Украине. Запорожским казакам вернули их земли и установили денежное содержание. От семи до тридцати тысяч запорожцев – по разным подсчетам – присягнули императрице Анне Ивановне и вскоре отличились в русско-турецкой войне.

Земли запорожцев в четырехугольнике Синюха-Кольмиус-Самара-гирло Днепра были разделены на восемь административных районов-паланок, центром которого была укрепленная слобода с гарнизоном. В Сечи располагались десятки куреней, ею руководила казацкая старшина во главе с кошевым атаманом.

Смерть гетмана Д. Апостола в 1734 году стала и смертью украинской автономии. После него Украиной стал управлять генерал Нарышкин, и до

«выборов нового доброго и знатного человека в должности гетмана» была вновь создана Малороссийская коллегия, получившая название «Правление гетманского уряду». В нее вошли русские генералы Шаховский и Барятинский, полковник Гурьев; украинцы генеральный судья Забела, генеральный есаул Лысенко, генеральный подскорбий Маркович. Украиной фактически правил Шаховский, «недремлющим глазом смотревший за поступками малороссийского народа». А. Барятинский, в частности, забрал из киевского магистрата все древние хартии, касавшиеся прав городского самоуправления. Наступление на права украинцев велось многими способами.

Казацкая старшина продолжала укрепляться экономически. Захват войсковых земель, скупка и грабеж земель посполитых и казачества увеличивали владения старшины. Превращаясь в «шляхетство», старшина стремилась юридически отделить себя от казаков и посполитых крестьян и закрепить свои привилегии. С этой целью была образована Комиссия, которая окончила свою работу в 1743 году. Так появился сборник законов, известный под названием «Права, по которым судится малороссийский народ». Основными его источниками стали «Литовский статут» 1588 года и средневековое «Саксонское зеркало», а также документы, которые отменяли обычное украинское право и юридически оформляли сложившиеся на Украине феодально-крепостнические отношения. Хотя составленные «Права» не были официально утверждены, тем не менее они применялись в шляхетских судах.

В связи с ростом крупного землевладения юридически свободные посполитые крестьяне становились зависимыми от частных владельцев. Посполитые выходили «на низину» и терпели «великие обиды и тяжести», бросали свои «грунты» и уходили «на слободы» к другим владельцам. По истечении льготных лет они становились фактически их крепостными. Обедневшие казаки опускались до положения посполитых. Новые «державцы» принимали «полезных людей», беглых из России и Правобережья. В ответ на угнетения посполитые люди отказались от «послушества», громили имущество «державцев» и даже покушались на их жизнь. Гнет налогов, натуральные повинности, сборы на нужды армии доводили народ до разорения. То отношение к человеку, которое много веков культивировали власти Московского царства к своему народу, неотвратимо «накатывалось» на гордых и независимых украинцев.

В России набирала обороты «бироновщина» с ее Тайной канцелярией.

Украинское управление из Коллегии иностранных дел было снова переведено в комиссию Сената; формально автономную территорию перевели в положение одной из московских провинций. «Слово и дело государево», или доносительство и провокации, достигали степеней разгула.

Хотя украинская старшина вела себя спокойно, занимаясь в основном экономикой, следствия, аресты, ссылки, нарастали как снежный ком. Киевского митрополита и нескольких игуменов сняли за то, что в «царский день» не отслужили молебнов; переписку старшины читали и вообще держали ее под наблюдением; привилегии Киевского магистрата забрали в Петербург:

«Дела и жестокость московских бироновцев переходили все границы, их деятельность казалось сумасшествием; людей пытали и мучали на основании одних доносов расквартированных солдат и дезертиров».

Украинское казачество активно участвовало в Русско-турецкой войне 1735–1738 годов, во взятии Бахчисарая, в осаде Азова и Очакова. Война сильно опустошила Украину. Российский министр Волинский писал Бирону в 1738 году:

«До самого въезда на Украину не думал я, что она такая пустая, что такое количество городского населения пропало, а и теперь сколько забрано на войну, что не осталось и хлеборобов, чтобы самим себе семена посеять; много полей осталось без посева, так как сеять некому и нечем».

В 1741 году на российский престол вступила Елизавета Петровна. Ее фаворит, простой казак с Черниговщины Алексей Разумовский, был патриотом Украины. По ее предложению в 1744 году Елизавета Петровна побывала в Киеве, где ее принимали с большим энтузиазмом. Украинская старшина обратилась к императрице с очередным предложением об избрании гетмана и получила положительный ответ. Гетманом должен был стать брат Алексея Разумовского Кирилл, но ему было 16 лет и дело отложили, отправив его учиться за границу. Но московская политика по отношению к Украине стала иной.

Из Украины вывели российские войска, восстановили Киевскую метрополию, дали хозяйственные льготы.

В 1750 году в Глухове с большими почестями был избран новый гетман-двадцатидвухлетний Кирилл Разумовский, тут же утвержденный императрицей.

Универсалы нового гетмана сохранились:

«Нам стало известно, что полковники, полковая старшина, сотники и сотенные старшины малороссийских полков, несмотря на многочисленные запретительные высочайшие указы Ее императорского величества, используют казаков как пеших так и конных, для повседневных работ в своих имениях, особенно во время покосов и уборки хлебов, их обязывают перевозом разных припасов из близких и дальних мест, леса для строительства своих домов и хуторов. Казаки разорены до краю и, оставляя свои жилища, вынуждены бежать за кордон в слободские полки; в результате значительно уменьшилось количество казаков в Малой России, что может привести к неведанному безвластию и вообще к искоренению казаков».

Экономически окрепшая украинская старшина превратилась в политическую силу, управляющую украинской автономией, так как после избрания гетманом Кирилла Разумовского все новые должности, учрежденные со времен Петра I, были ликвидированы. Был восстановлен строй, существовавший до 1722 года, но в его структуре произошли глубокие изменения. Войсковая Рада вообще перестала собираться. Все дела решались Радой старшин. Были созданы новые бюрократические органы власти-Войсковая генеральная канцелярия, Артиллерийская канцелярия, Скарбовая канцелярия. Все центральное и областное управление было в их ведении. Усилилось значение полковников, старшина преобразовала суд по польскому образцу – полковые суды были превращены в суды градские, по образцу градских польских судов. Земельные дела разбирались особыми межевыми, «подкоморскими» судами, гражданские дела – земскими. Те и другие состояли из выборных старшинных судей. Аналогичным было положение и в Слободской Украине. О. Субтельный писал:

«С Разумовским Гетманщина переживала «золотую осень» своей автономии. Проводя большую часть времени в Санкт-Петербурге, где он активно участвовал в дворцовой политической жизни, Разумовский также поддерживал тесные контакты с

Левобережьем. Понимая, что общество Гетманщины стало черезчур сложным, чтобы старшина могла выполнять в нем судебные, административные и военные функции, Разумовский начинает организовывать отдельную систему судопроизводства. В 1763 году после долгой подготовки Гетманщину поделили на двадцать поветов, каждый с собственными судами, которые рассматривали уголовные, гражданские и земельные дела. Судей обычно выбирали из помещичьей знати, как и раньше, мещан судили собственными судами.

Разумовский перевел в подчинению гетману Киев и Запорожскую Сечь. Он начал обновление казацкого войска, занялся системным обучением казаков, ввел для них униформу, совершенствовал артиллерию. В гетманской столице Батуристине планировалось основать университет, охватить начальным образованием всех казацких детей. Однако у гетмана было совсем немного времени – в дела вмешались политические события. К. Разумовский придал Глухову европейскую утонченность, украсил его грандиозными дворцами, английскими парками и театром, где выступали труппы даже из Италии; вся глуховская знать поголовно увлекалась французскими модами, проводя время в многочисленных кофейнях.

Поскольку гетман часто ездил в столицу империи, Гетманщиной по-своему правила старшина. Именно в гетманство Разумовского казацкая верхушка наконец добилась своего, завершив начатое еще в конце XVII столетия преобразование из корпусного офицерства в типовое дворянство. Теперь она стала называть себя шляхтою, то есть дворянством».

Политика гетмана отвечала интересам «державцев». Разумовский щедро раздавал земли в «вечное владение». Казацкая старшина добилась от Разумовского издания «Универсала» 1760 года, запрещающего переходы крестьян без согласия «державцев». В случае перехода посполитые теряли права на земли и на свое имущество. За семь лет до этого была уничтожена таможенная граница между Россией и Украиной и торговля между ними была объявлена беспошлинной.

Восстановление гетманской власти отнюдь не означало отказа царского правительства от центристской политики. С постройкой в течении

1731–1738 годов Украинской оборонительной линии от Днепра до Донца Слободская Украина становилась внутренней областью Российской империи. При Екатерине II там было упразднено казацкое войско, сама Слободская Украина в 1765 году была переименована в слободскую украинскую губернию. Построенная через пять лет Днепровская укрепленная линия – от Днепра до Азовского моря – сводила на нет военно-стратегическое значение Запорожской Новой Сечи.

С Приходом к власти в Российской империи Екатерины II, Кирилл Разумовский, активный участник переворота, вернулся в Гетманщину, где собрал в Глухове старшинскую Раду. Депутаты решили послать императрице петицию с призывом вернуть казачеству утраченные вольности и создать на Левобережье шляхетский парламент наподобие польского сейма. Основой Глуховской петиции было утверждение, что Украина – отдельное политическое и экономическое целое, связанное с Россией лишь персоной монарха. Разумовский предложил императрице сделать должность гетмана наследственной в его семье. Но Екатерина II решила уничтожить гетманство и украинскую автономию. Она писала генерал-прокурору Сената князю А. Вяземскому: «Малороссия, Лифляндия, Финляндия – провинции, которые управляются дарованными им привилегиями: нарушить и уничтожить эти привилегии сразу было бы неправильно, но и нельзя считать эти провинции чужими; вести себя с ними, как с чужими землями, было бы явной глупостью. Нужно легкими способами привести к тому, чтобы они обруселись и перестали смотреть на Россию как волки».

М. Грушевский писал об обстоятельствах отмены гетманства на Украине:

«Екатерина заявила Разумовскому, что не находит для него возможным оставаться на гетманстве и советует добровольно отказаться от этого поста. Однако Разумовскому вовсе не хотелось этого и он все откладывал. Тогда Екатерина дала ему понять, что дальнейшее упорство, кроме потери булавы, может навлечь на него большие неприятности, и после этого Разумовский покорился: подал прошение, в котором просил освободить его «от столь тяжелой и опасной должности» и взамен оказать милость к его «многочисленной фамилии». Эта просьба, конечно, немедленно стала исполнена».

10 ноября 1764 года гетманство было ликвидировано:

«После всемилостивейшего от нас увольнения графа Разумовского, по его просьбе, с чина гетманского приказываем нашему Сенату для надлежащего управления в Малой России создать Малороссийскую коллегия, в которой быть главным нашему генералу графу Румянцеву и с ним четверем великороссийским членам.

Сенат должен представить нам малороссийских членов – генерального обозного Кочубея, генерального писаря Туманского, генерального есаула Журавку и хорунжего Данила Апостола.

Запорожской Сечи, которая была под управлением гетмана, быть теперь подвластной этому малороссийскому правительству».

Так было начато уничтожение автономного строя Украины и политическое объединение Гетманщины с Российской империей. Манифест 28 июля 1765 года ликвидировал казацкое самоуправление на Слобожанщине.

П. А. Румянцев начал с того, что ввел рублевый сбор с души – подушную подать – для казаков, мещан и посполитых взамен ранее существовавшей обязанности оказывать помощь казацкому войску продуктами. Затем Румянцев приступил к «Генеральному описанию Малороссии» с целью выяснить экономическое состояние Украины, определить размер казенного землевладения и проверить права частных лиц на владение землей. Во время выборов в Законодательную комиссию 1767 года украинское шляхетство во главе с представителем Лубенского полка Григорием Полетикой требовало в своих наказах восстановления гетманства. При всей умеренности политических высказываний избирателей в «Комиссию» 1767 года, все же они были оппозиционны к официальным взглядам. Начавшаяся в 1768 году русско-турецкая война и общее недовольство политикой правительства побудили Екатерину II временно отказаться от уничтожения хотя и призрачной, но автономии Гетманщины.

После победы над турками в 1774 году Екатерина II решила ликвидировать Новую Сечь – последнее прибежище для украинских и русских беглых крепостных крестьян, в особенности опасное для властей в связи с крестьянской войной под началом Е. Пугачева 1773–1775 годов. Сам Пугачев хотел опереться на Причерноморье, он вел переговоры с крымским ханом о совместном походе на Москву. По приказу Г. Потемкина 5 июня 1775 года Новая Сечь была занята русскими войсками. Манифест

Екатерины II о ликвидации Запорожской Сечи сохранился:

«Мы захотели сообщить всем верноподданным целой нашей империи, что Запорожская Сечь окончательно разрушена, с искоренением на будущее и самого названия запорожских казаков, за обиду нашего императорского величества, за наглые поступки этих казаков и за непослушание нашим высочайшим повелениям.

Мы считаем ныне своим обязательством перед Богом, перед нашей империей и вообще перед самим обществом разрушить Запорожскую Сечь и имя казаков, полученное от нее. Вследствие чего 4 июня нашим генерал-поручиком Текели с доверенными ему нашими войсками занята Запорожская Сечь в совершенном порядке и полной тишине без всякого сопротивления со стороны казаков, потому что они увидели приближение войска, когда уже со всех сторон были окружены. Мы этому начальнику приказали наиспокойнейшим чином исполнить порученному ему дело, избегая, насколько это было возможно, кровопролития.

Сообщая нашим верным и любимым подданным про все эти обстоятельства, мы можем одновременно им сообщить, что нет теперь больше Запорожской Сечи и казаков этого имени».

Петр Калнышевский, «атаман Кошевого Войска Запорожского», был отправлен в Соловецкий монастырь, где провел почти четверть века. Н. Полонская-Василенко писала:

«С самого начала русско-турецкой войны 1768–1774 годов запорожское войско было мобилизовано и участвовало в военных действиях. Сечевики, казачество, что жило не в Сечи, казаки-батраки все пошли на войну. Семь тысяч запорожцев с кошевым атаманом бились в авангарде корпуса князя Презоровского под Очаковым, Кинбурном, Хаджибеем. Запорожская флотилия действовала на Дунае. Военные заслуги запорожцев отмечало высшее командование.

Кошевой Петр Колнышевский получил золотую медаль с бриллиантами, тысяча казаков получили серебряные медали.

Последствия войны, закончившиеся Кючук-Кайнарджийским миром, были очень важными для Запорожья. Провозглашение независимости крымского ханства от Турции и

российского протектора над ним изменило положения Запорожья. Татары перестали быть постоянными, страшными врагами, с которыми шла борьба, с другой стороны – Запорожье перестало быть форпостом в борьбе с Крымом и Турцией, перестало быть барьером, который защищал Украину и Россию от татарских нападений: оно утратило свою ценность для России.

В начале 1775 года Запорожская Сечь была разрушена, старшина арестована, архив, регалии, древние иконы и другие ценности вывезены. Запорожские земли вошли в состав Азовской и Новороссийской губернии.

Разрушение Запорожской Сечи было главным событием в истории Украины XVIII века. С нею погибла сила, которая на протяжении трех столетий защищала Украину от страшных врагов, позволяла ей, благодаря этой защите, продолжать экономическую и культурную жизнь. Вместе с этим Запорожье было той силой, которая сдерживала процесс закрепощения крестьян на всей Украине, ведь там, в необъятных степях, собирались беглецы со всей Украины. В XVIII веке Запорожье всегда выступало в защиту угнетенным российским царизмом и Польшей. Поэтому понятно, что в памяти украинского народа Запорожье навсегда осталось как «степь широкая, край веселый», где каждый находил защиту и свободу».

Народ пел о своих героях:

«Та pozwól, pozwól, пане кошовий,
Нам на башти стати,
Нам старшому генералу
З плеч голову зняти...
Не позволиш тесаками —
Позволь з кулаками...
Ой, повезли запорожських панів
У Москву-город спішно;
Ой, посадили їх у неволю,
Сенаторам стало втішно.
Ой, тішились пани-сенатори
І менші генерали,
що одібрали в запорожців
землі та володіють самі.

Славно було в Запорозжі
всіма сторонами;
а тепер ніде прожити
за вражими панами».

Часть запорожцев ушла и организовала Задунайскую Сечь. Пятьдесят лет жили запорожские казаки за Дунаем. В 1827 году кошевым атаманом Задунайской Сечи стал Иосиф Гладкий. Украинский историк Д. Дорошенко писал:

«Когда в 1828 году началась война и российская армия с самим царем Николаем I появилась на Дунае, Гладкий повел агитацию среди казаков, чтобы перейти на сторону России. Однако он не имел большого успеха. Большинство не доверяло российским обещаниям, не хотело оставлять Турцию, с которой уже привыкла, да и боялась мести со стороны турок. Тем временем султан приказал запорожцам мобилизоваться и присоединиться к турецкой армии, которая собиралась около Силистрии. Гладкому нужно было что-то решать. Российская армия как раз искала место для переправы через Дунай. Гладкий, который прекрасно знал местность, указал пункт, где армия могла спокойно и незаметно для турок перейти на другую сторону Дуная. Он сам руководил переправой. Это была большая услуга, и царь Николай щедро наградил Гладкого».

Задунайские запорожцы вернулись домой и поселились под Мариуполем. Из вернувшихся с войны казаков еще в 1791 году было образовано кубанское казачье войско – туда и влились задунайские запорожцы.

В 1781 году были ликвидированы Малороссийская коллегия, Генеральный суд, центральные и полковые управления на Левобережье. Гетманщину разделили на три губернии-наместничества – Киевскую, Черниговскую, Новгород – Северскую, которые составляли Малороссийское генерал-губернаторство во главе с П. Румянцевым. Глухов перестал быть столицей Гетманщины. В каждой губернии было введено общероссийское административное управление, российская судебная система.

В 1783 году было ликвидировано казачье полковое устройство – десять полков заменили регулярными уланскими и карабинерными полками. Посполитым запретили уходить с тех мест, к которым они были приписаны во время последней ревизии – произошло юридическое оформление крепостного права на Украине, на Левобережье и Слобожанщине.

В том же году из бывших запорожцев Г. Потемкиным-Таврическим было организовано новое казачье войско. Так образовалось Черноморское казачество. Сначала ему была обещана Очаковская область по лиманам Днестра и Южного Буга. По окончании второй русско-турецкой войны 1787–1791 годов часть черноморских казаков в 1792–1794 годах была переселена на Таманский полуостров. Этим было положено начало кубанскому казачеству.

По Левобережью начали действовать жалованные грамоты дворянству и городам, украинская старшина была приравнена к российскому дворянству, в 1786 году в казну были отобраны монастырские и архиерейские вотчины, а само духовенство – по званию и рангу – было переведено на жалованье. Восточная Украина официально потеряла свою автономию и вошла в состав Российской империи.

В 1783 году к Российской империи был присоединен Крымский полуостров. О. Сувельный писал:

«Для истории Украины, как и всей Восточной Европы, это было эпохальным событием. Тюркских кочевников, чьим последним бастионом в Европе было Крымское ханство и чье последнее нападение на Украину произошло в 1769 году, наконец остановили. Степь, которая тысячелетиями была центром опасности для оседлого люда, населявшего ее границы, наконец стала доступна для сельского плуга».

В результате трех разделов 1772, 1793 и 1795 годов Австрией, Пруссией и Россией польско-литовско-белорусское государство Речь Посполитая перестало существовать. Шестьдесят процентов его территории и пятьдесят процентов населения вошли в состав Российской империи. К 1795 году все украинское побережье вошло в состав России, В. Ф. Остафийчук писал о Правобережье до 1772 года:

«В тяжелом положении пребывало в XVIII веке украинское

население Правобережья и Галичины, которые по польско-турецкому договору 1714 года снова оказались под властью Польши. Утвердивших в своих старых владениях, польские магнаты продолжали политику колонизации и латинизации местного населения. Селяне, как и раньше, должны были отбывать тяжелую панщину, исполнять многие другие повинности. В феодальной зависимости находилась и мелкая шляхта. Тяжкие притеснения испытывала православная вера».

За время польского владения на Правобережье и Галичине в течение почти всего XVIII века действовали народные движения, превращавшиеся в настоящие народные восстания; охватившие большие территории и с трудом подавлявшиеся поляками. Так на Украине возникла Гайдаматчина.

Слова «гайдамак» тюрского происхождения. Татарское слово «гайда» – «беги, убегай» перешло в этом же значении в украинский язык. Гайдамаками называли правобережных повстанцев польские историки конца XVIII века. Народ называл гайдамаков «колиями», в Галичине – «опришками». Гайдаматчина стала организованной войной против польской шляхты. Народ видел в гайдамаках своих мстителей, их поддерживали запорожцы, сочувствовало Левобережье, как на борцов за православную веру смотрело на них угнетенное поляками православное духовенство.

Гайдамацкое движение достигло значительных успехов в 1734 и 1750 годах. Во власти гайдамаков находились Киевское и Брацлавское воеводства. Наиболее крупные города – Умань, Фастов, Радомышль – были взяты и разгромлены гайдамацкими отрядами. Неорганизованное и разрозненное крестьянское движение было подавлено силами польской шляхты.

Опришки с XVI века действовали в Галичине, Буковине, Закарпатье. Пастухи, батраки, мещане объединились в небольшие отряды и нападали на панские имения, арендаторов, даже небольшие крепости. Награбленное имущество они раздавали сельской бедноте. Символом опришков стал топорик, на котором они давали клятву, вступая в отряды мстителей за народ. Знаменитый Олекса Довбуш возглавлял в 1738–1759 годах это народное движение. Опришки часто соединялись с гайдамаками, их отряды, количество которых достигало полусотни, очень пугали польскую шляхту.

В 1768 году на Правобережье началось новое крестьянское восстание

– Колиивщина. Восстание совпало со временем образования Барской конфедерации, направленной против России и польского короля Станислава Понятовского. На подавление конфедератов был направлен русский корпус генерала Кречетникова, обложивший их в Бердичеве.

После взятия Умани на Черной раде повстанцы Правобережья избрали гетманом Максима Железняка, уманским полковником – Ивана Гонту, ставших предводителями восстания. На захваченных территориях было установлено казацкое управление, земли разделены на полки и сотни, униаты и католики должны были или перейти в православную веру, или уйти прочь.

Поначалу Россия поддерживала восставших, но после того, как гайдамаки сожгли Турецкий город Балту, турецкие, крымские и молдавские власти начали угрожать России войной, если она не «успокоит» восставших. Россия устранилась и восстание было подавлено. Гонта, как польский подданный, был судим и мученически казнен в Польше. Железник, как российский подданный был сослан в Сибирь. Сотни участников восстания были казнены в Польше, тысячи были приговорены судом к различным тяжелым наказаниям. Н. Березин писал:

«Конец вольной Сечи знаменовал собой и конец украинской самостоятельности. Последующая история Малороссии, как Гетманщины, так и Украины, оставшейся во владении Польши, печальна и мрачна. Пока существовала Польша, малорусский народ не переставал делать попытки сбросить с себя рабское иго, наложенное на него панями, которое становилось все тяжелее.

Особенной свирепостью отличалось крестьянское восстание, известное под именем Колиивщины и поднятое Железняком и сотником Гонтой. Но это были последние вспышки догоравшего огня – стремления к воле и земле.

Когда Польша оказалась поставленной между тремя соседними государствами – Россией, Польшей и Австрией, большая часть польской Малороссии отошла к России. Гетманы и все старинное собственное управление были упразднены, народ был обращен в крепостное состояние. Громадные пространства плодородных земель, очутившихся в руках русского государства, благодаря присоединению Малороссии и Новороссии, сосредоточивались вскоре в руках вельмож, которым они были пожалованы за разные заслуги, или же земли были расхищены и скуплены местными владельцами. Состояние Малороссии, как в

отношении внутреннего управления, так в отношениях между сословиями, перестало, начиная с Елизаветы II, различаться от того, что существовало в остальной России. Малорусские помещики, потомки войсковой старшины и состоятельных казаков, успели добиться для себя равных прав с русским дворянством и таким образом отделили свою судьбу от народа».

После завоевания Крыма и окончания русско-турецкой войны 1787–1791 годов черноморские степи вместе с северным побережьем Черного моря вошли как нераздельная часть в состав империи. Все управление степной Украины находилось в ведении князя Потемкина-Таврического, приступившего к постройке городов Херсона (1783), Екатеринослава (1783), Николаева (1789). Херсон и Николаев были значительными торговыми пунктами на Черном море, но скоро главным черноморским портом стала Одесса, основанная в 1794 году на месте турецкого поселения Хаджибей, где была построена русская крепость.

В степную Украину направился поток беглого крестьянства из Восточной Украины, Правобережья и центральных русских губерний. По ревизии Павла I 1796 года крестьяне оказались прикрепленными к землям тех помещиков, где они находились. На украинские степи в соответствии с императорскими манифестами приезжало много колонистов, получавших землю.

1793 год разделил украинские земли – Правобережная Украина отошла к России, а Западная Украина – Галичина и Буковина – к Австрии. Воссоединиться им удалось только через полтора столетия.

После смерти Екатерины в 1796 году в период правления Павла I Украине вернули кое-что из ее старого гетманского управления, в частности Генеральный суд. Император Павел I прислушивался к своему министру Александру Безбородко, бывшему киевскому полковнику, и при императорском дворе беспокоившемуся о судьбе своей родины. Шли разговоры даже о восстановлении гетманства. После убийства Павла новый император Александр I вернулся к политике своей бабушке. В XIX век Гетманщина вошла как освоенная российская провинция, но это все равно была Украина. О Сувельный писал:

«На протяжении столетия Гетманщина была центром политической жизни Украины. Хотя россияне контролировали ее внешние отношения и военные компании, а также постоянно

вмешивались во внутренние дела, все же управление и социально-экономическая политика Гетманщины осуществлялись украинцами, им принадлежали ключевые позиции в судах, финансах, армии.

Самоуправление благоприятствовало подъему украинской шляхетской элиты, гордой своими традициями. Даже в 1767 году старшинские послы в Законодательную комиссию не приняли реформы Екатерины II, уверенно заявив: «Наши законы наилучшие».

Сама Гетманщина явила для политических деятелей Украины начала XIX века прецедент украинского самоуправления».

Через полстолетия после ликвидации Гетманщины Тарас Шевченко писал:

Була колись Гетьманщина,
Та вже не вернеться!
Було колись панували,
Та більше не будем.
Тієї слави казацкої
Повік не забудем.

Гетманщину не только не забыли – память о ней породила новую эпоху в украинской истории, именно из наследников старшины вышло много деятелей, способствовавших формированию национального самосознания украинцев.

История Гетманщины стала ключевым явлением в национальной истории и государственной борьбе. Пример самоуправления, данный ею, вдохновлял много поколений украинцев в их борьбе по созданию своей собственной национальной державы».

В начале XIX века Украина была разделена на пять губерний, которыми управляли царские чиновники на общеимперских началах. Между 1801 и 1802 годами на Левобережье и в степной Украине были созданы генерал-губернаторства, а в правобережные губернии назначены военные губернаторы. Вместе с ним Александр I восстановил в империи ликвидированную Павлом I государственную грамоту дворянству и при этом, по просьбе делегации харьковских помещиков, подписал рескрипт о правах

слободского украинского дворянства.

Во время Отечественной войны летом 1812 года из украинских левобережных казаков были сформированы 15 конных полков, на Правобережье – 4 казацких полка, вошедших в Российскую армию. Украинцы сражались в общих военных частях и прошли всю компанию, окончившуюся в декабре 1812 года разгромом оккупантов и изгнанием из пределов империи.

В начале XIX века Украина стала главным поставщиком товаров на внутренние российские рынки. Часть украинских помещиков в своих имениях организовала промышленные предприятия – суконные, полотняные, кожевенные, канатные, мыловаренные. Тогда же на юге Украины – в Донбассе, стала развиваться угольная промышленность.

В период правления императора Николая I русификация Украины значительно усилилась. Властями было отмечено десять крупных крестьянских волнений.

Выдающийся исследователь жизни Украины XIX века Н. Березин писал о характере и быте украинских казаков и посполства после гетманства:

«Почти нет ни одного крупного автора, в произведении которого не встретился бы тот или иной тип малоросса. Обыкновенно в таком виде он и известен нам: медлительно-ленивый, с карими, ласково-грустными очами, с мягким, непривычным нашему слуху выговором, хладнокровный юморист и большой патриот своего отечества. Однако судить по этим знакомым нам типам обо всем народе было бы ошибочно, тем более, что при своей любви к родной земле и при отсутствии предприимчивости малороссы – простолюдины редко покидают родину, разве по неволе, когда забреют рекруту лоб и погонят его на чужую сторону. Надо пожить где-нибудь в самом сердце Украины, Полтавской или Киевской губернии, чтобы понять душу украинского народа, столь отличную от русского народного духа. Недаром обе народности, являющиеся по происхождению родными братьями, не слишком долюбивают друг друга и трунят один над другим». Великороссы чествуют украинцев «хохлами» еще с тех времен, когда знаменитый «оселедец» составлял украшение каждого казака. Те в свою очередь прозвали бородатых русских «кацапами» (от малорусского цап – «козел»).

Исторические события противопоставляли Украину Польше

и Московской Руси. Борьба с Польшей охватывает главные события украинской истории и представляет бой не на жизнь, а на смерть, и тем не менее отношения украинцев к полякам проникнуты, пожалуй, меньшей нетерпимостью, чем чувства, питаемые ими к нам, русским. И это понятно. Малороссы и ляхи боролись друг с другом, как равный с равным, научившись уважать силу врага; в эпохи затишья малорусский народ неизбежно перенимал от поляков все культурные успехи Запада. Между тем со стороны московского, а затем петербургского правительства украинцы со времен Богдана Хмельницкого не видели ничего, кроме насилия, тем более нестерпимого, что оно исходило от государства и народа, который по своей культуре стоял в глазах малороссов ниже того уровня, который существовал у них. Отсюда обидное чувство, затаившееся в глубине души, которое изгладится, как скоро украинский народ убедится, что восточному брату и соседу его, массе русского народа жилось нисколько не лучше.

Несмотря на общую веру и очень сходный язык в характере этих обоих народов очень много разного. Различие бросается в глаза уже во внешности, начиная с выражения и черт лица, и кончая манерами, одеждой, обычаями и всем складом души.

Лицо, говорят, зеркало души, и в этом случае выражение лица малоросса действительно отражает на себе его внутренний мир, его характер. Вы прочтете на нем многое. И лукавый блеск то мягкого, то жесткого юмора в глазах, и несколько сентиментальную мечтаемость, и спокойную задумчивость, которую во мгновение ока может согнать выражение холодного гнева или взрыв смеха, которому охотно предаются парубки и девчата. Но при всех переливах выражения вы все-таки замечаете, что не все движение души выливается в выражении лица: что-то всегда остается на дне ее, не так как у добродушного и чересчур откровенного великоросса. И от того украинца справедливо называют лукавым хохлом. Лукавство выразилось в прошлом в разнообразных «фиглях», военных хитростях, на которые были такие мастера запорожцы, а теперь обнаруживается всякий раз, как кому-нибудь приходит охота надуть добродушного с виду хохла.

Надуть иногда и удается, но чаще, даже в случае удачи, в смешном положении оказывается надувший, а не его жертва.

Одно какое-нибудь спокойно ввернутое словечко склоняет победу хотя бы по внешности на сторону обманутого.

Распоряжаясь всем домашним хозяйством, малорусская женщина является истинной хозяйкой дома. При врожденном ее лукавстве, подвижности и готовности ежеминутно пустить в дело свой звонкий голос, изливая целые потоки слов, от которых ее «чоловік» только рукой отмахивается, неудивительно, что украинка является обыкновенно главой дома.

Если что не по ней, то хитрая баба не тем, так другим непременно добьется своего. Присоедините к этому еще свойственное женщинам любопытство, охоту вмешиваться в чужие дела, умение ловко владеть ухватом или дрючком, и вот перед вами образ энергичной хозяйки, перед которой отступает всякий малоросс.

Обитая в краю теплом, солнечном и урожайном, среди более разнообразной красивой природы, малоросс, естественно, больше сжился и ценит ее, чем северяне, которых длинная зима и частое ненастье надолго запирает в жилище. Эта любовь к природе, к ее звукам, формам и краскам проявляется у малоросса на каждом шагу. Он мечтателен и чувствителен, любит всякую музыку и обладает природной музыкальностью, предпочитает в одежде яркие цвета и красивый покррой. Действительно, малорусская одежда, как мужская, так и женская, не только удобна, но и очень красива, сильно отличаясь и превосходя в этих отношениях великорусские народные наряды. Толпа парубков и девчат, разодетая в праздник и толпящаяся где-нибудь на площади в ожидании увеселений, представляет в высшей степени яркую и оживленную картину, напоминающую пестрое сочетание разнообразных цветов где-нибудь на жарко освещенной солнцем поляне или в светлом углу сада.

В Малороссии же не существовало обычного в остальной России общинного владения землей, которое волей-неволей придавало известное однообразие характеру жизни крестьянина, привив ему некоторую стадность, выражающуюся, например, в том, что в великорусских деревнях все избы не только на один лад, но и выстроены в тесный длинный ряд вдоль единственной улицы деревни. В Малороссии селения обыкновенно расположены в красивой местности-возле речки, на склоне или на дне живописной балки, так что, когда едешь мимо них весною,

когда плодовые деревья в цвету и везде раздаются песни молодежи и соловьиный рокот, то невольно скажешь, что это край поэтический.

За хатами обыкновенно огороды, но не такие, к каким привык наш глаз, с грядками низкой растительности. Чего только нет в этом огороде в конце лета! Вперемежку на влажной горячей почве тут и громадные дыни, колоссальные тыквы, фасоль, огурцы, и целыми рядами стоят, поникнув громадными головами, млея в теплом воздухе под солнечным зноем, подсолнечники и другие высокие и кустистые растения. В садах самые обычные деревья – сливы, груши и яблони.

В Малороссии отцы по большей части при жизни отделяют женатых сыновей. Если они не всегда распределяют между ними имение, и требуют общей работы, то по крайней мере строят каждому сыну отдельную хату, в которой молодая чета живет и устраивается по своему желанию, не имея неприятных столкновений с прочими членами семьи.

В противоположность великороссу малоросс индивидуалист. Издавна имея свое поле в качестве собственника или по крайней мере единственного распорядяющегося хозяйством лица, малоросс отвык от подчинения себя в житейском обиходе общей воле и развел в себе привычку жить сам по себе. Большой достаток, проистекающий от плодородия почвы, более высокая культура, развитая частью из древнерусских основ, частью заимствованная через Польшу с запада, сделала малоросса более требовательным к жизненным удобствам. Он очень неравнодушен к домашнему комфорту, любит уют, чистоту в доме, красивое убранство вкусную, разнообразную пищу, красивую яркую одежду. Это видно, как только войдешь в хату. По сравнению с великорусской избой внутренность ее поражает чистотой и каким-то общим стремлением к красоте и порядку.

В прежние времена малоросс решительно склонялся к частному землевладению. Он всегда был жаден до земли, как истый хлебороб. За землю и волю именно и бились Украина с Польшей.

Сколько работы убрать огород, сад! Какое изобилие разнообразных плодов и овощей! В это время на базарах появляются груды яблок, слив, арбузов, тыкв, дынь и всяких овощей, каких мы, северные жители, подчас и в глаза не видали.

Сколько всяких кушаний в состоянии изготовить из них искусные малоросские хозяйки! Сколько можно изготовить впрок всяких варений, наливок и прочей снеди. Не мудрено, если при изобилии и разнообразии плодов земных малороссы большой охотник вкусно и хорошо покушать.

Земледельцы, успешная работа которых так сильно зависит от природы, вообще бывают религиозны, то есть строго соблюдают не только обряды вероучения, но и все тесно сросшиеся с ними суеверные и иные обычаи, обломки давней старины. На Украине приверженность к религии, набожность, усилилась еще по условиям исторической жизни: народ малорусский долго боролся за свою независимость под стягом православной веры, к которой прилепился всеми силами своей души. Набожность его, религиозное настроение, привычка чувствовать над собой силу, от которой зависит все земное благополучие, свободно уживается в малороссе с верою во всякую чертовщину, которая мерещится ему на каждом шагу. Сама природа Малороссии – чудная, темные ночи, фанатический вид растительности под черным пологом звездного неба, темные зеркала недвижных вод в речках и прудах, обрамленных стенами высоких камышей – все настраивает человека на мечтательный лад и будит в нем чувства таинственного и страшного.

Девушки пользуются большой свободой. Здесь у родителей не в обычае присматривать за ними, и не случается, чтобы в разгаре веселья на «вулице» появилась какая-нибудь строгая мать, которая с упреками и с разными суровыми выражениями гонит дочерей домой, что нередко приходится наблюдать в наших деревнях. Также и парубки меньше испытывают на себе гнет отцовской власти. В этом сказывается одна из отличительных черт малорусского характера по сравнению с великорусским – более широкая свобода личности, которую не тяготит семейный строй.

В наших народных песнях и сказках, в литературе («Гроза» Островского) – жалоба на беспощадный главный сюжет. Сына женят насильно на немилрой, дочь выдают против склонности ее замуж, муж – мучит жену, свекровь – невестку. Ссоры, несчастья, преступления и гибель сопутствуют этой ужасной семейной обстановке, которая потеряла всякий смысл существования. В Малороссии, где во владении семьей и имуществом преобладало

не общинное начало, а личная собственность, если и существовали те же грустные явления, то в гораздо более слабой степени. Личность человека не страдала от таких издевательств над собой. Потому ли, что возле простиралась вольная степь, куда можно было уйти казаковать или чумаковать, или же потому, что каждый имел право распоряжаться свободно своим имуществом, не подчиняясь воле общины, «мира», только малоросс чувствует себя в качестве личности гораздо свободнее, чем великоросс. Это чувствуется на каждом шагу.

Здесь, например совершенно не принято говорить «ты»: все обращаются друг к другу на «вы», если, конечно, не состоят в дружеских отношениях. В отношениях с баринном, с чиновником малоросс держит себя, если и почтительно, то не раболепно. Большая свобода личности среди малороссов проявлялась прежде в многочисленных союзах, братствах, товариществах, существовавших как среди горожан, так и в селениях, в которых каждый член был равноправен с другими. Лучшим выражением этого духа равенства и свободы явилось знаменитое «товарищество» войска запорожского. Сколько столетий существовала Сечь, в которой кошевой и все войсковые чины являлись выбранными и могли быть смещены в любой время, и тем не менее, при добровольном подчинении каждого общей воле и общему порядку, нигде человек не чувствовал себя столь легко и свободно, как в «недрах» войска.

Большая свобода личности среди украинского народа связана, конечно с большим уважением и признанием ее прав.

От того в отношениях между людьми на Украине меньше грубостей, меньше проступков против общественной нравственности. В то время, как среди русского простонародья брань и неприличные, грубые выражения составляют уже давно необходимые украшения речи, в Малороссии подобное обращение является более или менее зазорным, составляет обиду, которую малоросс при своей мстительности не легко спускает и долго таит в душе. Бранное слово малоросс заменяет гораздо более острым оружием – юмором, насмешкой, которая при свойственной ему медлительности и спокойствию приобретает особенную соль.

В то время, как великоросс обыкновенно сперва чувствует, а потом думает, вследствие чего часто попадает впросак и чешет

затылок («задним умом крепок»), когда уже поздно поправить сделанное, флегматичный малоросс сперва раскидывает умом, а потом приступает к действию. Это позволяет ему иметь всегда перевес в словесном состоянии, побивать противника словом».

По крестьянской реформе 1861 года, кроме «Великороссийского положения» существовали еще два – для Слободской и Правобережной Украины. По первому каждому домохозяину отводился надел под его личную ответственность за выполнение повинности в пользу помещика; по второму – крестьянин получил землю, которой владел в момент предыдущей инвентарной реформы, земля выкупалась.

Реформа дала сильный толчок сельско-хозяйственному и промышленному развитию Украины. Так, в 1892 году на знаменитой Киевской контрактной ярмарке, проходившей ежегодно с 5 до 27 февраля, заключили сделок на 17 миллионов рублей – очень большая по тем временам сумма; сделки заключались на хлеб, сахар, шерсть.

Революционное движение на Украине развивалось одновременно с российским. Народническое украинское движение было неотъемлемой частью общероссийского, действовали отделения «Народной воли»; с 70-х годов XIX века зародилось и рабочее движение.

18 мая 1876 года император Александр II подписал указ, запрещавший издавать на украинском языке оригинальные произведения и выступать на сцене на украинском языке; по особому разрешению можно было издавать только беллетристику и исторические документы; указ действовал до 1917 года.

В Западной Украине, находившейся в составе Австро-Венгерской империи, крестьяне были объявлены лично свободными, но обязанными нести за землю определенные традиции перед помещиками.

В правление императора Иосифа II, в конце XVIII века, в империи проводилась политика религиозной терпимости по отношению к не католическим христианским вероисповеданиям. С начала XIX века началась реакция, с которой украинское общество боролось всеми силами. Волнения происходили в разных районах империи. В 1847 году произошло восстание во главе с Лукьяном Кобылицей, с трудом подавленное властями. После революции 1848 года в Европе украинцы Западной Украины и Закарпатья получили некоторые послабления – империя боялась, что восстание из Венгрии перекинется на всю территорию государства.

Украинское общество сумело организовать, была даже создана «Головная рада» – политическое общество, хотевшее объединить западных украинцев и ведать их культурными и национальными нуждами. В Галиции действовали и другие организации украинского национального движения.

К началу XIX века Донецкий бассейн стал центром угольной и металлургической промышленности в Российской империи, Правобережье – сахарной промышленности.

Революция 1905–1907 годов прошла на всей территории Российской империи. На Украине бастовали рабочие, восставали крестьяне. После поражения революции, с 1907 по 1910 год на Украине действовало положение о чрезвычайной охране. Были закрыты почти все культурно-национальные организации, в школах в очередной раз запрещалось употребление украинского языка.

С 1907 по 1912 год в Сибирь переселились около миллиона украинцев – по аграрной реформе П. Столыпина. Этот талантливый председатель правительства при Николае II пытался спасти империи – но это было уже невозможно.

В середине XVI века в Московском царстве была установлена новая форма правления – самодержавная. По этой монархической форме правления носителю верховной власти – царю, а потом императору – принадлежали верховные права в законодательстве, в верховном управлении, в высшем суде. Управление государством осуществляли царь Иван IV, несправедливо названный Грозным – надо было Ужасным, и Боярская Дума – высший законодательный орган. Боярской Думе подчинялись все приказы и все местное самоуправления царства, она руководила армией, вела все земельные дела, проводила переговоры с иноземными послами.

Приказы с начала XVI века стали постоянно действующими органами центрального управления России. Их название произошло от термина «приказ», употребляемого в смысле особого поручения. Каждый приказ был организационно оформлен, ведал определенным кругом вопросов, имел самостоятельный штат. Руководство приказов было коллегиальным, стоявшие во главе приказа лица назывались судьями – теми, кто имел право принимать решения. Делопроизводством приказов и даже самими приказами наряду с судьями-боярами часто управляли дьяки. Непосредственно делопроизводство велось подьячими. В штат приказов входили приставы, переводчики, сторожа. Количество «приказных людей» в приказе колебалось от трех до четырех человек. Количество приказов

измерялось десятками. Большинство их размещалось на Ивановской площади в Кремле, в приказных палатах и избах. Деятельность большинства приказов была весьма интенсивной – рабочий день продолжался около двенадцати часов, нередко работа велась и по праздникам. Несмотря на это приказы были завалены нерешенными делами.

Приказ обыкновенно помещался в просторной избе из двух – трех срубов и был покрыт дранью и тесом. Изба отапливалась глиняными печами, а двери и окна для тепла были обиты сукном и войлоком. Простые сосновые столы и скамейки составляли всю обстановку приказов. Дела хранились в лубяных и осиновых коробах. Один из европейских разведчиков, служивших при дворе Ивана Грозного, докладывал начальству:

«Во всех приказах находится очень много писцов, пишущим красивым почерком и довольно хорошо обученных счету и искусству. Брать подарки всем воспрещено под угрозой наказания кнутом, но втайне это все-таки происходит: особенно часто писцы берут «посулы», благодаря которым часто можно узнавать и о самых секретных делах, находящимся в их руках. Иногда они даже сами идут к тем, кого данное обстоятельство касается, и предлагают им за некоторое количество денег открыть дела. При этом часто они допускают грубый обман, сообщая вымышленное вместо истинного, частью из боязни опасности для себя в случае, если дело выйдет наружу, частью же вследствие незнания дела».

У московских царей не было постоянных контролирующих учреждений, и они всегда больше рассчитывали на частные изветы – подметные доносы без подписи, анонимки, и на ссоры самих приказных людей. Внутренний контроль в приказах предусмотрен не был.

Слово «дьяк» в переводе с греческого означает «служитель». Дьяки руководили канцеляриями центральных и местных учреждений. Дьяки за службу получали денежное жалование и «верстались» поместным окладом – землей. К 1676 году число дьяков более сотни, к концу XVII века стало около двухсот. В обязанности дьяков входило:

«В приказах с боярами и прочими судьями сидеть и дела слушать и приговаривать общее, а оные приговоры крепить и

помечать и указы закреплять им, дьяком, одним».

Дьяки составляли особый класс служащих, состоящий по преимуществу из людей низкого происхождения. Постепенно создалась наследственная приказная бюрократия, связанная между собой.

Подьячие являлись низшими чинами приказной администрации. Под руководством дьяков они выполняли основную делопроизводственную работу в центральных и местных государственных учреждениях. Подьячие делились на старших, средней статьи и младших, получали денежное, хлебное, а иногда и поместное жалование. Всего в приказах было от нескольких человек до нескольких десятков и даже сотен подьячих. Старшие подьячие вместе с дьяками руководили составлением документов – средние готовили их тексты, наводили справки в архиве приказа; младшие осуществляли техническую работу по переписке документов набело. В провинциальных учреждениях – таможенных, земских, губных – подьячие самостоятельно вели делопроизводство. Труд приказных служащих часто не оплачивался, и они жили лишь за счет «приношений» просителей.

Именно дьяки и подьячие с конца XV века управляли Московским государством – и именно они особенно усилили свое влияние при Иване Грозном, который противопоставил приказную, дьяческую систему служилой элите России. Безродные и нищие приказные, возглавляемые царем, ставшим государем – убийцей на троне, начали резню высших сословий России, имевших богатства и земли, и озабоченных не набиванием сундуков золотыми монетами, а величием и процветанием, своей Державы, которая может называться великой только тогда, когда в ней живут счастливые люди. На страну опустилась опричная ночь. Умная и образованная элита государства была уничтожена. Вот когда начался Большой террор – недаром глава ВКП(б) И. В. Сталин так любил Ивана Грозного, Иван IV был душой и рычагом всей приказной системы. Приказные бояре, дьяки, подьячие являлись только приказчиками царя, который пытаясь контролировать все и вся, входил во все детали управления и везде пытался руководить сам. В результате личное участие царя в громоздком аппарате управления государством стало фикцией. Приказной строй лишился своего организующего начала и сам начал становиться властью.

Московские цари никогда не любили и не соблюдали кодексов и общих сводов законов, действующих на всей территории государства. Они постоянно нарушали законы своими сепаратными указами. На общие

законы цари смотрели не как на нормы, которые следует применять всегда и везде, а как на приблизительные образцы для своих решений, своей «самодержавной» воли.

В начале XVII века был издан общий закон – не давать на откуп кабаков дворянам. Через несколько лет Печатный приказ проверил исполнение этого закона – оказалось, что большинство совсем не знали этого указа, а остальные не исполняли общего закона, руководствуясь особыми государевыми указами, меньшинство исполняло новый общий закон. За подобную «самодержавную» систему управления Московское царство заплатило ужасающей Смутой 1605–1612 годов, чудом не уничтожившей само государство. Приказная система первый раз завалила трупами всю Россию.

Приказная система, прогнившая и коррумпированная, снизу доверху, могла уничтожить все достижения Московского царства. Доходило до того, что дьяки «за хабар» подсовывали невест московским государям от тех государств или боярских кланов, послы и представители которых «отстегивали» необходимую сумму «приказной душе». Описания государственного устройства Московского царства XVI–XVII веков, сделанные иностранцами при царском дворе – ужасающие.

Реформировать нереформированное попытался Петр I. Ему удалось многое сделать, «Россию вздернув на дыбы». Но победить чиновников он не смог – «полуобразованная и разноименная толпа бюрократов, самонадеянных, скорых на всевозможные прожекты, не менее корыстных, наглых в своих сношениях с населением и расточительных как люди, неожиданно получившие большое наследство полезло во власть; за этим поколением пошли другие» – писал выдающийся российский историк начала XIX века С. Б. Веселовский.

Петр I проводил преобразования в России сверху, что поставило аппарат управления в особые условия – при отсутствии общественного контроля в России бюрократия, чиновничество превратились в особый социальный слой. Вся последующая история Российской империи характеризуется резким ростом чиновничества и расширением сети государственных учреждений.

В мировой истории известен единственный способ противостояния чиновническо-бюрократической организации власти – более рациональное ее устройство, которое охватывает самые разнообразные стороны жизни – экономику, общественно-социальные отношения, политику, науку, культуру. Главное в реформах – перестройка чиновничьего аппарата и бюрократии.

Административно-чиновничья «модернизация» страны – основная цель реформ – должна стать одновременно их движущей силой.

Слой, образовавшийся в петровское время, главной особенностью которого была не только знатность происхождения, уже можно было считать номенклатурой. За счет политической карьеры и роста богатства «новых петровских» княжеско – боярский слой размывался, в него входили не знатные и не родовитые люди. «Наверх» шли несколькими способами – службой, выслугой, выгодной женитьбой на представителях родов – реальных носителей власти, фавором у царя. «Новые русские» Петра I, выдвинувшиеся при нем, начали скупать наследственные имения знати, используя все способы, и интегрировались в правящий класс землевладельцев. Почти все окружение Петра было в родстве между собой.

Теперь на сцену выступили чиновники, в силу своего положения, умственного и культурного развития, не интересующиеся выгодами и пользой для страны происходящих реформ. Перемены в стране интересуют всегда бюрократию только с точки зрения выгоды, карьеры. Их интересуют только должности, оклады, вакансии, социальный статус, служба в столицах. Недаром А. С. Пушкин заявил: «Догадал же меня черт родиться с умом и талантом в России».

Бюрократия не имела еще «собственного» законодательства, зато играла большую роль в решении крупных имущественных споров. До Петра I писанного законодательства не было, действовали по традиции. Только Сенат установил чиновникам оклады, которые не соответствовали стоимости жизни. И тогда выпустили джина из бутылки – в Россию пришла коррупция.

Петр Великий при создании Империи хотел иметь точные правовые нормы – в 1720 году был создан Генеральный регламент, содержащий правила поведения чиновников. Многие и многие указы Петра I заполнены информацией о коррупции. Однако средств в государстве постоянно не хватало и деньги чиновникам платились плохо, часто с большой задержкой. Жалобы бюрократов завалили все инстанции. Мелкие чиновники не получали жалованья годами. «Поэтому» бюрократам разрешили приобретать собственность – «беднякам» нельзя было поручать ведение имущественных дел.

Переведя чиновников на оклад, Петр I стремился поставить в большую зависимость от самодержца чиновников. Бывшее в приказной иерархии нормой получение платы у населения за услуги объявили преступлением, а преступника вне закона. Разница с выплатой оклада содержания и стоимостью жизни, а также соблазна больших денег от ведения дел

бюрократией привели к появлению коррупции – комплекса неписанных правил поведения и круговой чиновничьей поруки. Этот «кодекс коррупционера» поставил чиновников вне контроля общества.

После введения в 1722 году Табели о рангах правящая номенклатура стала профессиональной. Табель о рангах сделал чиновников особой группой, особым сословием, отделенным как от царя, так и от общества. Петр I лично следил, чтобы все начинали службу с нижнего, 14-го чина. Дворяне не хотели становиться коллежскими регистраторами, а становились обер-офицерами в армии. В бюрократы пошла «голота» со всей огромной Российской империи. Не имевшие хорошего образования она хотела «выбиться в люди», используя все возможные средства.

Созданная Петром I государственная бюрократическая машина заменила средневековую систему. Эта чиновничья машина в условиях неограниченной монархии работала как воинское соединение с жесткой вертикальной системой подчинения. Бюрократия стала подчиняться своим собственным законам, независимо от того, кто сидел на троне. Чиновники перестали подчиняться высшей власти государства.

Российское чиновничество быстро научилось самопроизводиться. По переписи чиновников 1754 года их количество составило пять с половиной тысяч человек, а через десять лет их было уже 16 тысяч. Эта цифра оставалась неизменной до середины XIX века и в 1851 году составила более 60 тысяч человек, а через пять лет почти 100 тысяч человек.

В начале XIX века государственный аппарат в России рос в три раза быстрее, чем население страны. К концу XIX столетия количество чиновников возросло в десять раз и составило более полумиллиона человек. В результате последний из Романовых уже не мог непосредственно управлять Российской империей, оттесненный от нее бюрократической прослойкой, осуществлявший реальную власть в стране с помощью организацией – исполнителей.

Ведущие российские исследователи феномена чиновничества считают, что унять бюрократа можно только лишив его социальных корней и институтов его господства. Для этого государство должно стать правовым и иметь развитое гражданское общество, обязательно со свободой слова.

В 1808 году фактической неудачей закончился проект преобразования России, порученный императором Александром I М. М. Сперанскому, статс-секретарю и тайному советнику, крупнейшему государственному уму России. М. Сперанский разработал План преобразования государственного

порядка и реформу государственного управления и общественного строя – «Введение к Уложению государственных законов».

Проект давал гражданскую свободу личности, право участия в государственном управлении, даже крестьяне получали права. Все сословия посылали депутатов в Государственную Думу – законодательное собрание Российской империи. Суды подчиняются только Сенату. Главным органом государства становится Государственный Совет.

В 1810 году создан государственный Совет, в 1811 году преобразованы созданные за девять лет до этого министерства. На этом все и закончилось.

М. Сперанский подготовил проект, по которому запрещалось присваивать звание камергеров лицам, «не прошедшим действительную службу с первоначальных чинов». Нельзя было также получить 14-й «дворянский чин» без учебы и университетского диплома.

На М. Сперанского посыпались доносы, и Александр I, как обычно без их проверки отправил реформатора в ссылку. Император-лицемер плакал при прощании со своим статс-секретарем, а за глаза говорил о его смертной казни.

В России XIX века почти не было сил, которые было бы можно противопоставить бюрократии. Нельзя было и затронуть ее интересы. На империю неотвратимо накатывалось ужасное министерское столетие.

После смерти Александра I в 1825 году к власти через Сенатскую площадь пришел Николай I, написавшей матери: «Я удивлю милосердием весь мир». После этого он осудил декабристов, покарвав почти 700 дворян и около 3 000 невиновных солдат, выведенных офицерами на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года.

Николая I не готовили в императоры. Он начал с того, что выдвинул требование дисциплины и порядка. Началось настойчивое насаждение среди чиновников послушания и всеобщего страха. Выбранные средства привели к всеобщему оуплению бюрократов. А. С. Пушкин сказал своему другу, хвалившему Николая I: «Хорош, хорош, только на тридцать лет дураков наготовил».

К страху же все быстро привыкли. Это стало нормальным состоянием в стране. Николаю I не удалось даже уменьшить коррупцию. По Петербургу ходила поговорка: «Дайте мне на прокормление одного казенного воробья, и я проживу безбедно с семейством».

Николай I создал политическую полицию – Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Начальник политической полиции граф А. Бенкендорф тут же доложил царю «Все ждут если и не полного преобразования, то хоть исправления в порядке

управления». Генерал полиции М. М. Фок докладывал: «Теперь или никогда самое время приступить к реформам в судебном и административном ведомствах, не действуя, впрочем, слишком решительно. Этого ожидают с величайшим нетерпением, и все в один голос кричат об этом».

Для проведения административных реформ Николай I создал комитет, в котором ключевую роль стал играть возвращенный из ссылки М. Сперанский. За пять лет он подал царю «Заметки на организации судебной системы в России», «Положение о порядке производства в чины», «Проект учреждений уездного управления», «Записка об устройстве городов», «Проект учреждения для управления губернией».

Ни один из законов не был принят. Офицеры Третьего отделения мешались по стране, хватая лихоимцев, Николай срывал погоны с коррупционеров, впрочем, не выше полковников и в то же время приказывал М. Сперанскому:

«Цель Вашей работы заключается не в полном изменении существующего порядка управления, но и в его усовершенствовании посредством некоторых частных перемен и дополнений».

Чиновники сцепились с реформаторами. Половинчатые реформы готовились в секретных комитетах. Ни о каком гражданском обществе не было и речи, император не доверял своим подданным после 14 декабря. Высшие сановники заявляли, что лучше общества знают, что ему необходимо. Разработка законов об улучшении жизни крестьянства поручалась чиновникам, жившим за его счет, мнение крестьян никого не интересовало. В Государственный Совет подавались в качестве основных материалов для принятия решений ложные документы.

Не было всенародного обсуждения реформ. Шла игра в реформы. Все закончилось поражением России в Крымской войне 1854–1856 годов. Даже Аляску чиновники ухитрились продать в свою пользу – брат царя, ведавший снабжением полуострова, заявил, что кораблям, везущим продовольствие и снаряжение на Аляску, «далеко, а значит дорого плыть».

Реформы 1861 года законодательно закрепили принципы социального переустройства, вовлекая в исторический процесс все слои общества. В течение короткого промежутка времени изменилось положение десятков миллионов людей на громадной территории, имевших множество

региональных, национальных и культурных особенностей. Было отменено крепостное право, еще через девять лет горожане поручили право избирать гласных в городские думы, которые избирали городского голову и членов городской управы. В стране появились мировые судьи, была отменена 25-летняя служба в армии – теперь служили 6 лет. Была либерализована система образования. Современники называли реформы великими, но это не соответствовало действительности.

Реформы не дали земли крестьянам и политических прав подданным. «Великие реформы» стали началом конца «Великой империи». Многие крестьяне, оставшиеся без земли, не смогли ее выкупить у помещиков, тут же поднявших на нее цену в 3–6 раз. Безземельные крестьяне ушли в города и превратились в люмпен-пролетариат.

Вместо дарования политических свобод правительство усилило полицейские меры. В стране началось глубокое брожение, усиливавшееся многочисленными волнениями обманутых безземельных крестьян. На «царя-освободителя» «облагодетельствованный» крестьянин Андрей Желябов с «Народной волей» устроил охоту. Реформы привели к небывалой свободе личности – личность захотела равенства и права реализовать себя. Власти попытались «вернуться в прошлое и тут же появились радикальные течения в образовавшейся революционной среде.

Народовольцы «пошли в народ», появилась идея добиться цели путем террора. Россия вступила в период тяжелой Смуты.

«Народной воле», имевшей в своем составе около пятисот членов, удалось создать видимость таинственной многолюдной организацией. В обществе уже было много людей, хотевших продолжения реформ, но отрицавших террор. Высшие чиновники не смогли или не захотели разделить небольшую террористическую партию и всю оппозиционную среду и обрушились на все общество. Надзору и преследованию подвергались все, казавшиеся подозрительными или неблагонадежными. Это, естественно, не помогло, общество быстро революционизировалось.

Власти создали комиссию графа М. Лорис-Меликова, которой удалось успокоить общество, перестав преследовать простых оппозиционеров. Представители земств должны были войти в Государственный Совет. Некоторые историки утверждали, что готовилась конституция. В этот момент власти умудрились неосознанно или сознательно упразднить Третье отделение. Желябовцы тут же взорвали императора Александра II, которого из-за его непредсказуемости боялась вся его многочисленная родня.

Его наследник Александр III заперся в Гатчинском дворце. Лорис-Меликова уволили, программа реформ была отвергнута. Начались контрреформы. 14 августа 1881 года Александр III подписал «Положение о чрезвычайной охране», которое позволяло властям вводить чрезвычайное положение в любое время и в любом месте Российской империи.

Александр III тоже не готовился к должности императора России. Он стал наследником в 1865 году после смерти его старшего брата Николая. Все современники, как и его семья, считали его человеком, которому государственная деятельность откровенно не по плечу. Революционный кошмар, очевидно, уже был неизбежен, но мог быть значительно смягчен более гибкой и прогрессивной политикой. «Хозяева земли русской» в период после 1801 года не считали «глас народа гласом божьим», хотя как частные лица производили на окружающих приятное впечатление.

Александр III уволил все правительство отца, разгромил народовольцев, отменил все подготовленные реформы и в Манифесте 29 апреля 1881 года объявил, что будет охранять единовластие без сотрудничества с обществом. Он почему-то считал, что император лучше всех знает, что хочет его добрый народ и что нужно России, и как этого достичь. При проведении внутренней политики, руководствуясь советами К. Победоносцева, он применял насилие, жестокость, произвол.

Александр III тайно давал князю В. Мещерскому деньги на издание газеты «Гражданин». Известный взяточник и вор Мещерский писал в газете с достойным названием:

«Прекрати сечь, исчезнет власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен черный хлеб русскому мужику – так ему нужны розги. И если без соли пропадает человек, так без розог пропадает народ».

Князь, укравший деньги на строительство реального училища в память умершего наследника трона, презираемый всеми, считался «глазами и ушами» императора. Понятно, что имея такого советника – жди большевиков. Марксистские кружки пышным цветом начали расцветать по всей Российской империи.

Все высшие государственные посты в России заняли или члены императорской семьи, или чиновники, позиционировавшие себя холопами Александра III. Коррупция стала нормой – кто тронет родственников или друзей императора? Революционное подполье регулярно сообщало подданным о сиятельных мздоимцах через свои газеты и листовки.

Александр III восстановил принцип превосходства дворянства над народом. Еще в 1881 году он сказал: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?»

Александр III включил взрыватель, а бомба подорвала всю династию Романовых, а заодно с ней и Российскую империю. Революционеры тут же назвали Россию «тюрьмой народов». На фоне контрреформ коррупция росла в геометрической прогрессии. Ученый экономист и министр финансов Н. Х. Бунге писал:

«Все требуют денег из государственного казначейства и для государственных нужд, и для промышленных предприятий, и для собственного благополучия. Если мы берем от населения более, чем оно может дать. То понятно, что мы увеличиваем число нищих. Рвутся за деньгами и те, которым хочется весело пожить за счет казны».

Контрреформы власти отправили в оппозицию всю интеллигенцию империи, которую охватило неверие в наличие у самодержавца здравого смысла.

Стремительно растущая российская экономика быстро сформировала состоятельный класс – купцов, промышленников, банкиров. Росли города, в которых появились автомобили, электричество, телефон. Их обслуживали инженеры, техники, квалифицированные рабочие. Их было уже очень много, и они не хотели жить по-старому, «Новые русские» смотрели на Запад, где реальная власть в государстве уже принадлежала банкирам и предпринимателям. Половинчатые реформы, как всегда ограниченные чиновничеством, ударили по самодержавию, а следовательно и по Империи.

О правлении Николая II многие современники говорили: «Ходынкой началось, Ходынкой кончится». Даже тогда находились люди, пытавшиеся спасти империю. Министр внутренних дел В. К. Плеве, разорванный в клочья бомбистами, за год до этого отменил круговую поруку и телесные наказания для крестьян – впервые со времен Ивана IV Ужасного. Но ничто уже не могло спасти страну во главе с императором, о котором генерал М. Драгомиров сказал:

«Николай II сидеть на престоле годен,
Но стоять во главе России неспособен».

Спасти Российскую империю попытался Петр Столыпин, которого все современники называли государственным человеком, опередившим свое время. И апологеты и противники его писали о том, что он смог бы предотвратить участие России в Первой мировой войне, предотвратить революцию и гражданскую войну в России. Самодержавие, окруженное высшим чиновничеством, уничтожило его, тем самым уничтожив и себя, а заодно и завалив трупами в очередной раз Российскую империю.

Назначенный в 1906 году министром внутренних дел, но не имевший ни одной государственной награды П. А. Столыпин писал жене:

«Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть земного шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячи лет.

Господи, помоги мне!»

В марте 1907 года П. Столыпин выступил перед депутатами созданной, наконец, в период первой русской революции Государственной Думы:

«В стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно и брожения, каждый законопроект должен соотноситься с благом государства, учитывать его интересы, все умения, требуемые жизнью.

Наше Отечество должно превратиться в правовое государство. Пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц».

Если нет законов – то всегда есть коррупция, бюрократия, некомпетентность. Выступления П. Столыпина в Думе обсуждала вся Россия. Читали их и царю и царице – придворные сравнивали популярность премьера и императора: чиновники во все времена редко видели дальше своего кошелька. Заодно выяснилось, что и большевиков не интересует благо народа – им уже тогда было нужно только удовлетворение своих потребностей – за счет интересов и блага всей Российской империи. Коммунисты так ненавидели Столыпина, что даже через двадцать лет после его убийства называли арестантский вагон «стольпинским» – коммунисты

всегда приписывали свои мерзости другим, а тех, кто об этом знал – убирали. Даже слово «ликвидация» у Столыпина означало временное отселение «неблагонадежных лиц» из места, которое должен был посетить царь. Большевики наполнили слово другим, страшным содержанием, оставив авторство председателю правительства Российской империи.

Главной в программе реформ П. Столыпина была аграрная. После 1861 года крестьяне имели общинную собственность на землю. Вековой общинный уклад защищал крестьянина от неурожая, засухи, стихийных бедствий, завистливых соседей с помощью круговой поруки и взаимопомощи. Община содержала семью умершего или погибшего крестьянина. Община платила все недоимки, всем миром строили дом. В общине все равны, однако можно было работать хорошо, плохо, вообще не работать. Разбогатеть было практически невозможно. Всем давали поровну хорошей и плохой земли, чересполосица была чудовищной – один крестьянский надел мог находиться в ста местах – наделы менялись каждые несколько лет. Крестьянин три года удобрял, обхаживал землю, а получал надел лентяя. Добрый хозяин не мог даже проявить инициативу, используя удобрения и агротехнику. Обработанные покосы менялись на болота. Такой порядок устраивал самодержавие, помогая держать народ в узде.

Подготовленный П. Столыпиным и подписанный царем Указ от 9 ноября 1906 года дал крестьянам право выхода из общины и получения земельного надела в частную собственность. Надел были обязаны дать одним куском – отрубом. Крестьянин мог строить собственный хутор. П. Столыпин заявил в Думе: «я делаю ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных». Из общины успели выйти более двух миллионов крестьянских хозяйств, половину из которых составили украинцы.

Часть крестьян, оставшихся в общине, мешали новым хуторянам. Оставшиеся в общине относились враждебно к выходившим из нее. В среднем за оформление выхода отрубник давал взятку в размере бочки водки. Часто хутора сжигали, скот калечили. Крестьяне поехали за Урал, в Сибирь – на пустующие земли. Правительство сразу предоставило уезжающим льготы – простило недоимки, освободило на пять лет от налогов, давало беспроцентный кредит, ипотеку. Было создано Переселенческое управление, помогавшее людям в длинной дороге. За Урал успело уехать полтора миллиона человек, полмиллиона вернулось.

Столыпин после поездки в Сибирь писал в восторге, что скоро Россия станет главным поставщиком зерна в мире. Россия не успела –

справных мужиков раскулачили, общину возродили в виде колхоза – большевики никогда не любили работать сами.

За время проведения аграрной реформы из общины вышли двадцать процентов крестьянских хозяйств. Остальные восемьдесят процентов были «пьяными и убогими»? Нет, конечно. Желających было очень много – но на их пути встали чиновники – «крепостные, холопы и холуи при власти». С давних пор историкам известна «теория железного кольца» – когда вокруг государственного деятеля разными путями собирались полуобразованные люди, главной задачей которых было набить свои карманы и не пропустить к «хозяину» талантливых профессионалов, на фоне которых «их дурь была ясно видна». Никого не волновало, что происходило при этом с державой.

Реформу Столыпина проводили чиновники, бюрократы, «специалисты» по уничтожению идей. Крестьяне называли Управление землеустройства Управлением землерасстройства. По липовым отчетам за липовых переселенцев чинуши получали настоящие деньги, ссуды, льготы, кредиты. Для отчетов и проверок создавались «Потемкинские деревни» – в «контрольный день» за копейки нанимали соседних хуторян на проверяемую деревню изображать «счастливую жизнь за Уралом». Деньги разворовывались очень большие, губилась программа переселения.

Все правительственные программы реформ блокировались бюрократией, при попустительстве или участии династии. Современник столыпинских реформ писал:

«Развертываются широкие и заманчивые программы будущих реформ, затем происходит какой-то маневр, поражение без боя, отступление без сражения, и из программы исчезает значительная часть того, что недавно в ней красовалось».

П. А. Столыпин в сентябре 1911 года был убит в Киеве. Великий русский писатель А. И. Солженицын писал:

«Главные враги Столыпина – петербургские сферы и высшее чиновничество. Эта среда не отличается стальной упругостью, но – болотной вязкостью».

После гибели Столыпина царь лично приказал забрать его архив, который до сих пор не обнаружен. Через несколько лет российские солдаты ходили в атаку с деревянными винтовками, в столице империи непрерывно шла «министерская чехарда», а Охранные отделения в сотый раз

докладывали императору Николаю II:

«К началу сентября сего года среди самых широких и различных слоев общества резко отметились исключительное повышение оппозиционности и озлобленности настроения, достигшая таких исключительных размеров, каких не было в широких массах даже в период 1905–1906 годов.

За последнее время все без исключения выражают уверенность в том, «что мы на кануне крупных событий в сравнении с которыми 1905 год – игрушка».

В виду того, что подобного рода речи в настоящее время раздаются буквально во всех слоях общества, даже в кругах гвардейского офицерства, – необходимо считать, что весьма близко события первостепенной важности, которые нисколько не предвидятся правительством, которые печальны, ужасны, но в тоже время и неизбежны».

В 1917 году Гордиев узел накопившихся проблем и противоречий был разрушен большевиками, и Российская империя рухнула в пропасть, забыв, что нужно народу – чтобы власть обеспечивала порядок и права граждан, чтобы власть защищала свой народ и помогала ему.

Известие об отречении императора и Февральской революции 1917 года усилило национально-освободительное движение на Украине. 2 марта в Киеве была создана Центральная Рада. Самыми многочисленными партиями в Раде были партии украинских эсеров и украинских социал-демократов. В главе Украины встали украинский эсер, историк М. Грушевский, украинские социал-демократы В. К. Винниченко и С. Петлюра. 9 марта Центральная Рада выпустила воззвание «К украинскому народу», призвав его «группироваться в политические, культурные, экономические союзы и на все места выбирать своих, украинских людей».

На Украине между представителями Временного правительства, Центральной Рады, большевиками велась постоянная борьба. Были созданы украинские воинские части. К лету Центральная Рада формально стала правительством всей Украины – 25 июня был выпущен I Универсал – «отныне мы сами будем создавать свою жизнь». Правительством автономной Украины стал Генеральный секретариат. Н. Полонская-Василенко писала:

«Положение на Украине создалось очень тяжелое. Фактически власть Центральной Рады и Генерального секретариата не выходила за границы Киева, провинция их не знала, и это было величайшей ошибкой Генерального секретариата. Украину охватила анархия. С фронта шли дезертиры, вооруженные винтовками, пулеметами, даже пушками; все усилия поднять воинский дух, убедить солдат продолжать войну были бесполезны. Паника охватила всю Украину.

Выходом из этих тяжелых обстоятельств было, как казалось, создание вольного казачества, организация его началась стихийно».

Осенью 1917 года вольное казачество было создано – 60 тысяч вольных казаков возглавил П. Скоропадский.

После Октябрьского переворота 1917 года, уже 9-11 ноября в Киеве шли бои между большевиками и войсками штаба Киевского военного округа, представлявшими Временное правительство. Центральная Рада заняла нейтралитет, что было ошибкой – победили большевики. На Украине образовалось две власти.

20 ноября 1917 года Центральная Рада провозгласила Украинскую Народную Республику. К февралю 1918 года Киев был почти окружен большевиками. Представители УНР покинули Киев, который был 9 февраля занят большевиками, начавшими расстрелы офицеров, гайдамаков, монархистов.

11 февраля 1918 года в Киеве провозгласили Украинскую Рабоче-крестьянскую Республику, продержавшуюся в столице Украины меньше месяца. Н. Полонская-Василенко писала:

«На переговорах в Бресте представители Германии и Австро-Венгрии признали независимость Украинской Народной Республики, несмотря на заявления возглавляющего московскую делегацию Л. Троцкого о том, что большая часть Украины контролируется Харьковским Народным Секретариатом.

Дополнительными условиями Брестского договора были вооруженная помощь Украинской Республике для борьбы с большевиками и заем в сумме миллиона карбованцев.

Когда усилились слухи о приближении немцев, большевистские войска побежали с Украины. 2 марта 1918 года

украинское правительство вернулось в Киев, а 3 марта в город прибыли первые немецкие эшелоны.

Положение украинского правительства было очень тяжелым. Оно не имело реальной силы, чтобы противостоять немцам, которые заявили, что пришли как друзья, чтобы освободить Украину от большевиков, но в действительности вели себя как оккупанты. Возникали конфликты. Армии Украина не имела. После массовой демобилизации Центральная рада не создала новой армии.

29 апреля на заседании Центральной Рады был одобрен проект Конституции УНР, изменен земельный закон и избран руководитель страны, которым стал М. Грушевский.

Это было последнее заседание Центральной Рады. В тот час, когда она обговаривала законы, на съезде хлеборобов в Киеве был выбран гетман Павел Скоропадский, и немецкая власть санкционировала переворот. Украина стала «Украинской державой».

Гетману противостояла Директория со штабом в Белой Церкви. 12 ноября во главе Директории встал Симон Петлюра – «16 ноября Директория договорилась в Белой Церкви о нейтралитете и 17 ноября начала восстание. Повстанцы пошли на Киев».

14 декабря 1918 года гетман П. Скоропадский отрекся от власти и уехал за границу. 18 декабря власть на Украине перешла к Директории.

В ноябре 1918 года войска Советской России без объявления войны пошла на Украину – «борьба с большевиками была очень тяжелой: они использовали китайцев, которые с фанатичной твердостью шли в бой; начался массовый отъезд интеллигенции за границу».

На Украине, зажатой большевиками и Антантой, действовали повстанческие отряды, не признававшие Директорию. В феврале 1919 года большевики заняли Киев. Директория переехала в Винницу, потом в Проскуров, Каменец-Подольский. С. Петлюра незадолго до этого начал реформировать армию, но в мае ему в спину ударили польские войска, 16 мая взявшие Луцк, в котором хранились громадные запасы военного снаряжения и боеприпасов. Это был конец.

Летом петлюровцы начали наступление на большевиков, сначала развивавшиеся успешно. И опять им в спину ударили польские войска – польская элита, как всегда успешно, приближала грозный 1939 год. Были

столкновения и с деникинцами. В итоге генерал А. Деникин вместо похода на Москву начал воевать с Украиной.

В декабре 1919 года большевики взяли Киев, отогнали деникинцев, занимая один район Украины за другим.

В мае 1920 года украинские войска участвовали в советско-польской войне. Под Варшавой украинские дивизии помогли польскому «чуду на Висле», отбросив Красную армию от польской столицы. В августе 1920 года Россия и Польша подписали перемирие. Освободившиеся войска Советской России в ноябре после тяжелых боев отбросили украинскую армию за Збруч, где она была интернирована поляками. Н. Полонская-Василенко писала:

«На этом закончилась регулярная освободительная борьба за волю Украины. 18 марта 1921 года в Риге был подписан мирный договор между Польшей и Советской Россией. Польша признала Украинскую Советскую Республику.

Так с 1921 года была ликвидирована независимость Украины. Все ее части оказались под разными оккупациями: с 1918 года Буковина – под румынской, с 1919 года Закарпатье – под Чешской, с 1921 года Надднепровская Украина – под советской и польской, с 1923 года Галичина – под польской».

С 30 декабря 1922 года Советская Украина в составе СССР. В ноябре 1939 года СССР присоединил к Восточной Украине Западную, со Львовом. В августе 1940 года к Украине вернулись часть Бессарабии и Буковина. В конце Второй мировой войны, в 1954 году в память о 300-летию присоединения Украины к Московскому царству, в состав УССР вошел Крымский полуостров. В 1991 году в результате распада СССР Украина стала независимым государством. 24 августа 1991 года Верховная Рада Украины приняла «Акт провозглашения независимости Украины»:

«Исходя из смертельной опасности, которая нависла над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года

– продолжая тысячелетнюю традицию государственности в Украине,

– исходя из права на самоопределение, предусмотренного Уставом ООН и другими международно-правовыми

документами,

– осуществляя Декларацию о государственном суверенитете Украины, Верховная Рада Украинской Советской Социальной Республики торжественно провозглашает независимость Украины и создание независимого Украинского государства – УКРАИНЫ.

Территория Украины является нераздельной и неприкосновенной.

Отныне на территории Украины являются законными исключительно Конституция и законы Украины».

История Н. Березин поэтично писал о любимой им Украине:

«Солнце клонится к закату. Длинные тени легли поперек гребли и ползут через плетень на луга. Еще немного времени, и быстро начнутся сумерки, падает на землю ночь. Народ уже вернулся с полей, – вон у хаты видна пестрая толпа. Она не шумит, не движется, а словно замерла, как будто слушая кого-то. Жинки подперли ладонями щеки, а старые чоловики, как кто стал или сел, так и остался в грустной позе задумчивости. Посреди толпы свободное пространство, там сидит и поет ветхий слепец, помогая своему дребезжащему голосу не менее дребезжащими звуками, извлекаемыми у старой бандуры. Он поет «думу» о двух братьях, которые бежали из Азова. Из злой турецкой неволи. Когда это было? И было ли это? Да не все ли равно? Старый человек поет про старое время...

А ведь было же старое время, было, что казаки запорожцы бились с ляхами, бились с крымцами и турками. А еще раньше татары приходили. Киев разорили, а до того, кто знает что было. Было да былъем поросло.

Много сотен лет вырастала весной трава в степи, затянула она всю степь, накрыла курганы и овраги, и глубоко зарылась в ней шлемы и каленые стрелы печенежские, половецкие, косточки казацкие. Но осталась смутная память о том времени в людях. Работают они целыми днями, ночью спят, в бессонницу о своих делах думают, об урожае, о податях... А придет в деревню старик-кобзарь, забредет мирник с песнями-думами, и вспомнится каждому смутно, что было же время, были предки, и лилась кровь через всю Украину, за волю хлопскую и казацкую.

Если бы вышла из земли вся та кровь, что пролилась на Украине, зеленая степь заалела бы гуще того, чем в то время, когда по ней зацветают красные маки и стелются яркими пятнами и полосами вдоль. Было время!

В XXI веке Хортица – место казацкой славы, Украины, давно известное всему миру. Подвиги запорожцев, украинских казаков, возглавивших борьбу всего народа за независимость, – золотые страницы истории Украины. Уже около двухсот лет почти весь культурный мир читает «Тараса Бульбу» великого Гоголя, читает и восхищается. Никто и никогда не сможет ни повторить эти подвиги, ни даже воспроизвести.

Также подвиги не повторяются, и уж тем более не воспроизводятся. Ими гордится весь народ. Гордится и берет пример. И тогда изменяется история страны, государства.

Украинский народ гордился и воспевал своих рыцарей, «подобным которых не было во всем свете». Профессиональные историки в один голос говорят, что именно украинские казаки – «отважные витязи, страшные для врагов» – никогда не боялись смерти в бою. Невозможно не процитировать «Тараса Бульбу» Николая Васильевича Гоголя в редакции «Миргорода» 1935 года:

«– За славу и за всех христиан, какие живут на божьем свете! – сказал Бульба.

– За славу и христиан! – повторили ближние.

– За славу и христиан! – повторили дальние.

– Теперь на коней хлопьята!

Все очутились на конях и выехали вместе стройной кучей. Все дышало силою, свыше естественной. Какое-то вдохновение этой веселости, какой-то трепет величия ощущался в сердцах этой гульливой и храброй толпы. Их черные и седые усы величаво опускались вниз; их лица были исполнены уверенности.

Вся конная колонна ударила на неприятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но как будто веселясь и играя своим положением. Без всякого теоретического понятия о регулярности, как будто бы происходившего от того, что сердца их страсти били в один такт единством всеобщей мысли. Ни один не отделялся; нигде не разрывалась эта масса.

Польские войска, которые было приняли их стремительным упорством, начали отступать, пораженные робостью и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогать казакам.

Лучшие расположения армии были совершенно уничтожены этой разрушительной силой. Вся эта конная толпа неслась как-то вдохновенно, не изменяясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла.

Это была картина, и нужно было живописцу схватить кисть и рисовать ее. Французский инженер, который был истинный в душе артист, бросил фитиль, которым готовился зажигать пушки, и, позабывшись, бил в ладоши, крича громко: «Браво, месье запороги!»

За великим Гоголем хочется только воскликнуть:

«Браво запорожцы! Браво украинские казаки!»

А Украина – у нее всегда есть порох в пороховницах. Хай їй щастить.

Киев – Минск – Москва

2010